

З.Я.Ханин

СОЦИАЛЬНЫЕ
ГРУППЫ
ЯПОНСКИХ
ПАРИЕВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

З. Я. Ханин

СОЦИАЛЬНЫЕ
ГРУППЫ
ЯПОНСКИХ
ПАРИЕВ

(очерк истории до XVII в.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1973

Ответственный редактор
С. А. АРУТЮНОВ

В книге рассматривается малоизвестный советскому читателю аспект истории японского общества — процесс возникновения и развития дискриминации части населения страны. Работа дает общее представление об истории низших социальных групп с древнейшего периода до начала XVII в., когда в основном завершился процесс формирования сохранившейся до наших дней модификации японских париев — буракумин.

X $\frac{0163-2035}{042(02)-73}$ 124-73

Гораздо легче расщепить
атом, чем предрассудок.

А. Эйнштейн

Даже в самой Японии вплоть до настоящего времени подавляющее большинство населения не имеет никакого представления об истории дискриминируемого меньшинства страны и о подлинной сущности этого явления в наши дни. Бесспорно, перед любым японцем когда-либо жизнь неизбежно ставит вполне естественный, определяемый практикой вопрос: «Почему до сих пор продолжают с презрением и недоверием относиться к значительной части населения страны, не отличающейся от остальных жителей ни в расовом, ни в национальном отношении, ни языком, ни религией, ни видами занятий?».

Ответить достаточно правильно на этот вопрос среднему японцу довольно трудно: глубоко и всесторонне проблема дискриминации отверженных стала изучаться лишь после второй мировой войны, а накопленные к настоящему времени знания по разным причинам не получили еще широкого распространения. Поэтому и не удивительно, что имеющийся вакуум в осмыслении явления чаще всего привычно и легко заполняется комплексом уже давно сложившихся и прочно укоренившихся предрассудков, извращенных представлений, которые определяют источником явления дискриминации самих дискриминируемых, т. е. отрицательные эмоции и отношение к жителям *бураку*¹ объясняют их якобы врожденными низкими моральными качествами, недостойными, «оскверняющими» видами занятий и порочным образом жизни.

Если само проживание в Японии неизбежно обеспечивает ее населению общее знакомство с современным состоянием проблемы отверженных (которая, правда,

воспринимается ими чаще всего в искаженном виде, через призму предрассудков), то за пределами страны не только не представляют сути данной проблемы в наши дни, но почти не знают о ее существовании.

Почему же сложилось такое положение? Может быть, дискриминация отверженных в общественной жизни современной Японии стала малозаметным и незначительным явлением?

Нет, факты, к сожалению, говорят об обратном. В силу разных причин сегрегация париев сохраняется и сегодня. В частности потому, что власти никогда искренне не желали решать проблему дискриминации. Ссылаясь на принятые ими официальные акты, они утверждали, что в стране отсутствуют условия для дискриминации париев и, следовательно, не существует какой-то особой проблемы. Действительно, еще 28 августа 1871 г. под давлением демократической общественности правительство было вынуждено принять указ о запрещении дискриминации жителей бураку. Однако вскоре выяснилось, что этот акт не выражал истинных намерений японской администрации. Не подкрепленный никакими практическими мерами, он остался пустой декларацией, мало изменившей действительное положение отверженных. Поэтому почти через 80 лет, вскоре после окончания второй мировой войны, когда в стране неудержимо нарастало общедемократическое движение, власти, учитывая реальные социальные отношения и сложившуюся политическую обстановку, включили в новую конституцию статьи (14, 18 и 22-ю), запрещающие всякую сословную дискриминацию [см. 15, 502—503]. Но, несмотря на это, и в настоящее время, почти через четверть века после принятия новой конституции, дискриминация отверженных продолжает оставаться острой и весьма болезненной проблемой современной Японии.

В чем же теперь состоит сущность этой проблемы, в чем она проявляется? Что в нынешней Японии сулит человеку тот факт, что он родился в семье жителя бураку?

Жесткие рамки сохраняющейся дискриминации, как и прежде, в значительной степени предопределяют ему незавидную судьбу. Уже то обстоятельство, что родителями этого японца являются *буракумин*, до минимума

снизит его шансы получить среднее образование и поступить в высшее учебное заведение [см. 74, 3—5], стать высококвалифицированным специалистом, продвинуться по служебной лестнице²; его в последнюю очередь примут на работу, но при сокращении производства первым уволят и т. д. Старые, появившиеся за много сотен лет до его рождения, традиционные предрассудки определяют характер отношения к нему большинства окружающих его людей. Эти предрассудки навлекут на него совершенно необоснованные и вздорные подозрения в его возможных намерениях, сомнения в качестве характера, умственной и нравственной полноценности. Постоянно оскорбляя человеческое достоинство, они будут сопутствовать ему на протяжении всей жизни. Они не только будут его постоянно угнетать, но и затруднят возможность свободного, нормального общения с окружающими людьми, выбора места поселения, невесты (или жениха) и т. д. Это, безусловно, деформирует психику и характер человека, а в конечном итоге наносит огромный моральный ущерб всему обществу в целом.

Презрительное отношение к жителям бураку и сегодня продолжает ощущаться в любой сфере общественной жизни. На многих, даже крупнейших, предприятиях страны, в частности на судостроительных заводах в г. Хиросима, рабочим-буракумин выдают защитные каски особой расцветки, что позволяет любому встречному сразу определить социальную специфику их хозяев. Для этих рабочих на предприятиях оборудуются специальные бани, отдельные расчетные конторы и т. д. Городские бураку — это по преимуществу трущобы, а сельские — запущенные и нищие деревни. В поселениях отверженных более низкий, чем обычно в стране, уровень медицинского обслуживания, меньше школ, хороших дорог и зеленых насаждений, наибольшая скученность и наибольший процент безработных. Особое отношение к этой части населения находит выражение не только в конкретных особенностях их быта, но иногда в характере и условиях их деятельности. Более 70% буракумин проживают в настоящее время вне городов, занимаясь, правда в разной степени, сельским хозяйством. Но лишь 40% из них имеют свои участки земли, чаще всего весьма небольшие (менее 3 тан³), к тому же обычно худ-

шего качества [43, 24]⁴. Поэтому, естественно, обеспечить свои даже минимальные потребности только доходами от сельского хозяйства они, как правило, не в состоянии и вынуждены прибегать к различным дополнительным заработкам, чаще всего вне города.

В условиях промышленного бума последних лет и вызванной им растущей потребности в рабочей силе отверженных, хотя и неохотно, все же стали принимать на многие предприятия, правда, в основном слабо оснащенные новейшей техникой и главным образом для выполнения работ, не требующих особой квалификации. Значительная часть жителей бураку (особенно городских) выполняет наиболее тяжелые, часто опасные, но низкооплачиваемые виды работ. Их охотнее нанимают грузчиками, такелажниками, уборщиками мусора и сборщиками утиля, батраками, используют на ирригационных и дорожных работах и т. д.

Поскольку квалифицированный труд, в котором все более нуждается современное производство, по разным причинам остается малодоступным для жителей бураку, многие из них вынуждены заниматься (чаще для приработка) и старыми, традиционными видами своей деятельности: изготовлением обуви, изделий из бамбука, соломы, мелким кожевенным производством, мелочной торговлей и т. д.

Как это ни парадоксально, но многое из сказанного в значительной степени может быть отнесено и к положению тех сотен тысяч выходцев из бураку, которым уже давно, иногда во втором и третьем поколении, удалось вырваться из своих поселений и расселиться по стране. Горький и тяжкий груз презрения и дискриминации, связанный с их происхождением, обычно сопровождает их в любом уголке Японии. Скрыть сословное происхождение практически невозможно, поскольку при оформлении на работу, на новом месте жительства и т. д. они должны представить подробную биографию, сведения о родителях и близких, а также обязательное поручительство. Подача неточных данных карается законом.

Не удивительно, что в результате сохраняющейся дискриминации среди жителей бураку уровень здоровья и продолжительности жизни ниже, чем в среднем по стране.

Правда, все это не исключает отдельные, к сожалению не частые, случаи, когда, преодолев все препятствия и ограничения, ценою огромных усилий жителю бураку удается получить образование, стать высококвалифицированным специалистом, мастером, ученым, добиться относительного успеха. Но для этого от него обычно требуется гораздо больше, чем от любого иностранца, настойчивости, а нередко и жертв; необходимо также и стечение каких-то счастливых обстоятельств. Поэтому такие исключения фактически не опровергают, а лишь подчеркивают общее правило, заключающееся в том, что до настоящего времени часть населения страны продолжает подвергаться политической и экономической дискриминации, психологическому отчуждению и «обычному» повседневному бытовому унижению.

На какую группу населения распространяются эти ставшие привычными особенности условий существования части японцев? Официальные учреждения, которые в соответствии с установившейся политической традицией обычно игнорируют проблему дискриминации отверженных в стране, в течение XX в. не производили достаточно полной переписи жителей бураку, поэтому точное их число в настоящее время неизвестно. Правда, в 1935 и 1962 гг. некоторые общественные организации предприняли попытки определить количество бураку и их жителей. Однако надежных данных получить все же не удалось: во время опросов многие скрывали свое социальное происхождение (что при поступлении на работу обычно не удается), а местные власти часто не давали точных сведений о статусе населенных пунктов.

В связи с этим политические деятели и ученые Японии, занимающиеся исследованием различных аспектов дискриминации отверженных, приводят в своих работах чрезвычайно разнообразные цифры: общее число буракумин определяется в пределах от 1,3 млн. до 3 млн., а поселений — от 4 тыс. до 6 тыс. [см., например, 39, 4; 43, 26—28; 47, 9—10; 56, 25]. Следует также учесть, что значительная часть отверженных в настоящее время проживает вне бураку. Существует мнение, что число людей, давно покинувших бураку, превышает миллион [51, 8—9]. Таким образом, и приведенные здесь

данные производят достаточно большое впечатление (буракумин составляют не менее 3% всего населения страны), хотя, бесспорно, даже такие цифры сами по себе не дают представления о подлинной общественной значимости этого явления для Японии в целом.

Слабая информация по проблеме японских париев может вызвать различные вопросы. Например, имеет ли исследование этого аспекта истории Японии вообще какую-либо научную ценность? Играла ли презируемая и дискриминируемая часть населения страны существенную роль в истории японского общества?

Материалы прошлого и уровень исследований, достигнутый японскими учеными, позволяют рассеять подобные сомнения. История низших социальных групп, поставленных в положение отверженных, чрезвычайно продолжительна, сложна и противоречива. Она насчитывает многие сотни лет. И на протяжении всей своей долгой истории низшие социальные группы всегда играли заметную роль в развитии производительных сил, культуры, в различных народных движениях, в политической и идейной жизни страны. В настоящее время среди исследователей сложилось убеждение, что не только изучение проблемы отверженных не может осуществляться изолированно от анализа общего исторического процесса развития страны, но и что без знания основных аспектов эволюции презируемых социальных групп общие представления о всей истории Японии окажутся искаженными. Поскольку отверженные являются неотъемлемой частью японского народа, а их история — частью истории Японии, изучение их проблем так же важно и необходимо, как и исследование всех других аспектов истории страны.

Все сказанное выше, по нашему мнению, свидетельствует о необходимости более полного, чем это пока имеет место, ознакомления общественности с проблемами японских париев. Но в данной работе мы не хотели бы ограничиться только такой общей задачей. Недостаточная изученность истории дискриминируемого меньшинства, наличие многих неясных и спорных аспектов проблемы и все еще сравнительно низкий уровень теоретического осмысления данного явления в широком плане делают вполне обоснованными и полезными новые попытки освоения темы.

Мы полагаем, что длительный и сложный период развития дискриминации низших социальных групп до конца XVI в. (когда стали широко создаваться существующие до настоящего времени поселения современных отверженных — буракумин) представляет собой в известной степени самостоятельный, особый в истории японских париев этап. Но лишь в том смысле, что на всем его протяжении постепенно накапливались элементы, формировались и закреплялись черты, характерные для последней, существующей до наших дней модификации отверженных. Поэтому мы не считаем указанный период лишь предысторией буракумин. Он составная и важная часть их истории, истории явления дискриминации париев в Японии.

Рассматривая историю постепенного становления этого явления в общественной жизни страны, мы, естественно, не будем касаться всех связанных с ним основных проблем. Наши цели гораздо проще. Мы хотели бы обратить внимание лишь на отдельные, но весьма важные его аспекты: возможные истоки зарождения, процесс внешней трансформации явления из социально-экономического в традиционное, на подлинную роль отверженных в развитии производительных сил и культуры средневековой Японии и некоторые условия воспроизводства низших сегрегируемых социальных групп в период феодализма.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ДИСКРИМИНАЦИИ ОТВЕРЖЕННЫХ В ЯПОНИИ

До 20-х годов XX в. предпринимались относительно слабые попытки осмыслить явление дискриминации японских париев, было опубликовано незначительное число работ, посвященных этой проблеме. Это объясняется тем, что исследование истории низших социальных групп Японии связано со многими трудностями объективного и субъективного характера. Большинство сохранившихся общих описаний страны в основном посвящены сфере деяний императорской семьи, *сёгунов*¹ и знати. События жизни широких народных масс часто оставались в тени, поскольку в меньшей степени считались достойными внимания летописцев. История же низших социальных групп в силу сложившихся традиций находила особенно скудное отображение в различных официальных документах прошлого. Даже на страницах *фудоки*² [см., например, 13] почти не встречается упоминаний об этих группах. В связи с этим для нас могут оказаться вообще нераскрытыми отдельные стороны жизни отверженных, многие существенные события их истории, борьбы и творчества, имена героев. Во всяком случае, даже в настоящее время, когда основные доступные материалы, в той или иной степени связанные с проблемой отверженных, уже достаточно исследованы, такое предположение кажется вполне обоснованным.

Существовало еще одно серьезное обстоятельство, затруднявшее изучение проблемы дискриминации. Оно заключалось в том, что хранившиеся в государственных архивах исторические документы, связанные с этой про-

блемой, длительное время были почти недоступны исследователям. К попыткам изучения истории отверженных власти всегда относились настороженно. Именно поэтому все то, что в какой-то степени было связано с этой проблемой, изымалось из книг, и в первую очередь из учебников [см. 56, 14].

В таких условиях любому ученому, обратившемуся к данной теме, было необходимо обладать гражданской смелостью, независимостью суждений, свежестью восприятия исторических явлений, а также бескомпромиссной честностью, чтобы не считаться с традиционным общественным мнением.

Все эти трудности служили достаточно высоким барьером, преодолеть который удавалось очень немногим. Но даже те, кто в прошлом касался в своих работах «запретной» темы, обычно добивались скромных в научном отношении результатов.

Иногда обращение к данной теме диктовалось определенными политическими мотивами, не связанными с интересами дискриминируемого меньшинства. Пожалуй, поэтому вплоть до окончания первой мировой войны публикация работ, посвященных проблеме дискриминации отверженных, носило случайный характер.

Нам неизвестны какие-либо попытки изучения проблемы отверженных, предпринятые до XVII в. Но и в течение XVII—XIX вв. появилось небольшое число сочинений, в разной степени и по различным поводам затрагивавших историю японских презираемых социальных групп. Среди них работы таких авторов, как конфуцианский ученый Курокава Дою (?—1691); ученый и государственный деятель Араи Хакусэки (1657—1725); специалист в области отечественной истории, философии, литератор, лингвист, а также специалист по военному делу, политике и экономике, конфуцианский ученый Огю Сораи (1666—1725); выдающийся ученый, знаток японской классической литературы, известный комментатор «Кодзики»³ Мотоори Норинага (1730—1800); специалист по японской классической литературе Мотоори Утидо (1791—1855) и др. Эти работы объединяло общее мнение, что жители бураку непосредственно происходят от разных групп *сэммин*⁴ далекого прошлого, и уже это, как полагали авторы, делало достаточно обоснованной их сословную дискриминацию.

В период, предшествовавший социальному и политическому кризису и преобразованиям 1867—1868 гг., в японском обществе усилились идейные поиски и споры, связанные с попытками определить характер и масштабы возможных и необходимых перемен в стране. В какой-то степени эти споры коснулись и проблемы дискриминации отверженных, которая, пожалуй, впервые стала предметом открытой полемики, правда, еще в очень узком кругу ответственных и высокопоставленных лиц.

В 30—40-х годах XIX в. некоторые ученые и общественные деятели затронули в своих произведениях проблему отверженных. Предлагая различные способы решения этой сложной социальной проблемы, они высказывали также суждения, касающиеся в основном истоков возникновения дискриминируемого меньшинства. Однако в этом они не шли дальше весьма поверхностных утверждений о том, что жители бураку — это не японцы, а потомки какого-то иного народа или даже представители другой расы.

Наиболее известными являются работы таких ученых, политических деятелей и публицистов, как Ито Цунэтари, Хоаси Банри и Тиаки Фудзиацу. Конфуцианский ученый, географ Ито Цунэтари (1774—1858) в своем сочинении «Тодзико» («Размышления о бойцах скота»), вышедшем в 1832 г., утверждал, что дальние предки японских париев были выходцами из Кореи, из владений княжества Кудара⁵, и уже это якобы обусловило их дискриминацию.

В 1848 г. Хооси Банри (1778—1852)⁶ — конфуцианский ученый и государственный деятель из владений Бунго⁷ опубликовал трехтомное сочинение «То сэн фу рон» («Восточный сэн фу рон»)⁸, в котором, в частности, говорит о том, что предками жителей бураку были не японцы, а некие варвары, скорее всего *эдзо*⁹ [см. 65, 180—181].

Подобные утверждения, естественно, не были плодом научных изысканий и представляли собой скорее устоявшиеся догмы, вытекавшие из привычных традиций и предрассудков. В связи с тем что историей отверженных тогда еще никто серьезно не занимался, утверждение об иноземном происхождении явления дискриминации надолго закрепилось в научных и политических кругах Японии. Так, например, в 60-х годах

XIX в. представитель администрации во владении Кага¹⁰ Тиакки Фудзиацу составил проект освобождения жителей бураку и представил его на обсуждение центральных властей. В нем он как о бесспорном факте говорил о том, что предками японских париев были пленные айну и другие варвары, но это, по его мнению, не должно служить каким-то препятствием к повышению их социального статуса до уровня остальных граждан [см. 65, 181—183].

Впоследствии кривая интереса к проблеме дискриминируемого меньшинства имела свои подъемы и спады, вызванные различными обстоятельствами. Так, после опубликования в 1871 г. специального правительственного указа об освобождении жителей бураку, формально провозгласившего их равноправие, проблема отверженных, казалось, ушла в тень и почти перестала привлекать к себе внимание научной общественности Японии. Появившиеся в конце XIX—начале XX в. отдельные работы, в которых вскользь затрагивалась история отверженных, не имели слишком широкого резонанса в обществе.

Однако положение резко изменилось после так называемых рисовых бунтов, прокатившихся по всей стране в августе—сентябре 1918 г. В народных выступлениях участвовали тогда также и десятки тысяч жителей бураку. Это событие стало весьма значительной вехой в развитии демократического движения в стране и, в частности, положило начало новому этапу изучения истории японских отверженных. Пожалуй, впервые история буракумин привлекла к себе серьезное внимание самих участников борьбы за освобождение отверженных, представителей дискриминируемого меньшинства, а также сторонников широкого демократического движения, искренне заинтересованных в научном осмыслении проблемы и, самое главное, в ее справедливом решении. Это обстоятельство, бесспорно, способствовало осуществлению первых, нередко удачных, попыток объективного, научно обоснованного анализа явления дискриминации японских париев.

В июле 1919 г. из печати вышел специальный номер журнала «Миндзоку то рэкиси» («Народ и история»), целиком посвященный различным аспектам истории японских отверженных [см. 49]. Особенно большую роль

в организации и выпуске этого номера журнала сыграл проф. Кита Синкити. В том же году в Токио была создана первая, правда, просуществовавшая недолго организация буракумин, одной из задач которой было изучение и широкое распространение результатов исследований проблемы дискриминации отверженных. Значительным событием в формировании освободительного движения буракумин стала опубликованная в 1921 г. статья Сано Манабу (1892—1953)¹¹ «Токусю буракумин кайхо рон» («Об освобождении жителей „особых поселков“»), в которой автор рассматривал возможные пути решения проблемы дискриминации японских отверженных. Главные положения этой статьи широко обсуждались в демократических кругах страны и явились теоретической основой организованного движения за освобождение буракумин.

Большим достижением японского демократического движения явилось создание в 1922 г. всеяпонской организации отверженных Дзэнкоку суйхэйся (Национальное общество уравнивания), решительно выступавшей против сегрегации, унижения и произвола¹². Впервые в Японии появилась организация, на которую жители бураку реально могли возлагать какие-то надежды. Деятельность Общества уравнивания послужила определенным стимулом к изучению проблемы отверженных, которое рассматривалось в то время составной частью освободительного движения париев.

Весьма интересной и важной представляется опубликованная в 1924 г. работа активного общественного деятеля и талантливого ученого, тогда еще совсем юного, 19-летнего Такахаси Садааки¹³ «Токусю бураку иссэн нэн си» («Тысячелетняя история „особых поселков“», переизданная в 1926 г. под другим названием). Несмотря на некоторые, вполне естественные для того времени общие недостатки, эта работа явилась первым удачным опытом систематического изложения истории японских париев.

Говоря о положительных переменах, связанных с проблемой дискриминируемого меньшинства (создание общества, опубликование специальных статей и книг), следует помнить, что они осуществлялись в условиях постоянных преследований и жестких ограничений. Возможности для подлинно научного изучения пробле-

мы отверженных (в частности, доступ к архивным материалам, получение необходимой информации и статистических данных) все еще были крайне ограниченными. Поэтому публикация любой работы по истории париев до конца второй мировой войны была весьма редким явлением. Из крупных работ этого периода следует отметить изданную в 1943 г. книгу Миёси Ихэй-дзи «Дова мондай-но рэкиситэки кэнкю» («Исследование истории проблемы гармонизации»), большая ценность которой заключается в том, что в ней собраны, систематизированы и проанализированы многие источники по истории буракумин [см. 48].

После окончания второй мировой войны в Японии сложились более благоприятные условия для развертывания освободительного движения буракумин и, следовательно, для более широкого изучения их истории. Как известно, создание этих условий в конце концов определялось существенными переменами в политическом и общественном климате во всем мире (в том числе и в Японии), которые явились следствием военного краха фашистских тоталитарных режимов и повсеместного подъема освободительного и демократического движения.

Однако это вовсе не означает, что в Японии после 1945 г. были созданы идеальные условия для развертывания освободительного движения дискриминируемых, а также для изучения их проблем. Хотя в меньшей степени и не так открыто, как прежде, отношение властей к отверженным, их нуждам оставалось в целом негативным, прежние предубеждения и предрассудки сохранялись. Кроме того, возникли и некоторые новые трудности, находившиеся как вне самого движения, так и внутри него. В частности, власти, по-прежнему игнорируя явление дискриминации, не поддерживали усилий, направленных на радикальное решение всего комплекса проблем японских париев, что по существу способствовало сохранению сегрегации буракумин. Внутри движения за освобождение и равноправие отверженных (и даже среди исследователей проблемы) в последнее время возникли существенные, нередко принимающие довольно острые формы разногласия по вопросам сути явления, а также о целях и методах борьбы. Участникам движения и исследователям истории отверженных до сих

пор еще не удалось полностью привлечь внимание широкой общественности к этой достаточно актуальной проблеме современной Японии.

И все же чрезвычайная сложность и противоречивость политических условий послевоенной Японии не могли остановить освободительное движение буракумин и дальнейшее изучение их истории. Собственно, всестороннее, организованное, в научном отношении скоординированное исследование явления дискриминации отверженных по-настоящему началось лишь после окончания войны на Тихом океане.

Осенью 1948 г. в Киото был открыт Институт изучения проблем бураку (Бураку мондай кэнкюдзё), который стал научным центром, объединившим и стимулировавшим исследования по истории дискриминации. За короткий срок, в четверть века, небольшой коллектив института проделал огромную и чрезвычайно полезную работу. Ученые восстановили многие не известные ранее страницы истории японских париев, ответили на некоторые существенные вопросы проблемы отверженных и поставили на повестку дня множество новых, ждущих своего решения задач.

Резкое обострение противоречий внутри движения за освобождение буракумин вызвало идейный и организационный раскол и в научной среде. В противовес киотоскому институту в Осака также возник научный центр по изучению проблем отверженных — Институт освобождения бураку (Бураку кайхо кэнкюдзё), который стал ведущим научным учреждением и объединил значительную часть специалистов по истории социальных групп отверженных. В настоящее время институт в Осака имеет более широкую политическую и социальную основу, чем киотоский.

Научной базой проведенных в стране исследований и их первым этапом стали повсеместный сбор доступных в настоящее время материалов и документов и специальное тщательное выделение из уже известных источников всего, что прямо или косвенно может быть отнесено к истории низших и презираемых социальных групп. Результатом этой большой и важной работы явились изданные после 1956 г. киотоским институтом четыре тома материалов по истории отверженных под названием «Бураку си-ни кан-суру соготэки кэнкю» («Ком-

плексное изучение истории бураку») [см. 6]. Эти материалы охватывают историю отверженных с древнейшего периода до конца XV в.

После войны исследование проблемы отверженных осуществлялось в самых разных направлениях, касаясь все новых аспектов их истории. Нередко мнения ученых по многим вопросам расходились. Для успешного продвижения работы возникла насущная необходимость в собственном печатном органе, и уже в 1949 г. стал выходить научный журнал «Бураку мондай кэнкю» («Изучение проблем бураку»), а через несколько лет другой — «Бураку». На страницах журналов публикуются теоретические и дискуссионные статьи, архивные материалы, статистические данные, анализируются особенности положения дискриминируемых групп населения в США, ЮАР и других странах, приводятся результаты социологических опросов, письма читателей, материалы политических и научных конференций по проблемам буракумин и т. д. В последние годы серьезным научным, литературным и политическим периодическим изданием, посвященным проблемам бураку, стал журнал «Бураку кайхо» («Освобождение бураку»), выпуск которого был организован осакским институтом.

О масштабах и разносторонности осуществленных в послевоенные годы исследований истории дискриминации японских отверженных свидетельствуют десятки монографий и сотни статей. Они принадлежат перу многих историков современной Японии, таких, как Хаясия Тацусабуро, Нарамото Тацуя, Иноуэ Киёси, Уэда Маасаки, Ватанабэ Хироси, Харада Томохико, Фудзитани Тосио, Китахара Тайсаку, Китаяма Мофу, Морита Ёсинори и многих других [см. 44; 52; 65 и др.].

Объем данной книги не позволяет подробно рассмотреть появившуюся в послевоенные годы в большом количестве литературу, посвященную проблемам дискриминации отверженных в Японии. Поэтому ограничимся лишь некоторыми общими замечаниями.

Для прежних исследований, сравнительно малочисленных, был характерен один весьма существенный недостаток. Он заключался в том, что эти исследования основывались на материалах, посвященных поселениям отверженных лишь некоторых центральных районов Японии [см., например, 48]. Таким образом, история париев

других районов страны долгое время оставалась для ученых *terra incognita*. В связи с этим, естественно, было трудно прийти к достаточно обоснованным общим выводам. В настоящее время этот пробел успешно восполняется. На основе ранее не известных или не использованных материалов производится детальное изучение процесса развития дискриминации во многих районах страны, что делает возможным более глубокое и правильное понимание сути проблемы [см., например, 39].

В довоенное время в подходе к дискриминации париев преобладало стремление рассматривать ее как нечто чрезвычайно специфическое, выпадающее из общей истории Японии, почти не связанное с ней, развивающееся лишь в силу своих внутренних закономерностей явление¹⁴. В связи с этим отношение к проблеме дискриминации, да и к самим отверженным со стороны ученых и общественных деятелей нередко определялось лишь такими мотивами, как интерес к парадоксу или сочувствие. Искусственная оторванность явления дискриминации от общей истории Японии приводила к тому, что сущность этой проблемы иногда связывалась лишь со сферой сознания, и поэтому достаточно эффективный способ ее решения видели лишь в правильном воспитании народных масс¹⁵.

Исследования истории париев, осуществленные японскими учеными после второй мировой войны, убедительно доказали полную несостоятельность многих прежних заблуждений и предрассудков и определили подлинно научный подход к рассматриваемому явлению. В настоящее время это явление уже не может восприниматься лишь как парадоксальный, стоящий вне рамок общего исторического процесса развития страны и не связанный с ним феномен. Многие современные исследователи данной проблемы в своих работах подчеркивают как бесспорную мысль о том, что история отверженных — это неотъемлемая и существенная часть истории всего японского народа и объяснить ее лишь внутренними процессами самого явления не удастся [см. 59, 18; 61, 31].

Поэтому совершенно очевидно, что без анализа общесторического процесса развития страны невозможно понять явление дискриминации, причины его возникновения и многовекового развития. С другой стороны, пренебрежительное отношение к истории отверженных

искажает общую картину социальной, политической и идеологической жизни японского общества на протяжении многих веков. В связи с этим в настоящее время отношение к исследованию истории отверженных в Японии в первую очередь диктуется научной необходимостью и политической актуальностью.

Знакомясь с многочисленной и разнообразной специальной литературой, неизбежно приходишь к выводу, что всестороннее изучение явления дискриминации, осуществляемое японскими исследователями в послевоенный период, позволило, с одной стороны, решить ряд спорных и неясных ранее вопросов истории париев, а с другой — поставило перед исследователями новые, еще более сложные вопросы, требующие дальнейшего научного анализа.

В настоящее время для большинства исследователей стало уже достаточно очевидным, что возникновение и длительное существование явления дискриминации отверженных обуславливается сложным комплексом различных сил — социально-экономических, политических, идеологических и психологических, — механизм взаимодействия которых, однако, почти еще не изучен. Известно лишь, что на протяжении истории в зависимости от различных конкретных условий они по-разному воздействовали на него.

Проведенные в послевоенные годы исследования проблемы дали возможность установить, что японские отверженные практически играли весьма заметную роль в развитии ряда отраслей ремесла, искусства, в народных движениях, они наложили свой отпечаток на формирование традиций и социального мировоззрения нации, на некоторые особенности развития многих городов, поселков и т. д.

Однако наряду с указанными успешно изучаемыми аспектами истории дискриминируемого меньшинства Японии имеются и такие стороны этого явления, в исследовании которых сохраняются особые трудности и наблюдается значительное расхождение точек зрения. В первую очередь мы имеем в виду вопросы об истоках и причинах столь длительного существования явления дискриминации отверженных. В послевоенное время эти вопросы часто обсуждались на страницах специальной литературы и были объектом многих дискус-

сий. Особая сложность данного аспекта проблемы заключается в том, что в условиях Японии в отличие от некоторых других стран отсутствуют расовые, национальные, религиозные и некоторые другие признаки, отличающие отверженных от остального населения страны. Это обстоятельство в значительной степени затрудняет решение проблемы и вместе с тем способствует возникновению различных специфических теорий происхождения японских париев. В разное время предпринимались попытки объяснить возникновение явления дискриминации в стране исключительно национальными, профессиональными, религиозными, политическими или какими-либо иными причинами, игнорируя при этом роль других процессов. Вполне понятно, что такие попытки оказались несостоятельными.

Прогресс, достигнутый в изучении и осмыслении данной стороны проблемы, выразился в том, что в наши дни среди исследователей преобладает мнение о невозможности считать какой-либо из указанных признаков, взятый отдельно, единственным источником явления дискриминации [подробнее см. 60; 70]. Это мнение полностью совпадает с основными общими выводами о возникновении любых групп отверженных и подтверждает тот факт, что японские парии — лишь частный случай широко распространенного явления дискриминации. Здесь основные выводы заключаются в том, что расовые, национальные, профессиональные и религиозные признаки сами по себе вообще не могут быть причиной дискриминации, хотя укоренившиеся предрассудки и основанные на них различные наукообразные «теории» утверждают обратное. Считать упомянутые признаки естественным источником сегрегации париев — значит ставить проблему с ног на голову, а следствие принимать за причину. Вывод из таких ошибочных суждений предполагает неизбежность дискриминации до тех пор, пока будут существовать указанные различия. В этом случае дискриминация париев из явления исторического неизбежно превращается в чисто биологическое или психологическое, что полностью противоречит действительности.

Явление дискриминации отверженных по любому признаку (национальному, расовому, профессиональному или религиозному) не может также быть лишь механически воспринятым извне, из другой страны. Прав-

да, внешние силы могут оказать в этом отношении определенное воздействие, но главным образом на формы реализации явления и только в том случае, если в данном общественном организме уже сложились условия, способствующие его развитию.

Следует обратить особое внимание на все эти общие положения, основанные на реальных фактах, так как в Японии вплоть до настоящего времени еще имеют место суждения о дискриминации отверженных как о привнесенном извне (из Кореи и Китая) явлении, связанном с национальными различиями¹⁶.

Однако эти замечания, естественно, не исключают важной роли психологического аспекта явления дискриминации и научной необходимости изучения процесса возникновения и распространения предрассудков (национальных, профессиональных и пр.), практически выполняющих в эксплуататорском обществе социальные и политические функции. К сожалению, данная сторона проблемы еще не стала объектом специального исследования, которое могло бы способствовать установлению многих побудительных причин возникновения в обществе групп отверженных.

Знакомство с работами, в которых предпринимаются попытки рассмотреть единый процесс развития явления дискриминации отверженных в Японии, убеждает нас в том, что они страдают очевидной фрагментарностью, определенной расчлененностью [см. 42; 46; 64 и др.]. Однако эта особенность не является следствием теоретических или композиционных просчетов авторов, она свидетельствует только о современном состоянии изучения истории японских париев.

Создавшееся положение в какой-то мере определяется тем, что явление дискриминации отверженных в Японии кроме отсутствия расовых, национальных и других различий обладает еще одной особенностью. Суть ее в том, что процесс формирования групп отверженных в стране был чрезвычайно длительным и на протяжении истории, как мы уже отмечали, существовали и сменяли друг друга многие низшие социальные группы, имевшие не только разные названия, но и в известной мере отличавшиеся источниками пополнения, некоторой спецификой социально-экономического положения, классовым составом и т. д. По нашему мнению, процесс развития

явления в целом свелся к постепенной трансформации четко юридически зафиксированных низших социальных групп в особые объединения, в приниженном положении которых решающую роль стали играть веками сложившиеся традиции и предрассудки. Вот именно этот единый процесс социального развития рассмотреть по-настоящему еще не удалось, что и является причиной известной фрагментарности в изложении истории париев.

В общих работах обычно последовательно излагается история отдельных групп: *бэ-но тами*, *сэммин*, *дзакко*, *томобэ*, *сандзё-но тами*, *каварамона*, *эта*, *хинин* и *буракумин*¹⁷. Однако проведенные исследования еще не дали вполне ясной и конкретной картины возникновения, развития и взаимоотношений этих социальных групп, и среди ученых сохраняются разногласия по поводу определения их особенностей. Таким образом, у нас еще нет достаточно убедительной схемы развития явления дискриминации отверженных в Японии с древнейших времен до наших дней.

Этим в какой-то степени определяется тот факт, что внимание многих современных исследователей концентрируется главным образом на конкретной истории особых поселков (*токусю бураку*), т. е. на истории группы отверженных, которая сформировалась в основном в XVI—XVII вв. и существует в наши дни¹⁸. Исключительное внимание к проблеме буракумин определяется также и ее политической актуальностью. Ведь известно, что именно демократическое движение за освобождение отверженных в XX в. способствовало изучению их истории. Это обстоятельство, по нашему мнению, определило две особенности современных исследований истории отверженных: их практическую направленность (в частности, стремление обосновать возможные способы решения проблемы) и особую эмоциональность исследователя в подходе к теме и в изложении, что вполне естественно.

Однако исключительное внимание исследователей лишь к истории бураку может вызвать и некоторые возражения, поскольку подобная несоразмерность в акцентах, несомненно, способна нанести определенный ущерб изучению проблемы дискриминации в целом. Дело в том, что в связи с указанным подходом возникает некоторая оторванность истории бураку от ее «предыстории», носящая явно искусственный характер.

В настоящее время это отмечают уже многие японские историки. Их отношение к сложившемуся положению хорошо выразил известный специалист по древней истории Японии Уэда Масааки. Он отмечает, что отдельные ученые все события, связанные с дискриминацией отверженных до конца периода Сэнгоку¹⁹, относили к «предыстории» бураку и, таким образом, полагали, что формирование бураку оказалось качественно новым явлением в истории Японии. В связи с этим, подчеркивает Уэда Масааки, создается неоправданный искусственный разрыв единого в своей основе последовательного процесса развития одного явления [см. 61, 33—37]. Он справедливо считает совершенно несущественным возникающий иногда в настоящее время спор о том, являются ли события, происходившие в жизни низших социальных групп до XVII в., историей или предысторией буракумин. Проблема, по его мнению, заключается не в этом довольно схоластическом споре, а в необходимости четкого осознания того, что при изучении истории бураку не следует игнорировать или искусственно изолировать их так называемую предысторию. Изучение данного явления должно начинаться с древнейшей истории [см. 63, 286—287].

Большинство японских исследователей обычно и начинали свои изыскания в области истории отверженных с древнейших времен, с периода далекой «предыстории». Однако в их изложении процесс развития явления дискриминации париев обычно выглядел необъяснимо прерывистым, скачкообразным. Тот подход к изучению проблемы, который был, в частности, определен Уэда Масааки, предполагает необходимость установления единой линии развития явления и его общих закономерностей.

В связи с этим мы хотели бы обратить внимание читателя на некоторые дополнительные обстоятельства, определяемые указанным Уэда подходом к изучению истории отверженных, который только и может способствовать объяснению причин возникновения и столь долгого существования явления дискриминации париев в Японии.

Исследуя причины и особенности путей формирования всех возникавших в Японии низших социальных групп, мы тем самым получаем возможность рассмот-

реть механизм зарождения и развития явления дискриминации в целом.

Сам факт последовательной смены многочисленных и в известной мере отличавшихся друг от друга дискриминируемых групп свидетельствует о том, что в условиях Японии вопрос о весьма длительном существовании явления отверженных оказывается не менее сложным и важным, чем проблема их возникновения. Действительно, многовековое существование этого явления не может быть объяснено лишь какими-то первоначальными побудительными импульсами. Исследования показали, что некоторые условия, способствовавшие возникновению дискриминации, со временем исчезали, но само явление, хотя и несколько видоизмененное, все же оставалось. Однако это вовсе не может означать, что оно продолжало действовать лишь в силу инерции, как историческая традиция. То, что оно, постепенно видоизменяясь, существовало в форме различных презируемых групп, свидетельствует о возникновении в каждую новую эпоху обстоятельств и сил, обеспечивших сохранение сегрегации дискриминируемого меньшинства. Эти обстоятельства и силы можно было бы определить как условия воспроизводства дискриминации отверженных. Анализ данного явления, в результате которого выясняются условия его воспроизводства, может способствовать установлению подлинных особенностей положения японских париев в каждый новый период истории.

При исследовании истории дискриминации с древнейших времен, при изучении параллельно существовавших и сменявших друг друга низших социальных групп крайне важно, чтобы это явление рассматривалось не только в статике, в виде среза в каждый определенный период, но и в процессе развития, взаимодействия разнонаправленных и разнокачественных сил. Это необходимо потому, что дискриминация отверженных не возникает вдруг, как вполне сформировавшееся и неизменное явление, что существенно и для Японии, где дискриминация отверженных явилась результатом чрезвычайно длительного (многовекового) воздействия различных сил. И только на каком-то историческом этапе (точно не фиксируемом) мы можем говорить о сложившейся в обществе сегрегируемой и презируемой особой социальной группы. Это, в частности, объясняется тем, что, воз-

никнув, явление дискриминации развивается как система, подчиняясь определенным внешним и внутренним закономерностям. Преобразуясь, оно приспосабливается к меняющимся условиям феодального, а затем и капиталистического общества.

Таким образом, рассматривая явление дискриминации в процессе развития, определяя основные внешние и внутренние закономерности, приводящие его в движение, исследователи в конце концов смогут преодолеть очевидную разьединенность, фрагментарность представлений о процессе создания сегрегируемых социальных групп японского общества.

Таковы некоторые выводы, вытекающие из четкого подхода Уэда к изучению данной проблемы.

В настоящее время стало ясно, что дальнейший прогресс в изучении явления дискриминации японских париев в значительной степени зависит также и от успехов в исследовании многих смежных и близких проблем, таких, как история рабства, процесс развития сословий, ремесла, искусства, особенности феодализма на разных этапах его развития и т. д.

Мы здесь в самых общих чертах рассмотрели сложную историю изучения явления дискриминации париев, отметив лишь ее основные особенности. Подводя итоги, можно сказать, что, несмотря на многочисленные трудности и пробелы, успехи, достигнутые в Японии в исследовании истории отверженных, весьма основательны, а это имеет значение, выходящее за пределы этого явления, за национальные рамки.

В послевоенные годы интерес к проблеме проявляют не только специалисты и представители демократического движения, но и широкие круги японской общественности. В связи с этим наметились новые пути и способы освоения темы. На «запретную» сторону жизни японского общества стали все чаще обращать внимание представители искусства и литературы, пытаясь своими средствами осмыслить ее и показать антигуманную по своей сущности основу дискриминации отверженных. В последнее время в Японии довольно регулярно появляются новые рассказы, повести и художественные фильмы, посвященные теме дискриминации²⁰. Эти произведения, бесспорно, находят более широкую аудиторию, чем специальные исследования. Таким образом, и сама пробле-

ма, и ее отображение на страницах научной и художественной литературы становятся все более заметным явлением в сложной, во многом противоречивой общественной жизни современной Японии.

Как мы уже отмечали, за пределами Японии об этой проблеме и обо всем, связанном с ней, до сих пор известно крайне мало. Так, у нас в стране в настоящее время возможны лишь самые общие представления о ней на основе опубликованной несколько десятков лет назад статьи Катаяма Сэн, перевода романа Симадзаки Тосон («Нарушенный завет», 1931), очерков Б. Л. Горбатова («Очерки о Японии и Филиппинах», «Человек из сословия „эта“», 1953) и статей автора данной работы, посвященных частным аспектам проблемы [см. 26; 35; 36].

На Западе в течение долгого времени представления о японских париях также носили довольно приблизительный характер. Однако в послевоенные годы в этом отношении наметился определенный сдвиг. В США появился ряд ученых, посвятивших многие работы рассмотрению японского варианта дискриминации отверженных. Весьма значительна в этом отношении научная деятельность американских ученых Дж. Корнелла, Г. Пассина, Дж. Доногью и Р. Смита [см., например, 79; 80].

По нашему мнению, особый интерес представляет статья Дж. Корнелла «Каста в японской социальной стратификации» [см. 79]. Автор предпринимает попытку осмыслить процесс возникновения явления «кастовости», дискриминации париев в Японии с точки зрения основных закономерностей развития общества. Бесспорно, такие исследования в настоящее время особенно важны и необходимы. К несомненным достоинствам работы Корнелла следует отнести широкий подход к проблеме, попытки рассмотреть ее с позиций различных теоретических социальных схем (что обогащает наши представления о предмете), точность и многогранность конкретного социалистического и экономического анализа современного бураку (квартал Ёкои г. Мацудзака). В работе содержится ряд интересных и вполне справедливых частных обобщений²¹.

Однако мы думаем, что подход автора к проблеме в значительной мере односторонний. Корнелл полагает основой всякого социального развития прогресс, движение от первобытного, простого общества к развитому, индуст-

стриальному, более сложному [см. 79, 109—111]. Таким образом, наличие или отсутствие каких-либо социальных явлений по этой схеме определяется только уровнем экономического развития общества и его сложностью (зависящей от самых различных частных моментов), что далеко не достаточно для объяснения рассматриваемой проблемы, поскольку в данном случае неоправданно понижаются все классовые аспекты явления (социально-экономические, политические, психологические и т. д.).

В целом многие послевоенные работы американских ученых не только знакомят общественность Запада с важной, ранее почти не известной гранью японской истории, но и в значительной степени дополняют исследования, проведенные в Японии.

Ученые других стран, насколько нам известно, пока еще не начали изучение проблемы истории японских париев.

ОБ ИСТОКАХ
ДИСКРИМИНАЦИИ
ОТВЕРЖЕННЫХ

Пытаясь ответить на вопрос, когда и каким образом в Японии произошло столь резкое отделение от «основного» населения страны лишенной обычных гражданских прав и презираемой социальной группы (*эта*, хинин, буракумин), мы обращаемся к далекому прошлому. Знакомство с фактами убеждает нас в том, что ответить однозначно на этот вопрос невозможно, поскольку мы не в состоянии определить какую-то грань, событие, после которых сразу возникли группы париев. Процесс формирования явления сегрегации был, несомненно, постепенным и сложным. Он выразился в том, что возникшие на протяжении истории низшие социальные группы, положение которых определялось установленными юридическими нормами, постепенно превратились в объединения, презираемые и дискриминируемые в значительной мере в силу традиций и предрассудков.

Средства, используемые историками при исследовании данного процесса, в частности, сводятся к попыткам найти в социальных группах прошлого те качества, которыми обладает нынешнее объединение буракумин. При этом имеются в виду такие характерные черты, как круг занятий, особенности социальных оценок, правовых норм, предрассудков, связанных с этими группами, и т. д. Таким образом исследователи пытаются определить некоторые возможные истоки и закономерности развития данного явления. Мы намерены использовать также и этот метод анализа проблемы, хотя он обладает вполне очевидными недостатками, поскольку аналогии и сравнения не всегда могут служить достаточным основанием для выводов.

Весьма показательно, что, рассматривая процесс трансформации явления, мы неизбежно должны обращаться к истории самых низших социальных групп Японии¹. При этом, как уже отмечалось, объектом нашего исследования становятся группы, значительно различавшиеся между собой по своей социальной основе, по многим формальным признакам. В ходе последовательной смены низших социальных групп, действовавших на исторической арене Японии, постепенно накапливались те черты, которые привели к образованию явления, определяемого нами как дискриминация отверженных (или париев).

Наличие отдельных характерных для положения буракумин черт мы можем констатировать в существовавших на протяжении истории Японии (от далекой древности до XVII в.) социально-профессиональных объединениях бэ, сэммин, дзакко, томобэ, сандзё-но тами, каварамоно, эта, хинин и т. д. Поэтому на историю именно этих групп обычно обращают свое основное внимание исследователи, пытающиеся установить истоки явления дискриминации отверженных в Японии.

В настоящее время, к сожалению, еще трудно сделать определенные выводы по проблеме процесса формирования явления сегрегации париев. Современный уровень исследований не позволяет, например, решить вопрос о значении для развития этого явления непосредственной связи между сменявшимися друг друга презируемыми группами². Мы же считаем возможным объединить все низшие социальные группы, существовавшие на протяжении истории Японии, в единое целое, полагая их звеньями одной цепи, не только и даже не столько потому, что между ними отмечается определенная наследственная связь. Для нас гораздо важнее то, что они имели схожие черты своего социального и политического положения, играли во многом одинаковую роль в обществе и были окружены мало отличавшимися унижавшими их предрассудками. Анализ процесса развития всех этих общих черт, по нашему мнению, может способствовать установлению более точной картины истории явления дискриминации париев.

НИЗШИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ДО СЕРЕДИНЫ VII в.

Какие же основные черты японского варианта явления дискриминации особенно важно выделить, чтобы проследить историю их возникновения и развития? Известно, что в наибольшей степени черты «отверженности» проявились в положении последней (и существующей до настоящего времени) модификации отверженных — буракумин. Основной особенностью их положения явилась сохранившаяся до наших дней широкая пропасть между ними и всем остальным населением страны. В период Токугава (1603—1868) жители бураку уже официально считались неполноценными гражданами, и поэтому их поселения стали зоной полного отчуждения. В основном они занимались уборкой нечистот, убоем скота, выделкой кожаных изделий, некоторыми видами ремесленного производства и артистической деятельностью, т. е. теми видами работ, которые в японском феодальном обществе издавна традиционно презирались и считались «оскверняющими» и недостойными. Жители бураку были лишены минимальных политических прав. Правовые нормы феодального общества не защищали жителей бураку от возможного нравственного или физического ущерба, который могли нанести им представители других сословий. Более того, они даже поощряли их унизительную сегрегацию. По предписанию властей отверженные должны были носить одежду особой расцветки и иметь на ней специальные кожаные значки.

Где же истоки такого отношения к части населения страны?

Рассматривая процесс развития явления дискриминации отверженных, в первую очередь следует обратить внимание на те аспекты истории Японии, которые, по нашему мнению, в наибольшей степени связаны с формированием социальных групп париев.

Выделение и обособление в глубокой древности первых социальных групп уже породило проблему дискриминации (т. е. презрение и предрассудки по отношению к «чужим», экономические и правовые ограничения). В связи с развитием социально-экономического неравенства она резко обострилась.

Предполагается, что первичное заселение Японских островов произошло в V тысячелетии до нашей эры, а возможно, даже и раньше [см. 19, 137; 64, 10]. В настоящее время существует мнение, что в формировании японского народа участвовали айну — аборигены этих островов, а также племена аустронезийского происхождения, в частности индонезийские, а возможно, и другие монголоидные [см. 21, 101—105].

Нам не столь важно выяснить точную дату и последовательность проникновения различных племен на Японские острова. Более существенно то, что ныне полагают бесспорным разнородную основу формирования японского народа. А это значит, что уже за несколько тысячелетий до нашей эры на островах обитали племенные объединения, в значительной степени между собой различавшиеся и по физическому типу, и по уровню знаний, и по техническому оснащению. Мы можем судить о характере их взаимоотношений лишь весьма приблизительно: археологические данные глубокой древности крайне скупы. Но в любом случае трудно допустить, что на протяжении длительного периода сосуществования этих объединений отношения между ними всегда оставались мирными. А вражда, споры и военные стычки неизбежно способствуют внедрению отрицательных представлений, оценок и предрассудков. Это связано хотя бы с тем, что любые действия коллектива обязательно нуждаются в объяснениях, которые оправдали бы их целесообразность и справедливость. Основой социальной психологии в таком случае становится противопоставление «мы» и «они». Оно, особенно при усилении враждебности, приводящей к военным столкновениям, допускало возможность считать людьми только категорию «мы» [31а, 82—83]. Очевидно, именно такие оценки и настроенные дела участие в войнах и убийствах не только морально оправданным, но даже и обязательным для всех членов племенных объединений. Различия в оценках видов деятельности в далекой древности нередко также проходили по племенным границам: то, чем занимались только «они», считалось недостойным. Но вместе с тем простая отъединенность без вражды и войн также могла заполнять вакуум незнания извращенными представлениями и оценками.

Мы не располагаем какими-либо источниками, кото-

рые позволили бы нам пойти дальше в общих суждениях о древней Японии. Поэтому гораздо целесообразнее остановиться более детально на том периоде истории Японии, который в известной мере уже обеспечен письменными памятниками. Правда, эти источники не во всем надежны: они содержат сказочные сюжеты, которые пока еще довольно трудно расшифровать. Многие факты невозможно датировать, да и сами описания по своему содержанию часто носят случайный характер. Однако, несомненно, эти памятники уже служат материальной основой исследования, и в этом их огромная ценность.

Основные сведения о Японии первых веков нашей эры мы черпаем из следующих источников: японских — «Кодзики», «Нихонги» («Анналы Японии») ³ и некоторых *норито* (молитвословия); китайских — «Хоу Хань шу» («История династии Поздняя Хань») ⁴ и «Сун шу» («История династии Сун») ⁵, а также корейского — «Самкук саги» («Исторические записи о трех государствах») ⁶.

«Кодзики» и «Нихонги» охватывают весьма длительный период истории Японии: «Кодзики» — до середины, а «Нихонги» — до конца VII в. В «Хоу Хань шу» фиксируются события, относящиеся к II—III вв., «Сун шу» отмечает факты V в.

Анализ имеющихся источников позволил в настоящее время утвердиться некоторым представлениям о социально-экономическом и политическом развитии Японии на рубеже нашей эры и в начале ее. До нашей эры крупнейшими социально-политическими образованиями являлись отдельные племена, которые в первые века нашей эры стали объединяться в родо-племенные союзы. В III—IV вв. в постоянных межплеменных союзах уже отмечаются некоторые черты государственности. Это политическое развитие страны сопровождалось сложным процессом формирования японской народности [см. 19, 168].

Для нас было бы особенно важным установить, когда и каким образом происходило лишение политических прав отдельных частей населения племенных и первых государственных объединений, а также выяснить, почему создавались комплексы унижительных предрассудков по отношению к ним.

Известно, что на рубеже нашей эры уже существовало резкое противопоставление отдельных общностей

по самым различным мотивам. Это могло быть уже противопоставление не относительно равноправных частей (например, в случае соседства нескольких племен), а противопоставление вертикальное, основанное на господстве и подчинении. Последнее осуществлялось по некоторым главным линиям внутреннего размежевания общества (социального, профессионального и племенного характера), а впоследствии — и в отношениях с группами пришельцев с материка. Анализ деталей этого размежевания, если бы он стал возможным, очевидно, способствовал бы определению некоторых подлинных истоков явления дискриминации в Японии.

На рубеже и в первые века нашей эры на Японских островах еще не существовало племенного единства. Японские и китайские хроники отмечают наличие многих племенных объединений, нередко находившихся в состоянии войны или длительной вражды. Кроме основного объединения ва⁷ имелись племена эбису (эдзо) и кумасо (хято)⁸ [см. 27, 18]. Какими-либо достоверными данными, которые могли бы охарактеризовать эти племена в социальном, экономическом и языковом отношении, мы не располагаем. Однако некоторые исследователи отмечают возможность длительных войн ва с эбису и кумасо [см. 27, 26—28], которые велись, в частности, с целью захвата пленных. Советский исследователь С. А. Арутюнов полагает, что кумасо воспринимались ва как «инородцы» [см. 19, 149]. Если это было действительно так, то, следовательно, уже тогда мог существовать комплекс устоявшихся предубеждений к «чужакам».

Процесс социального расслоения зашел в то время уже довольно далеко. В результате его племенные объединения — первые государственные образования — оказались разделенными на социальные группы, противопоставленные друг другу по своим интересам, но взаимозависимые и взаимосвязанные в единое целое силой и авторитетом государственных учреждений в интересах наиболее знатной и богатой части населения. «Хоу Хань-шу» отмечает такие части японского общества: император и его окружение — *обито* (они имели возможность и право содержать по четыре-пять жен), «простой народ» (*хэймин*), рабы, а также группа людей, определяемая термином *сэйко* [см. 11, цз. 115, 1059—1960]⁹.

Нас, естественно, особенно интересует положение низ-

ших, наиболее угнетаемых социальных групп. Имеющиеся материалы (в частности, в «Хоу Хань шу») не дают возможности достаточно конкретно судить об особенностях положения рабов и о роли рабского труда в древнем японском обществе. Можно лишь констатировать, что подавляющая часть рабов, ранее принадлежавших отдельным родам, попала в услужение к знати, выполняя самые различные работы в поле и дома. Однако рабский труд, очевидно, не играл еще тогда значительной роли в общем производстве сельскохозяйственных и ремесленных изделий [см. 44, 21—22].

Особое внимание исследователей проблемы дискриминации отверженных в Японии привлекают указанные в китайских источниках так называемые сэйко. Что это за люди, которых могли дарить вместе с изделиями ремесла, как это произошло, например, в 107 г. [см. 11, цз. 115, 1060]? Каков их социальный статус?

По этому поводу высказывались различные суждения. Так, в японском энциклопедическом словаре, составленном Морохаси Тэцудзи, на основе отрывков из «Хань шу» констатируется, что сэйко — это в основном оставленные в живых пленники, в другом контексте — домашний скот [см. 8, т. VII, 103]. Высказывалось также предположение, что сэйко — это просто несовершеннолетние [см. 6, т. I, 15—17].

По нашему мнению, вполне достойна внимания гипотеза японского историка Хаясия Тацусабуру, полагающего, что сэйко по своему социальному положению были рабами, но рабами особого рода: среди них преобладали квалифицированные специалисты, главным образом ремесленники, представлявшие большую ценность для родовой знати [см. 6, т. I, 17]. Вполне возможно, что понятие «сэйко» в зависимости от времени и места имело различное содержание, тогда гипотеза Хаясия имеет в виду один из вариантов этого понятия. Она совпадает с толкованием этого термина, которое дает в своем словаре Морохаси для Китая — оставленные в живых пленники, — ибо толкование Морохаси вызывает вопрос: почему какую-то часть пленных оставляли в живых, по какому признаку? Очевидно, они представляли для победителей какую-то особую ценность, которая действительно, в частности, могла заключаться в их профессиональных навыках и знаниях. Таким образом, на опреде-

Боец скота — кожевник

ленном уровне развития общества ремесленники, очевидно, уже как-то социально обособлялись.

О том, что сэйко являлись рабами-ремесленниками, свидетельствует факт, изложенный в «Хоу Хань шу», о посылке их в дар знати на материк вместе с тканями и ювелирными изделиями. Можно предположить, что среди них были ткачи и ювелиры, производившие эти изделия.

Если сэйко действительно были рабами-ремесленниками, то именно с них могла начаться весьма характерная впоследствии для Японии традиция выделения вполне определенных социальных групп по профессиональному признаку. В этом случае явление политической и бытовой изоляции некоторых социальных групп (по пле-

менному и профессиональному признакам), возможно, восходит в Японии к временам глубочайшей древности.

В характеристике явления дискриминации отверженных в Японии, как уже отмечалось, большое значение всегда придается общественному отношению к некоторым видам занятий, якобы «оскверняющим» человека: убою скота, дублению кожи и кожевенному производству. Социальные оценки этих занятий действительно сыграли огромную роль в качестве идейной основы сегрегации японских париев; они обычно связываются с догмами буддизма. Но некоторые сведения дают основание полагать, что такое отношение к убою скота и кожевенному производству возникло в Японии значительно ранее проникновения в страну буддизма, которое имело место в VI в.

В «Кодзики» описывается факт осквернения царского дворца тем, что синтоистский бог Сусаноо¹⁰ бросает во дворец шкуру свежесобранной лошади. Правда, известный советский японовед Н. И. Конрад считает, что оценки подобных поступков могли передавать настроения не далекого прошлого, описываемого в «Кодзики», а времени создания этого произведения (т. е. VII—VIII вв.) [27, 7—8]. Однако нам известны некоторые норито, происхождение которых относят к гораздо более ранней, чем VII в., эпохе — к периоду родового строя и известным упрочением власти вождя союза родов [29, 17]. В одном из них — Молитвословии Великого очищения — в качестве главных возможных тогда прегрешений, называемых Небесными, указаны следующие: разрушение межей, завал канав орошения, повторный засев, втыкание вех в чужое поле, живодерство, сдирание шкур от хвоста к голове и т. д. [см. 29, 25]. Перечень указанных в норито так называемых Земных прегрешений начинается с «сечения кожи живой, мертвой кожи сечения... с матерью собственной грех любодейства, грех любодейства с собственной дочерью» и т. д. [29, 26].

Все эти деяния рассматривались одинаково греховными. Если живодерство и снятие шкур уже тогда воспринимались столь оскверняющими, то это может свидетельствовать о резко отрицательном отношении к определенным видам занятий, проявившемся еще в древности. Н. И. Конрад полагает, что такое отношение к некоторым занятиям, возникшее задолго до проникнове-

ния в Японию буддизма, могло определяться существовавшим еще при первобытнообщинном строе тотемизмом отдельных родов. Именно этим, очевидно, также объясняется возникший впоследствии запрет на убой скота и употребление в пищу мяса ряда животных в разных районах страны [см. 27, 13].

Таким образом, многие истоки отдельных сторон японского варианта дискриминации отверженных несомненно можно обнаружить в древнейшие времена истории страны, хотя тогда они еще не привели к образованию специфических социальных групп, подобных *эта*, хинин или буракумин.

На Японских островах в первые века нашей эры в социальной и политической жизни происходили события, которые также в определенной степени были связаны с формированием явления дискриминации отверженных, например переселение в Японию значительных групп специалистов (в основном ремесленников) из Китая и Кореи. В японской литературе неоднократно высказывалось суждение о том, что именно переселение и послужило основой возникновения в стране групп отверженных. Сторонники этой теории полагали, что явление дискриминации отверженных возникло не только вследствие психологической неизбежности недоверия и презрения к любым поселявшимся в стране иноземцам, но и потому, что в Корее и Китае в то время ремесленники занимали самую низкую ступень в системе социальной иерархии и к ним обычно относились с презрением. Поэтому, считали они, само перемещение этих людей в Японию должно было сопровождаться перенесением туда иноземных социальных норм и оценок.

Как известно, эта теория, часто подкрепляемая и некоторыми дополнительными доводами, была особенно распространена в Японии в XVIII и XIX вв. Несмотря на то что основные ее положения уже давно подверглись достаточно обоснованной и убедительной критике, она, однако, продолжает находить своих сторонников вплоть до настоящего времени¹¹.

Какие факты нам известны по этому поводу? Могут ли они подтвердить данную теорию? Что в ней рационального и справедливого? В процессе всесторонней критики теории иноземного происхождения явления дискриминации ответы на эти вопросы уже были в основном

сформулированы. Однако мы хотели бы обратить внимание на некоторые частности этой проблемы.

Набеги военных дружин и поездки на материк отмечались уже в далекой древности. Контакты жителей островов и материка имели и военный, и мирный характер. В результате этих контактов на Японских островах оказалось значительное число вольных или невольных переселенцев из Кореи и Китая, часто обладавших какими-либо специальными знаниями и навыками, которые весьма ценила местная родовая знать. Группы этих переселенцев были поставлены в какие-то особые социальные и политические условия.

Так, известно, что еще в 50 г. до н. э. была предпринята попытка вторжения на Корейский полуостров [14, 72]. В 14 г. н. э. «люди Вэ» [14, 76] совершили новый военный поход на полуостров. В 168 г. в Корею приезжало посольство от «людей Вэ» [14, 91]. Впоследствии отправка посольств и набеги отмечались довольно часто: в 173, 208, 232, 292, 300, 312, 346, 364, 393, 402, 407, 415, 431, 440, 444, 463 и 500 гг. [14, 93, 96, 99, 104—107, 110, 112—118, 120, 123]. О постоянных набегах на Корею сообщают также «Нихонги» и «Кодзики».

Особенно большое число нападений японских военных дружин на Корейский полуостров приходилось на III—IV вв., но и в V — начале VI в. их набеги все еще продолжались. Лишь к середине VI в. «люди Вэ» были вынуждены отказаться от дальнейших попыток обосноваться на материке. Частота вторжений одновременно свидетельствовала и о стремлении японской родовой знати укрепиться на полуострове, и о ее неспособности упрочить там свои позиции.

Длившиеся в течение нескольких веков набеги на Корейский полуостров, бесспорно, сказались на жизни японского общества. Нападения на соседние, более богатые, экономически и культурно более развитые княжества осуществлялись не только с целью грабежа, но и для захвата полезных людей, в частности ремесленников [см. 27, 48]. Кроме того, японская знать направляла в Китай и Корею специальные миссии, которым предписывалось нанимать квалифицированных мастеров — ткачей, кузнецов, портных и т. д. [см. 27, 31].

Миграция с материка в тот период достигала весьма значительных масштабов. В частности, после падения в

конце III в. в Южном Китае царства У (220—280 гг.) произошло массовое переселение его жителей, в частности и на Японские острова, где они приняли участие в экономической и политической жизни страны и явились одним из компонентов формирования японского народа [см. 19, 156]. В V в. отмечаются два крупных переселения в древнюю Японию жителей корейского княжества Пэкчэ [27, 48]. Эти массовые переселения осуществлялись также благодаря установлению постоянных контактов с материком [см. 10, 741—742] и вследствие набегов кочевников на Китай с Запада, в результате которых многие разорившиеся и отчаявшиеся крестьяне и ремесленники вынуждены были бежать на Восток.

Захват пленных и добровольные переселения с материка привели к тому, что на Японские острова попало значительное число иноземных специалистов в самых различных сферах производства, науки, искусства и т. д. (гончары, шелководы, кузнецы, седельщики, астрономы, юристы, писаря, учителя, архитекторы, ювелиры, зеркальщики, корабелы, живописцы, винокуры, вышивальщики, лекари и т. д.)¹².

В каком положении оказались группы этих переселенцев на Японских островах? Попали ли в положение отверженных? Явились ли предшественниками японских париев?

Иноземные специалисты использовались главным образом для обеспечения нужд местной знати и чаще всего определялись в своеобразные социальные образования — бэ¹³.

Социальная сущность этих объединений постепенно менялась. Вначале (еще до появления на островах иноземцев) термином «бэ» определялись роды-данники. Но, кроме повинности отдавать часть своей продукции, они ничем от остальных родов не отличались, и иногда им удавалось достичь среди них довольно значительного экономического влияния [см. 27, 55]. Очевидно, на каком-то этапе частица «бэ» в окончании наименования рода превратилась в пустую формальность, уже не являясь показателем какой-то зависимости. Она скорее могла говорить лишь о каком-то событии, происшедшем в далеком прошлом в истории данного рода. Известно, что многие японские роды, имевшие в своем названии такое окончание, играли решающую роль в процессе политиче-

ского развития страны — Согабэ, Мононобэ (или Монобэ), Накатомибэ и др.

Однако и членов родов-данников нельзя считать ни рабами, ни крепостными. У каждого такого рода-данника имелась своя собственная повинность (производство и поставка украшений, зеркал, доспехов, служба в охране и т. д.). В остальном они были вполне самостоятельными. Роды, платившие дань царскому дому, назывались «томобэ», а другим могущественным родам — *какибэ*.

В течение V—VII вв. происходил распад родовой общины, в результате которого в значительной степени изменилась и социальная сущность бэ: вместо некоторых наиболее слабых родов-данников томобэ и какибэ формировались группы несвободных. Труд бэ стал целиком принадлежать их хозяевам. Этих бэ могли отнять у одних господ и передать другим, и между ними уже не было прежнего родового единства. Их социальный статус чрезвычайно снизился. Н. И. Конрад считает, что они были скорее крепостными, чем рабами [см. 87, 62], по-прежнему привязанными к земле, обработка которой оставалась для них основным занятием. Но вместе с тем они должны были обеспечивать поставку своим хозяевам всех необходимых изделий ремесла. Бэ нельзя было убить, а продать или подарить — лишь с их земель.

Особое место в системе различных групп бэ заняли специалисты-иноземцы (корейцы и китайцы). Они в течение какого-то времени селились отдельными поселками, и в общем объеме их деятельности ремесленный труд занимал гораздо большее место, чем у остальных бэ. Это объясняется тем, что в Корею и Китае, откуда они прибыли, процесс отделения ремесла от сельскохозяйственного производства зашел в то время гораздо дальше, чем на Японских островах, и уровень их мастерства долгое время был более высоким, чем у местных мастеров-ремесленников.

Известные нам факты не дают никаких оснований утверждать, что с поселением иноземцев на Японских островах там возникло явление (или его предпосылки) дискриминации отверженных. Прежде всего многие элементы дискриминации париев (особые социально-профессиональные группы, презрение к живодерству и т. д.) появились в Японии гораздо раньше, чем в страну нача-

ли прибывать в большом количестве иноземцы. Далее, корейцы и китайцы, попавшие на Японские острова, не составили там какой-то обособленной социальной группы, они вошли в состав бэ, хотя в их положении все же сохранилось надолго своеобразие быта, в основном национального характера. Однако специфика их положения не характеризовалась каким-то особым недоверием и презрением к ним со стороны японцев, хотя сторонники национального происхождения дискриминации отверженных считают такое отношение неизбежным. Корейцы и китайцы, даже будучи бэ, играли заметную роль в политике, военном деле, науке и ремесле [см. 46, 11]. Более того, сословные перегородки в то время были не слишком жесткими для чужеземцев, и у многих из них появилась возможность перейти в более высокие социальные объединения. Потомки чужеземцев входили не только в группу бэ, они имелись и среди хэймин и даже знати и высокопоставленных чиновников [см. 44, 26; 65, 14].

Подобные факты свидетельствуют о том, что в древней Японии в отношении к чужеземцам не было какого-то особого пренебрежения. Это обстоятельство подтверждается также и тем, что в выступлениях японского земледельческого населения против родовой знати нередко принимали участие и натурализовавшиеся корейцы и китайцы. Вместе с тем они участвовали и в самостоятельном движении бэ, которое было важной составной частью народного движения в период до реформ Тайка [см. 27, 70—71]. Поэтому если и существовал какой-то комплекс предрассудков, связанных с группами иноземных мастеров, то он имел скорее социальную, а не национальную основу, т. е. отношение к ним практически определялось не их национальным происхождением, а тем социальным положением, которое им удавалось занять в Японии. Кроме того, чужеземцы в Японии постепенно ассимилировались и уже через несколько поколений не отличались от местного населения ни языком, ни именами, ни бытом и т. д. А после прекращения в VI в. заметной миграции с материка процесс ассимиляции довольно быстро завершился.

Как мы видим, явление дискриминации отверженных не могло возникнуть в Японии только потому, что туда попало значительное число иноземцев. Это еще не при-

водило к их неизбежной сегрегации на основе национального отчуждения. Переселенные корейцы и китайцы не могли также принести с собой те социальные нормы, которые существовали в то время у них на родине.

Но вместе с тем, бесспорно, что социальные образцы соседних стран, в первую очередь Китая, оказали огромное влияние на формирование особенностей социальной и политической структуры первых государственных объединений Японии. Китай в первые века нашей эры был страной с более развитой, чем Япония, экономикой, культурой, более высоким уровнем политической мысли и социальной организации. Однако не следует полагать, что этот процесс заимствований заключался в импорте в готовом виде политических и социальных институтов. Ремесленники из Кореи и Китая не принесли с собой презрительного отношения к ремеслу, которое существовало тогда в этих странах. Иноземное воздействие на социальную и политическую жизнь Японии было гораздо более сложным. На Японские острова попадали не только ремесленники, художники и учителя, но и чиповники, различные миссионеры, которые в значительной мере способствовали формированию новых норм социальной и политической жизни. В этом процессе заимствований участвовали и сами жители островов (в основном представители знати), побывавшие в Корее и Китае.

Однако это вовсе не означает, что именно таким образом в Японии произвольно и неожиданно могла возникнуть какая-либо новая социальная группа (например, томобэ и какибэ). Практически дело заключалось в том, что китайские образцы использовались скорее лишь для внешнего оформления тех социально-экономических процессов, которые независимо от Китая происходили в самой Японии. Кроме того, с течением времени в Японии эти китаизированные формы социального и политического устройства все более отходили от своих первоначальных образцов, что зависело от конкретных особенностей развития самой страны. Даже в начальный период внедрения китайских социальных и политических идей в жизнь японского общества полного единства форм их воплощения не было. Так, японские бэ не стали буквальным повторением соответствующих китайских объединений. Иноземные ремесленники, попадавшие на Японских островах в категорию бэ, оказывались в срав-

нительно лучших, чем в Китае и Корее, социально-экономических условиях. Иногда там у них появлялась возможность даже повысить свой социальный статус. Это, несомненно, было тогда привлекающим моментом для многих добровольно переселявшихся с материка ремесленников.

К середине VII в. в положении группы бэ, в котором исследователи находят некоторые черты явления дискриминации отверженных, произошли изменения. Они выразились, в частности, в новых элементах их организации, усилении централизации подчинения и в большей профессиональной специализации. Во главе томобэ были утверждены царские управляющие (*томо-но мяццуко*). Они могли быть или ставленниками двора, или доверенными людьми из числа томобэ [см. 27, 73]. Какибэ также возглавляли специальные администраторы, подчиненные местной знати. Эти чиновники определяли виды и объем обязательных для бэ работ, устанавливали размеры податей и следили за выполнением всех повинностей.

Сфера хозяйственной деятельности бэ была чрезвычайно широкой и разнообразной. С течением времени в это социальное объединение вошло свыше 60 профессиональных групп [6, т. I, 22]. Бэ-но тами использовались не только для производства ремесленных изделий, но также и в сельском хозяйстве и рыболовстве. Специальные группы бэ-но тами привлекались для обработки полей императора и родовой знати, рыбаки в счет податей сдавали рыбу, а охотники — убитую дичь. Но основную часть бэ-но тами заставляли заниматься ремеслом для нужд двора и местной знати. Среди бэ-но тами имелись кузнецы, красильщики, ткачи, гончары, кожевники, конюшие, птичники, писцы, шелководы и т. д. Однако для всех бэ-но тами основным занятием всегда оставалась обработка своих земельных участков, что определяло их более высокий, чем у отверженных средневековья, социальный статус. Хотя в системе социальной иерархии бэ-но тами были поставлены ниже свободных членов рода (крестьян), они все же находились в гораздо лучших условиях, чем рабы.

Таким образом, внутри группы бэ-но тами с течением времени увеличивался диапазон различий в экономическом и политическом положении. Наряду с усилением

некоторых родов происходило превращение политически слабых родов-данников и некоторых групп чужеземцев в чисто профессиональные объединения бэ, которые и стали несвободной, зависимой частью населения страны. Но и они не составили единого социального целого, и оценки разных видов их деятельности (а следовательно, и их положения в обществе) были удивительно многообразными. Например, мастера-зеркальщики считались более достойными людьми, чем дубильщики кожи и сапожники. А Н. И. Конрад особо подчеркнул факт, изложенный в «Нихонги», о превращении одного рода за какую-то провинность в так называемых *торикаибэ* (птичников), которые в системе бэ-но тами занимали наиболее низкое общественное положение. О степени их социальной приниженности говорит тот факт, что представителям этой группы, как скоту, клеймили лица [см. 27, 61].

Перевод за провинность в более низкий социальный разряд, презрительное отношение к определенным видам деятельности, различное положение членов одного сословного объединения — все это черты, характерные и для возникших впоследствии групп отверженных. Однако существовала и огромная разница. Как уже отмечалось, некоторые роды бэ-но тами достигли значительного могущества, и по отношению к ним не было никакой дискриминации и презрения. Все бэ-но тами не только могли, но и должны были заниматься земледелием, что противоречило основному принципу дискриминации отверженных. И кроме того, мы не имеем никаких данных о прямой наследственной связи между объединениями бэ-но тами и группами отверженных *эта* и *хинин*. Следовательно, единственно о чем может идти речь в данном случае — это о возникновении в глубокой древности некоторых аспектов явления дискриминации (политических и социальных традиций), которые впоследствии способствовали его окончательному формированию.

Этот процесс можно рассматривать и с другой стороны. В целом любая группа, оказавшаяся в самом низу социальной лестницы, лишенная гражданских прав и обычно уже в связи с этим презираемая, по существу является дискриминируемым объединением, а ее представители — в известном смысле отверженными. В Японии в таком положении находились рабы, сэйко, бэ-но

тами (например, торикайбэ) и др. Правда, между этими группами и буракумин имеются большие различия политического, юридического и психологического плана, но между ними, по нашему мнению, существует и принципиальное социально-экономическое сходство, и поэтому их последовательную историю следует рассматривать как развитие одного процесса.

НИЗШИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОСЛЕ РЕФОРМ ТАЙКА

В середине VII в. в Японии начался длившийся в течение нескольких десятилетий период реформ, которые определили и зафиксировали многие особенности социально-экономической и политической структуры общества на сравнительно большой отрезок истории. Эти реформы (в историю они вошли под названием реформ Тайка¹⁴) зафиксировали переход от старой, родовой организации общества к новой, централизованной, административной системе, которая должна была, по замыслу ее создателей, обеспечить упорядоченное, надежное и долговечное функционирование всего нового государственного организма.

Реформы Тайка, естественно, не были случайным и произвольным актом японских властей. Отвечая потребностям социально-экономического и политического развития общества своего времени, они имели определенное прогрессивное значение, способствуя в течение какого-то периода экономическому и общественному развитию страны. Вместе с тем детальное регламентирование всех сторон жизни на основе реформ Тайка не могло слишком долго определять структуру всего государства: постоянно и неотвратно менявшаяся японская действительность все более выходила за пределы их жестких рамок. Социально-экономические и политические перемены постепенно сделали неэффективной и нежизнеспособной всю структуру государства, определенную реформами Тайка, которые в X в. в основном уже потеряли всякое практическое значение.

В многообразном и сложном процессе преобразований, связанных с реформами Тайка, для нас особенно

важно обратить внимание на те его аспекты, которые прямо или косвенно были связаны с трансформацией низших социальных групп Японии.

Внутренняя необходимость в упорядочении государственного устройства в соответствии с социальным и политическим уровнем развития общества стала ощущаться в Японии уже задолго до периода Тайка. Известно, что еще в VI в. были предприняты попытки внедрить в стране некоторые новые универсальные нормы общественного регламентирования [46, 17]. В 603 г. для придворных чиновников была введена табель о 12 рангах, представителям каждого из которых был присвоен свой цвет одежды и своя форма головного убора [27, 91]. Впоследствии подобные ограничения в одежде были введены и для других слоев населения и надолго стали своеобразной сословной традицией.

В 645 г. влияние рода Сога, в течение предшествовавшего столетия игравшего значительную роль в политической жизни страны (главным образом в районе бассейна Японского Внутреннего моря), было ослаблено, и это оказалось поворотным моментом, в дальнейшем политическом развитии страны. В 646 г. новый правитель страны — император Котоку (597—654) — издал указ о введении реформ, направленных на централизацию власти. Если ранее императору были подвластны многие роды только в пределах культа, то в результате реформ он провозглашался господином земли и людей всей страны, а его привилегии объявлялись наследственными.

Для осуществления грандиозных задач переустройства общества был создан громоздкий бюрократический аппарат, преданный духу и букве реформ. Эти реформы в основном выражали интересы новой знати и административной верхушки. Кодифицирование реформ завершилось лишь в начале VIII в. Они коснулись почти всех сторон жизни централизованного государства: административного устройства и правления, хозяйственной деятельности, структуры должностей, семейной организации и семейного права, размеров налогов, податей и отработок, военного дела, уголовного права и т. д. [см. 33а, 24—25]. Род полностью потерял свою прежнюю правовую и политическую независимость, хотя его традиционное влияние на жизнь членов рода оставалась еще достаточно сильным.

В соответствии с реформами значительная часть всех пахотных земель провозглашалась собственностью императора. Народ страны объявлялся полностью подчиненным ему. По новому законодательству население страны было разделено на две неравные части: управляющее меньшинство и подчиненное большинство. Представители первой группы были освобождены от всех налогов, податей и других повинностей, а предоставляемые им от имени императора различные должности, ранги и звания обеспечивали им большие привилегии.

Закрепление принципов централизованной государственности выразилось также в том, что большинство населения страны оказалось привлеченным к выполнению самых различных повинностей (обязательная сдача продуктов труда, военная служба и т. д.) [см. 76, 140]. Выполнение этих повинностей обеспечивалось закрепленным законом социальным делением общества и системой наделного землепользования. Реформы Тайка положили начало традиции подробного и жесткого регламентирования разных сторон жизни населения. В частности, новая система определила положение всех социальных слоев в обществе, а также допустимый характер взаимоотношений представителей этих групп.

Реформы Тайка зафиксировали тот процесс социального размежевания, который происходил в стране в течение нескольких предшествовавших столетий. В соответствии с реформами к середине VII в. часть населения уже была поставлена в положение своеобразной дискриминируемой презираемой группы. Социальные регламентации впервые официально ввели четкое деление общества сословного характера. Все население страны было разбито на две неравные части: «хороших», «благородных» (*рё*, или *рёмин*) и «подлых», «презираемых» (*сэн*, или *сэммин*). Внутри каждой из этих групп имелось свое довольно существенное социальное размежевание, но основной, наиболее глубокой, была юридическая и психологическая пропасть между *рёмин* и *сэммин*. Собственно, психологически в масштабах всего общества это уже было деление на народ и ненарод. Такое разъединение показывает, как далеко вниз по социальной лестнице была отброшена часть населения, в положении которой мы находим черты «отверженности».

Однако прежде, чем мы более подробно остановимся на характеристике положения сэммин, что нас интересует в первую очередь, следует хотя бы в общих чертах отметить новое в условиях жизни основного класса феодального общества — крестьянства. Необходимость в этом определяется тем обстоятельством, что юридическая и бытовая изоляция части населения, по нашему мнению, тесно связана с общим процессом закрепощения значительной части крестьянства, происходившим в VII—VIII вв.

В результате реформ Тайка преобладающая часть пахотных земель страны (опять имеется в виду регион бассейна Японского Внутреннего моря, а также центрального района о-ва Хонсю) объявлялась собственностью императора. Эту землю власти передавали в пользование крестьян на определенный срок в установленных ими размерах. Перераспределению подлежали лишь рисовые поля. Размеры участков земли под овощами, тутовыми деревьями и некоторыми другими культурами оставались неизменными [см. 76, 141]. При распределении земли (по закону оно должно было производиться каждые шесть лет) предполагалось учитывать изменения в составе крестьянских семей. Пользование земельными наделами являлось основанием для привлечения крестьян к выполнению многочисленных и разнообразных повинностей. Прежде всего вводился точно зафиксированный поземельный налог. Кроме него были установлены и другие весьма обременительные для крестьянского хозяйства подати, размеры которых определялись в зависимости от числа мужчин в семье. В счет этих податей крестьяне должны были поставлять не только продукты сельскохозяйственного производства, но и шелк, хлопчатобумажные ткани, одежду, соль, рыбу и т. д. [см. 84, 41—42; 45, 91—96]. При этом практически кроме основных налогов и податей вводились и дополнительные, чрезвычайные.

Этим, однако, тяготы крестьянских хозяйств далеко не исчерпывались. Кроме продуктовой закон фиксировал также и обязательную трудовую повинность, в соответствии с которой центральные, а также и местные власти получали право привлекать крестьян к выполнению самых различных работ (строительных, ремонтных, ирригационных, дорожных и т. д.) общим сроком до несколь-

ких месяцев в году [см. 84, 43—44]. Но и в данном случае в соответствии со сложившимися бюрократическими традициями власти практически имели возможность дополнительно привлекать крестьян к работам, не предусмотренным законоположением, на срок до двух месяцев в году, что также наносило значительный ущерб их хозяйствам [см. 94, 118].

Крайне тяжелой была повинность, заключавшаяся в том, что крестьяне сами должны были доставлять на склады (часто весьма отдаленные) продукты своего труда, поставляемые в счет податей. Ежегодно от родных очагов отрывалось около четверти всех взрослых крестьян-мужчин, мобилизуемых на обязательную военную службу (на границы и сторожевые посты), на которую они должны были являться со своим оружием, обмундированием и необходимым военным снаряжением. Значительный ущерб крестьянскому хозяйству наносила также и широко распространенная система государственного ростовщического продуктового кредитования [см. 45, 96]. Таким образом, закрепощение крестьян происходило многообразными путями.

Принцип хозяйственного централизма, однако, практически не был абсолютным и последовательным. Сама система Тайка предусмотрела возможность существования не только императорского землевладения, но и так называемых ранговых (*идэн*), должностных (*сикидэн*), наградных (*сидэн*)¹⁵ и других земель, сосредоточивавшихся в руках храмов и знати, что таило в себе семена краха новой системы. Хотя условия жизни крестьян, обрабатывавших эти земли, и имели некоторые особенности, определяемые зависимостью не от центральных властей, а от различных феодальных владетелей, практически в целом они были почти такими же, как и у остальных крестьян, и тоже характеризовались обилием и разнообразием тяжелых повинностей и строгих регламентаций.

Таким образом, на фоне официального закрепощения крестьян, которое все более ухудшало условия их жизни, юридически зафиксированная сегрегация части населения уже может восприниматься как вполне «естественное» и «логическое» завершение происходившего в стране процесса значительных социальных и политических перемен. Для господствующих кругов этот процесс

сегрегации оказался чрезвычайно выгодным, поскольку он как-то «оправдывал» также и закрепощение крестьян, т. е. основной части населения страны.

Факт сегрегации некоторых социальных групп выразился даже в их общем названии — «сэммин» («подлые», «презираемые»). В состав сэммин вошло пять социальных групп, зависимых от государства (императора), храмов и знати. Однако, как мы увидим далее, эти группы не представляли собой однородной социальной массы.

Особое внимание всех японских исследователей проблемы дискриминации отверженных обычно привлекают еще две социально-профессиональные группы зависимых: томобэ и дзакко. Формально они входили в состав «благородных», но практически по своему положению были ближе к сэммин и так же, как и пять групп сэммин, обладали рядом особенностей, характерных для объединений отверженных в будущем.

Что же мы знаем о сэммин, дзакко и томобэ?

Итак, в социальную категорию сэммин вошло пять групп зависимых: *рёко*, *канко*, *кэнин*, *ку нухи* и *си нухи*.

Рёко — это социальное объединение зависимых, находившихся в подчинении специального хозяйственного государственного ведомства. Их основной повинностью было сооружение императорских могильников и уход за ними. Из всех пяти групп сэммин в социальном плане они были наиболее близки к «благородным», и их занятия не воспринимались как слишком презираемые. Об этом может свидетельствовать сообщение из «Нихонги» о том, что при нехватке *рёко* их обязанности в счет своей рабочей повинности выполняли крестьяне [см. 64, 28]. На время выполнения этой обязанности крестьяне освобождались от всех других повинностей, связанных с получением ими земли по надельной системе. Первоначально крестьян привлекали к работам на могильниках сроком на три года, в дальнейшем этот срок увеличился до десяти лет и более [39, 132—133].

Повинности *рёко* были наследственными, но основным для них занятием всегда оставалось сельскохозяйственное производство. В соответствии с надельной системой они получали такие же участки земли, как и «обычные» крестьяне, которые в отличие от всех сэммин считались *комин*¹⁶. *Рёко* имели право на обзаведение сво-

им хозяйством, домом и семьей. Однако браки рёко с «благородными» были официально запрещены. При очередных переписях их фамилии в государственных регистрационных списках вносились в особую графу, что свидетельствовало об их официальной социальной изоляции. Правда, при определенных условиях (в основном после достижения 66-летнего возраста) они все же имели возможность перейти в разряд рёмин.

Канко — государственные (императорские) слуги. По своему социальному положению эта группа сэммин также была, очевидно, близка рёмин. Об этом свидетельствует тот факт, что ее члены получали полный надел земли (как и крестьяне — комин) и имели право на обзаведение своим хозяйством, домом и семьей. Основным для них, как и для рёко, было сельское хозяйство. Вместе с тем специализированные государственные ведомства, в подчинении которых они находились, обязывали их выполнять самые различные работы по обслуживанию нужд двора. Эти ведомства предоставляли им определенное содержание (одежду и питание). Как и рёко, они обладали правом при наличии некоторых условий (например, по возрасту) на переход в разряд рёмин.

В состав сэммин входили еще три группы, которые в социальном плане ставились гораздо ниже рёко и канко, — ку нухи, кэнин и си нухи.

Ку нухи, или *кан нухи*, — государственные рабы, потомки бывших дворцовых рабов [см. 9, 267]. Они находились в подчинении многочисленных ведомств всего разветвленного бюрократического аппарата. Они полностью обслуживали также и чиновников этих ведомств, широко использовались на сельскохозяйственных работах, в ремесленном производстве и привлекались к выполнению множества поручений, учесть которые невозможно.

Членам этой группы выделялся участок земли, равный лишь трети надела крестьянина. Правда, они имели право на обзаведение своим домом, хозяйством и семьей. Как и представители предыдущих групп, они после достижения 66 лет получали право при желании перейти в разряд рёмин [6, т. I, 33], что практически было связано с чрезвычайно трудной для стариков ломкой уже устоявшегося строя жизни и поэтому малореально.

Две последние группы сэммин — кэнин и си нухи — находились только в личном услужении у крупных чиновников, феодальных владетелей и храмовой знати.

Кэнин — слуги, принадлежавшие представителям центральной и местной знати, а также храмам. Они выполняли любые порученные им работы и использовались как в сельскохозяйственном, так и в ремесленном производстве. Хозяева для их содержания получали участки земли, равные трети от обычных паделов. Кэнин занимали низкое место в системе социальной иерархии, но в целом их положение было несколько лучшим, чем у си нухи: они имели право на обзаведение своим домом, хозяйством и семьей, их запрещалось продавать и покупать. Однако личная зависимость ставила их в положение худшее, чем представителей предыдущих групп сэммин.

Си нухи — личные рабы. Это была самая низшая в составе сэммин и в целом по стране социальная группа. Их не считали ни гражданами, ни людьми, и по социальным оценкам и юридическим нормам того времени они были приравнены к личному имуществу и скоту. Ими торговали, могли дарить и оставлять в наследство. Для содержания си нухи власти выделяли хозяину дополнительный участок земли, равный трети обычного крестьянского надела. Рабы не имели права на обзаведение своим домом, хозяйством и семьей и использовались в сельскохозяйственном и ремесленном производстве, а также для выполнения любых поручений своих господ.

Следовательно, сословное объединение сэммин, в целом поставленное гораздо ниже основного населения страны, не было единым в социальном отношении. В него входили группы, в значительной степени различавшиеся по своим экономическим возможностям, юридическим и традиционным правам и даже в какой-то мере по психологическому восприятию их остальным населением. Практически сэммин распадалась на пять «подсословий», в значительной степени замкнутых и слабо связанных между собой. Однако для всего остального населения они составляли единое социальное целое — сэммин, т. е. объединение презираемых, неполноценных и неполноправных людей, равное общению с которыми осуждалось общественной моралью и этикой. В этом, по

нашему мнению, уже проявились элементы той юридической и психологической традиции, которая способствовала развитию явления дискриминации отверженных.

По существу юридическое фиксирование пяти групп сэммин явилось воплощением сословной сегрегации. Однако между ними и японскими париями позднего средневековья имеются большие различия. Например, государственные слуги и рабы имели право на выход из состава сэммин по возрасту. Для остальных групп сэммин, за исключением рёко, не существовало особых профессиональных ограничений. Все группы сэммин имели право на пользование землей или привлекались к ее обработке. Презрительные оценки сэммин были связаны не с идеей осквернения определенными видами работ, а с их низким социальным статусом.

Но все эти различия, по нашему мнению, не могут исключить элементов очевидного принципиального единства, объединявшего многие низшие социальные группы феодальной Японии. Так, общие черты положения сэммин и японских отверженных периода позднего средневековья выглядели следующим образом: группы презираемых, как и буракумин в будущем, были практически поставлены вне «обычного» общества, вне рамок основных юридических норм [см. 44, 29]. Например, в случае любого конфликта сэммин с крестьянами виновным обычно признавался лишь «подлый», и именно он подвергался наказанию. Убийство представителей сэммин каралось наказанием палками — от 80 до 100 ударов — в зависимости от обстоятельств преступления [54, 23]. Сословное единство в изоляции «подлых» от общества подчеркивалось тем, что всем им было предписано носить платье только желтого цвета [см. 64, 26]. Тем самым устанавливалась совершенно очевидная для всех грань, отделявшая сэммин от «основного» народа. Таким образом представители всех остальных сословий, которые также должны были носить платье определенных расцветок, могли отличить сэммин, чтобы избежать ошибок в обращении с ними.

В разряд сэммин могли переводиться в качестве наказания осужденные за какие-либо преступления (например, за участие в восстаниях, убийство и т. д.) представители других сословий. Это свидетельствует о психологическом восприятии сэммин людьми, к которым

нельзя подходить с обычными нравственными и правовыми критериями. Следовательно, социальное объединение сэммин уже можно рассматривать как дискриминируемое сословие, в сегрегации которого значительную роль играли не только определенные юридические нормы, но и возводившийся психологический барьер традиций и предрассудков японского общества того времени. В связи с этим возникает вполне естественный вопрос: «Можно ли этих сэммин считать непосредственными предшественниками *эта*, хинин, буракумин?». То есть являются ли последние прямыми потомками сэммин?

По этому поводу в японской литературе высказывались различные точки зрения. Как мы уже отмечали, существует мнение, что история буракумин (т. е. дискриминация отверженных в Японии) начинается с периода создания их поселений, с XVI—XVII вв., и, следовательно, с историей сэммин, дзакко и томобэ непосредственно не связана. В исторической литературе высказывалось также суждение, что японские парии — это неизменное с древности племенное объединение, и современные жители бураку являются непосредственными потомками рабов начала VIII в., иными словами, потомками сэммин [84, 61—62].

Мы думаем, что обе точки зрения не отображают существа дела. Как мы убедимся далее, невозможно утверждать, что *эта*, хинин и буракумин в целом являются прямыми потомками низших социальных групп предшествовавших эпох, хотя в отдельных случаях это вовсе не исключено. Но существовала, пожалуй, более прочная связь между последовательно сменявшимися друг друга различными низшими социальными объединениями Японии. Она выражалась в том, что на протяжении истории последствия многообразных объективных общественных процессов (таких, как социально-экономическое развитие, политика сословий и классов, захвативших власть, внедрение в сознание и практику различных социальных традиций и предрассудков, религиозных идей и т. д.), взаимодействуя, шаг за шагом трансформировали юридически зафиксированные низшие социальные группы в традиционно презираемые и изолированные от общества объединения отверженных. Таким образом, все эти группы были связаны главным — единством процесса

развития явления дискриминации отверженных. Таков, по нашему мнению, наиболее правильный ответ на поставленный выше вопрос о сэммин как предшественниках буракумин.

Внимание исследователей привлекают и некоторые другие социально-профессиональные объединения, в условиях жизни и работы которых также имеются отдельные черты, характерные для отверженных последующего периода. Мы имеем в виду дзакко и томобэ. Оба эти объединения формально не входили в состав сэммин, однако практически по своему положению были близки им. Отличительной чертой этих групп, занимавших особое место в японском обществе того времени, было то, что они состояли по преимуществу из специалистов-ремесленников, а отношение к ним, в частности, определялось той ролью, которую играло ремесло в производстве всех необходимых стране продуктов.

В общей организации ремесленного производства по сравнению с предшествовавшей эпохой в рассматриваемое нами время произошли некоторые перемены. Так, в связи с централизацией государства уже в 646 г. были отменены объединения специалистов, подчиненных представителям местной знати (какибэ), но зато сохранилась группа императорских и дворцовых мастеров-ремесленников [см. 64, 22].

Не совсем ясно, какие основания существовали для разделения объединений ремесленников на две социальные группы — дзакко и томобэ. Известно, что обе группы в соответствии с законодательством Тайка были отнесены в разряд «благородных», однако практически считались значительно более низкими, чем рёмин, социальными объединениями, причем дзакко презирались в большей степени, чем томобэ. Последнее выражалось, например, в том, что брак рёмин с дзакко был менее допустим, чем с томобэ [см. 6, т. I, 29]. Возможно, эти нюансы в отношении к представителям данных групп были в какой-то мере связаны с уже установившимся многообразием социальных оценок разных видов ремесленного производства. К категории дзакко были отнесены седельщики, ювелиры, виноделы, ремесленники, производившие колчаны, луки, стрелы и т. д., а также большая часть ремесленников, связанных с кожевенным производством. В объединение же томобэ, в частности, вхо-

дили красильщики, ремесленники, производившие музыкальные инструменты, и т. д.

Ремесленники этих групп не были оторваны от сельскохозяйственного производства, что, по нашему мнению, свидетельствует о неполном отделении ремесла от сельского хозяйства. Именно этим, очевидно, и определялась известная двойственность в их социальном положении и в отношении к ним общества: формально они были рёмин, а практически считались почти сэммин. В феодальном обществе ремесло рассматривалось менее достойным занятием, чем сельскохозяйственная деятельность, и, несомненно, понижало социальный статус лиц, работавших в его многообразных отраслях.

Дзакко и томобэ получали в соответствии с надельной системой землю — главный источник своего существования. Их повинности заключались в том, что какую-то часть года они должны были заниматься работами (в основном производством ремесленных изделий), предписанными соответствующими государственными хозяйственными управлениями. Об известной двойственности их положения говорят названия, встречающиеся в «Энги сики»¹⁷. Например, профессиональная категория *канутико-хякусё* (кузнецы-крестьяне). Они, как и остальные дзакко, ежегодно более шести месяцев были заняты на своих земельных участках, а с октября по март были обязаны производить в счет податей различные ремесленные изделия [см. 64, 23].

В положении дзакко и томобэ мы действительно находим некоторые черты, характерные для объединений отверженных в период Токугава. Несмотря на то что они входили в состав рёмин, к ним практически относились так же презрительно, как и к сэммин. Об их низком социальном положении свидетельствуют известные факты перевода представителей хэймин в качестве наказания в категорию дзакко и томобэ [см. 46, 32]. Далее, в эти группы преимущественно входили ремесленники, в том числе представители презираемых впоследствии профессий — кожевники, красильщики и т. д. Эти факты иногда использовались для подтверждения сомнительного вывода о том, что современные японские парии — это скорее всего непосредственные потомки дзакко и томобэ. При этом возможность возникновения уже в древности дискриминации отверженных объяснялась тем об-

стоятельством, что большинство дзакко и томобэ были выходцами из Китая и Кореи¹⁸, а презрение к ним объяснялось не только их иноземным происхождением, но и характером занятий, которые в Корее и Китае рассматривались низкими и оскверняющими.

Однако некоторые факты свидетельствуют о необоснованности подобных суждений. В VII—VIII вв. в объединения дзакко и томобэ в лучшем случае могли войти лишь потомки оказавшихся в Японии китайских и корейских ремесленников, ибо каких-либо заметных переселений с материка в это время уже не было. Потомки этих переселенцев к VIII в. уже в значительной степени натурализовались (т. е. ассимилировались) и вряд ли чем-либо отличались от японцев. Кроме того, в указанные две группы в основном входили все же не потомки переселенцев, а местные жители. Таким образом, у нас нет достаточно веских оснований полагать, что социальная сущность этих групп определялась лишь иноземными социальными образцами и самими иноземцами. Кроме того, группы дзакко и томобэ, существовавшие в VII—VIII вв., т. е. когда они носили лишь слабые следы иноземного влияния, не принадлежали к объединению отверженных. Во-первых, официально они были отнесены в разряд «благородных»; во-вторых, имели право заниматься сельскохозяйственным производством, что в феодальном обществе всегда воспринималось показателем «достоинства», определенной респектабельности. Наконец, их сословная обособленность не была слишком жесткой. В ряде источников приводятся сведения о случаях повышения статуса отдельных дзакко в VIII в., о скоплении в руках неких представителей рассматриваемых нами групп весьма значительных состояний и о принципиальной возможности их участия в работе каких-то органов местного управления [см. 62, 68].

Однако мы наблюдаем в этих группах и некоторые явления и тенденции, которые, несомненно, связаны с положением возникших впоследствии объединений отверженных. Эти ремесленные группы практически оказались в условиях особой промежуточной социальной категории, поставленной между сэммин и рёмин. Социальный статус дзакко и томобэ снижался именно потому, что они были не только крестьянами, но и ремесленниками, т. е. дополнительное занятие ремесленным произ-

водством делало их в глазах представителей феодального общества людьми менее ценными и уважаемыми, хотя, как уже отмечалось, в оценках и в отношении к различным видам ремесленного производства уже давно не было единообразия. Причем, некоторые отрасли ремесла, как и в системе бэ-но тами, воспринимались более порочащими и оскверняющими, чем другие; например, дубление кожи и кожевенное производство считались более низкими занятиями, чем кузнечное дело.

Не следует думать, что такое явление было лишь простым копированием китайских образцов. Основой его, как и в прошлом, были какие-то общие закономерности, характерные для феодальной системы в целом. Они определялись тем, что в обществе, в котором господствовали идейные принципы феодализма, ценилось и становилось достойным уважения в первую очередь все, что было связано с владением и обработкой земли. Другие же виды деятельности (ремесло и торговля) чаще всего считались менее почетными.

Таким образом, можно предположить, что дзакко и томобэ, как и сэммин, явились новым важным звеном в цепи накопления тех черт и тенденций в социальной и политической жизни Японии, которые постепенно привели к формированию групп, вполне обоснованно определяемых как отверженные, парии. Это выражалось в распространении все новых элементов социального неравенства, в результате которого закреплялись принципы и взгляды неравноправия и неравноценности людей и соответствующие этим принципам традиции и предрассудки.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЯВЛЕНИЯ «ОТВЕРЖЕННОСТИ» В ЯПОНИИ

Становление и развитие явления дискриминации в Японии представляют собой чрезвычайно любопытный исторический феномен. В отличие от многих других стран, где дискриминация отверженных базировалась на принципе сохранения и углубления отчуждения к чужой, внешней, общности, в Японии такая отчужденность вырабатывалась изнутри, путем разрушения определенного общественного единства. Будучи результатом взаимо-

действия многих и разнообразных сил, дискриминация отверженных в Японии все же более отчетливо, чем где-либо, имеет своим главным источником социально-экономическое деление общества.

В течение многих столетий, до начавшегося около двух тысяч лет назад социального деления, страна не знала никакой дискриминации, никаких отверженных. Если даже и существовали в отдельных племенах тотемы, в связи с которыми запрещалось убийство каких-либо животных, это еще не вело к образованию презируемых социальных групп, хотя и могло способствовать межплеменной вражде и распространению отдельных предрассудков. Убой скота и кожевенное производство тогда еще не могли считаться в широком масштабе социально «позорящими» занятиями. Более того, для многих скотоводческих племен эти занятия были основными и почетными [см. 44, 15—16].

Однако в течение многих столетий, по мере социально-экономического развития общества, в нем постепенно накапливались результаты тех процессов, которые неизбежно способствовали сначала выделению, а затем и отчуждению какой-то части населения страны. Отмеченное на рубеже нашей эры классовое деление общества, несомненно, явилось важнейшим событием на этом пути.

У большинства историков никогда не вызывал сомнения факт значительного влияния Китая на самые различные стороны жизни японского общества. Как известно, многообразные контакты между жителями Японских островов и материка, довольно активные до VIII в. (обоюдные миссии, посольства, приезд китайских и корейских чиновников, учителей и проповедников и т. д.), способствовали знакомству Японии с различными элементами идеологической жизни ее мощного и развитого соседа. Китай оказал значительное воздействие на организацию многих форм политической и социальной системы, закрепленной реформами Тайка. В этой связи мы хотим лишь отметить, что определенное воздействие Китая на Японию, кроме всего прочего, несомненно, сказалось и на процессе ее социального развития. Китайские социальные образцы и политические теории получили в древней Японии довольно широкое распространение. Они способствовали, в частности, закреплению уже существовавшего в Японии пренебрежения к ремеслу и

торговле. Система групп сэммин, дзакко и томобэ, как и бэ-но таме, имеет свою более древнюю аналогию в Китае.

Принцип «земледелие — основное, торговля и ремесло — второстепенное» получил распространение в Китае в глубокой древности, задолго до того, как в Японии был отмечен процесс социального деления общества [см. 30, 58]. Практически этот принцип был характерен не только для Китая, он осуществлялся в древнем обществе повсеместно [см. 1, 468—469]. Но в Китае он получил особое теоретическое обоснование, которое нашло свое отражение в трудах выдающихся философов и историков: Конфуция, Мэн-цзы, Сюнь-цзы, Шан Яна и других, причем даже предпринимались неоднократные попытки сделать его опорой государственной политики [см. 30, 58—59].

Идейной и нравственной основой древней китайской философии были принципы социальной справедливости в том виде, в каком они воспринимались в феодальном обществе, т. е. так, как их понимали господствовавшие тогда слои общества. Возможность внедрения ее в Японии определялась не какими-то субъективными устремлениями отдельных политических деятелей, а вполне объективными потребностями социально-экономического развития страны.

Определенное влияние на характер отношения к низшим социальным группам Японии начала оказывать также и внедрявшаяся в VI—VII вв. с материка буддийская идеология. Одна из ее догм утверждала, что «грязь» смерти «оскверняет» людей. Эта догма была отнесена к определенным видам занятий (убою скота, кожевенному производству и т. д.), которые и ранее рассматривались как порочащие и оскверняющие людей. В связи с этим, естественно, в какой-то мере усилился процесс социальной изоляции определенных профессиональных групп. Однако следует учесть, что процесс распространения буддийской идеологии в VI—VII вв. только начинался и поэтому не мог еще играть значительной роли в жизни широких народных масс.

Таким образом, на положение низших групп японского общества в течение многих веков воздействовали самые разнообразные силы: социально-экономическое развитие общества, внешнее влияние, социальные, профессиональные и национальные оценки и традиции, си-

стемы религиозных догм и т. д. К сожалению, мы не можем установить точные формы, объем и сложные пути воздействия всех этих сил на процесс образования явления дискриминации отверженных в Японии, но их влияние на этот процесс несомненно.

Если это действительно так, то, следовательно, все рассмотренные нами низшие социальные группы (сэйко, бэ-но тами, сэммин, дзакко и томобэ) были взаимосвязанными звеньями в цепи развития одного исторического явления — дискриминации отверженных. В них, в этих звеньях, постепенно накапливались те черты и особенности, которые в конце концов воплотились в группах средневековых париев. Такой процесс определялся самой логикой развития эксплуататорского общества. В обществе, в котором существует социальное и имущественное неравенство, появление групп париев не только возможно, но и вполне логично с точки зрения его политических и социальных основ. В таком виде принцип общественного неравенства доводится до логического конца. Явление дискриминации париев выполняет в эксплуататорском обществе весьма важную функцию: с его помощью закрепляется и обосновывается бесправие основной массы народа и создаются нужные и выгодные для господствующих классов и политических кругов общественный климат и психология.

Древний период японской истории (до VII в.), по нашему мнению, играл весьма важную роль в процессе формирования социальных групп отверженных. Традиции, предрассудки, строгие юридические регламентации, нормы социальной жизни, принципы идеологии и т. д., сложившиеся в тот период, создали почву, на которой неизбежно должны были появиться ростки явления дискриминации париев.

О значимости различных общественных процессов, происходивших в период древнейшей истории Японии, в формировании явления дискриминации париев вполне наглядно свидетельствует даже тот факт, что и в настоящее время поселения бураку расположены по преимуществу в тех районах, в которых закладывались основы японской государственности, социальной и политической идеологии и традиций. Известно, что почти половина бураку размещена ныне в районе Кинки¹⁹, а значительное число — в бассейне Японского Внутреннего моря и в се-

верной части о-ва Кюсю. В связи с этим высказывалось мнение, что далекими предками буракумин, возможно, являются рёко, поскольку расположение многих бураку совпадает с местами захоронения представителей знати древнего периода [см. 41, 16—17]. Возможно, в какой-то мере это и справедливо.

Таким образом, социальные системы бэ-но тами, сэм-мин, дзакко и томобэ были далеко не всеобъемлющими, они существовали лишь на той сравнительно небольшой части территории страны, где государственная организация была тогда достаточно сильной и эффективной. Однако они оказали большое воздействие на формирование явления «отверженности» в Японии.

ТРАНСФОРМАЦИЯ НИЗШИХ
СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП
В VIII—XI вв.

При изучении истории низших социальных групп, существовавших до VIII в., мы пытались установить истоки явления дискриминации отверженных, определить его материальную и идейную основу. При знакомстве с дальнейшей историей (с периодом после реформ Тайка) особенно поражает значительность перемен, происходивших в положении этих групп. В VIII—XI вв. почти полностью исчезли социально-профессиональные объединения сэммин, дзакко и томобэ, а их место в самом низу социальной лестницы заняли сандзё-но тами, каварамоно и др. Трансформация социальных низов, происходившая, как правило, в переломные этапы развития истории Японии,— одна из главных особенностей истории явления дискриминации в стране.

В положении и сущности вновь созданных социальных групп имеется много черт, характерных для предшествовавших им объединений. Это, бесспорно, их сближает. Но вместе с тем некоторые особенности распавшихся групп исчезли вместе с ними, а отдельные черты были присущи только новым группам. В этом, собственно, и выразился процесс социального развития сэммин. Таким образом, наряду с принципиальным сходством отмечается и постоянно менявшаяся специфика форм явления дискриминации париев.

При рассмотрении истории развития дискриминации сэммин после реформ Тайка неизбежно возникает вопрос, почему и каким образом происходила значительная трансформация низших социальных групп. Этот вопрос чрезвычайно емок и связан с проблемами самого

разного плана. По некоторым его аспектам в настоящее время в Японии проходят оживленные дискуссии¹.

Здесь мы считаем целесообразным на основе известных и доступных нам материалов рассмотреть эту проблему под таким углом зрения, под которым она еще почти не изучалась, т. е. выяснить, каким образом в процессе трансформации низших социальных групп накапливавшиеся общественные традиции и предрассудки постепенно приобретали видимость самостоятельной действующей силы, как они наряду со множеством официальных установок все более увеличивали пропасть между сэмми² и остальным населением страны.

КРИЗИС И РАСПАД СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПЕРИОДА ТАЙКА

Основные законы, изданные в период Тайка, были сведены воедино в общий кодекс и опубликованы в 689 г. Впоследствии этот кодекс несколько раз перерабатывался и дополнялся. Таким образом завершилась огромная юридическая и политическая деятельность нового государственного аппарата. Созданный на базе китайских образцов, кодекс Тайхорё тем не менее отражал систему японских правовых и социальных воззрений своего времени. Он закрепил консолидацию государства под эгидой императора.

Образование централизованного единого государства, в котором условия существования представителей всех социальных групп были строго регламентированы, какое-то время имело прогрессивное значение, стимулируя экономическое развитие и политическую стабильность страны.

Внедренная в Японии сложная система налогов и податей гарантировала постоянное поступление на многочисленные государственные склады значительного количества продуктов сельского хозяйства и ремесла, что не только обогащало феодальную и бюрократическую знать, но и являлось материальной базой для проведения многих общенациональных политических и экономических мероприятий.

Скорняк

Жесткая система трудовых повинностей дала властям право привлечь сотни тысяч людей к реализации неосуществленных ранее проектов строительства, ирригации, прокладки дорог и т. д. Эти люди содержались за счет государственных запасов. Именно в то время началось строительство древнейшего города Японии — Нара, а вскоре и Хэйана (старое название Киото), сооружение великолепных дворцов и огромных для того времени храмов, строительство мостов, дорог, ирригационной системы и т. д. Несомненный экономический прогресс сопровождался также и значительным культурным ростом. Но результатами этого развития мог пользоваться лишь узкий круг феодальной и бюрократической знати страны.

Однако социально-экономическая и политическая

структура, воздвигнутая на базе кодекса Тайхорё, таила в себе настолько серьезные противоречия, все более обострявшиеся, что предотвратить ее полный крах власти были не в состоянии.

В нашу задачу не входит разбор всех преобразований, связанных с реформами Тайка. Они касались различных сторон жизни общества: в кодексе имелись разделы о рангах чиновников, об организации двора императора, о хозяйстве высших чиновников, о буддийских бонзах и монахах, о налогах и податях, о барщине, об аресте и уголовном преследовании, о правах наследования и т. д. Мы считаем необходимым здесь кратко остановиться лишь на системе землепользования, которая явилась основой социальных отношений и всего государственного устройства той эпохи.

Надельная система, казавшаяся на бумаге столь социально справедливой, практически явилась враждебной для крестьян силой, с которой они решительно боролись.

Вся новая государственная машина основывалась на комплексе регламентированных законом многочисленных и разнообразных поборов и строгой отработочной повинности, что само по себе ставило крестьян в чрезвычайно трудные условия, нередко на грань их физических и экономических возможностей.

С течением времени все большее число крестьян скатывались за эту грань. В связи с постоянным увеличением расходов на строительство столицы, дворцов, дорог, на войны (против эдзо) и т. д. власти все чаще нарушали ими же установленный принцип строгой фиксированности размеров податей и объема трудовых повинностей. С крестьян собирались дополнительные подати, их привлекали к выполнению воинской и различных трудовых повинностей на более длительные сроки. Мелкие надельные хозяйства были не в состоянии выдерживать постоянно растущего бремени поборов, и многие крестьяне разорялись экономически и деградировали социально.

Крестьяне вступили в борьбу против надельной системы, по существу, с момента ее внедрения. Правда, вначале их выступления не были слишком радикальными по своим методам: при очередных переписях они стремились скрыть факты смерти членов семьи, чтобы

сохранить таким образом их наделы. Кроме того, они тайно, в обход надельной системы, прилагали отчаянные усилия к освоению и использованию не вносимых в государственные списки участков целины (в связи с чем постоянно рос фонд так называемых скрытых земель) и т. д. Такими способами крестьяне пытались выйти за пределы официально предписываемого и сковывавшего их единообразия и проявить хозяйственную инициативу. Однако сопротивление надельной системе жестоко каралось и поэтому было почти безрезультатным.

В дальнейшем получил распространение и другой метод борьбы, наносивший более ощутимые удары по самой основе надельной системы. Он выражался в уклонении крестьян от выполнения воинской и трудовой повинностей, в уходе в горы, леса и т. д. Древние японские хроники зафиксировали жалобы чиновников столичных областей на то, что число бежавших крестьян, мобилизованных на строительство главного города страны, все увеличивается и поэтому рабочих рук, необходимых для осуществления предписанных работ, не хватает [см. 6, т. II, 31]. Масштабы бегства мобилизованных по трудовой повинности крестьян достигали весьма внушительных, даже катастрофических, с точки зрения властей, размеров. В некоторых отчетах указывалось, что иногда до 20% крестьян уклонялись от выполнения предписанных им работ [см. 74, 27].

Крестьяне, покидавшие свои хозяйства, нередко пытались тайно вернуться домой. Но чаще всего бегство крестьянина означало крах его хозяйства, и по существу он превращался в бродягу. Имели место случаи отказа крестьян от своего надела и бегства в глухие районы страны или в области, на которые действие надельной системы еще не распространилось. Они стремились туда в надежде на лучшие условия жизни и работы. Однако часто их надежды не сбывались, и, не сумев создать своего хозяйства, они пополняли ряды бродяг. В VIII—IX вв. число бродяг заметно росло, вызывая серьезное беспокойство властей.

Подобные методы пассивной борьбы против надельной системы и сложившихся социальных отношений можно определить как сравнительно мирные. Однако, доведенные до крайней степени отчаяния, крестьяне

прибегали также и к боевым способам сопротивления. О форме и размахе таких выступлений судить трудно, у нас нет для этого достаточных источников. Мы можем лишь констатировать, что они, несомненно, имели место и в них участвовали не только надельные крестьяне, но и бродяги. Хотя эти выступления носили в основном неорганизованный характер, они, бесспорно, вызывали опасения со стороны местных властей. Так, например, в документе, датированном 861 г., отмечалось: «В горах, особенно в Мусаси, Уэно и Каи³, много бандитов, грабителей⁴» [6, т. II, 15]. Летопись фиксирует также происшедшее в 899 г. выступление «бандитов, нанесших значительный ущерб» [6, т. II, 16, 19].

Совершенно очевидно, что все эти методы сопротивления, особенно бегство крестьян, подрывали существующую в стране систему, сокращая возможности пополнения государственной казны за счет податей, уменьшая резервы рабочих рук, необходимых, в частности, для завершения многих уже начатых сооружений. Крайне встревоженная этим феодальная знать и ее бюрократический аппарат для защиты выгодной им социальной и политической структуры предпринимали самые разнообразные меры, последовательность которых весьма характерна.

Вначале власти рассчитывали, что преследования и жестокие наказания обеспечат необходимую стабильность надельной системы. В первую очередь были широко проведены меры по возвращению беглецов и расправе со «злостными» бродягами⁵. В известных нам материалах подворовой переписи уже в 670 г. была отмечена повсеместная охота за людьми, целью которой было «покончить с ворами и бандитами». Подобные облавы на бродяг предпринимались довольно часто: они были зафиксированы и в 670, 678, 689 гг. и т. д. [65, 28]. Несмотря на это, переписи населения, производившиеся для перераспределения земли по надельной системе, постоянно констатировали увеличение числа бежавших крестьян, что убедительно свидетельствовало о невозможности уберечь старую государственную структуру от краха лишь методами преследования и жестокого наказания.

Стремясь в первую очередь сохранить общий объем натуральных и отработочных повинностей, знать и вла-

сти увеличивали их тяжесть для остававшихся на своих участках надельных крестьян. При этом они опирались на традиционный принцип круговой поруки. Однако это, естественно, не только не способствовало решению проблемы, но практически еще более усугубляло ее, создавая замкнутый круг: увеличение бремени повинностей лишь стимулировало рост числа бежавших крестьян.

Существовавший на базе надельной системы громоздкий правительственный аппарат все более слабел. Он оказался не в состоянии регулярно производить огромную работу по переписи населения и перераспределению земельных участков. Предусмотренный законом шестилетний срок между переписями не соблюдался, и в VIII—IX вв. перерывы между ними увеличивались от 10—12 до 40—50 и более лет, причем переписи охватывали все меньшую часть надельных крестьян. Многие родившиеся и выросшие за эти значительные промежутки времени крестьяне часто не получали своего надела земли, хотя привлекать их к выполнению различных повинностей обычно не забывали.

В то же время увеличивались площади рисовых полей, не зафиксированных в официальных документах и не включенных, следовательно, в надельный фонд [см. 76, 142]. Таким образом, надельная система все в меньшей степени определяла социальную и политическую основу государства. Новые общественные явления и факторы начинали играть более значительную роль.

Официальные круги не могли смириться с тем, что предпринимаемые ими насильственные меры сохранения надельной системы не приносят желаемых результатов. Поэтому они все чаще стали прибегать к другим средствам. Довольно широкое разнообразие осуществленных властями актов свидетельствует не только о нараставшем беспокойстве и вынужденном маневрировании, но нередко и об отчаянии правительственного аппарата, готового идти на крайние меры. В некоторых районах страны временно снижалась тяжесть повинностей, особенно в неурожайные годы: в 739 г. в отдельных частях страны на неопределенный срок была отменена воинская повинность, а в конце VIII в. — обязательная служба в пограничных отрядах [45, 118]; в 784 г. было

принято решение о введении оплаты (хотя и мизерной) труда крестьян, мобилизованных по трудовой повинности на различные государственные работы [6, т. II, 3]. В условиях централизованного феодального государства подобные действия властей были не показателем их доброй воли, а скорее свидетельством невозможности действовать прежними методами.

Еще в первой половине VIII в. правительство утвердило акты, которые по существу были направлены против наделной системы. В 723 г. было принято постановление, по которому освоенные участки целины через три поколения могли стать собственностью их владельцев. Таким образом правительство надеялось легко обеспечить себя новыми источниками дохода за счет налогов, получаемых с вновь поднятой целины. Однако этим дело не ограничилось, и уже закон 743 г. признал всю освоенную целину собственностью того, кто ее обработал, что было вполне логическим завершением предыдущего акта [65, 28]. Эти шаги практически способствовали возможности продажи и покупки земли, что противоречило самой основе системы Тайка, предусматривавшей неоспоримую централизацию всей страны под властью императора.

Размывание наделной системы происходило и по другим каналам. Юридически были признаны многие формы частного землевладения: земли буддийских и синтоистских храмов, ранговые, должностные и пожалованные участки и т. д. Таким образом создавался и рос фонд земли, изъятой из системы общего управления. На его основе формировался новый тип организации землевладения, который пришел на смену наделной системе, — *сёэны* (поместья) ⁶.

Постепенная замена наделной системы сёэнами связана с большими социальными, экономическими и политическими преобразованиями в стране. Именно эта замена стала важнейшей базой процесса трансформации низших социальных групп страны в X—XI вв.

Основой сёэнов явилось вынужденное признание частной собственности на землю. С течением времени содержание понятия «сёэн» постепенно менялось. Возможность существования сёэнов допускал еще кодекс Тайхорё, однако заметное развитие они получили лишь в VIII—IX вв. Вначале их владельцами были знать,

проживавшая в г. Хэйан и его окрестностях, а также храмы. В сёэны в первую очередь включалась освоенная целина, а в дальнейшем леса, луга и водоемы. Контроль над сёэнами и их управление знать и храмы обычно поручали своим доверенным людям и специальным ведомствам.

Система сёэнов способствовала развитию крестьянских владений — *мёдэнов*⁷. К X—XI вв. она получила широкое распространение по всей стране, но в наибольшей степени — в районах Кинай (близ городов Нара и Хэйан).

Владельцы сёэнов находились под контролем центральных властей и были вынуждены вносить в государственную казну определенную часть своих доходов. Но со временем степень их зависимости уменьшалась. Экономически и политически они становились все более самостоятельными, добиваясь значительного иммунитета и присваивая себе право на выполнение многих государственных функций [см. 76, 143].

Развитие системы сёэнов усилило распри в среде феодальной знати. Та часть господствующих кругов, которая имела своей основой надельную систему, постоянно предпринимала отчаянные усилия ограничить распространение сёэнов. (Последняя отмеченная попытка тотального решения данной проблемы была предпринята в 1069 г.) Однако спасти надельную систему и уничтожить сёэны было невозможно [см. 76, 148]. Уход крестьян со своих наделов в отдельных районах происходил постоянно уже в VIII—IX вв. Число беглецов иногда достигало 19% всех трудоспособных жителей деревни (например, в пров. Ямасиро⁸) [46, 42]. Многие из них оседали в сёэнах. Имели место случаи перехода под власть владельцев сёэнов и свободных крестьян вместе со своими землями. Наряду с этим наметилась тенденция укрупнения отдельных сёэнов, когда владельцы более слабых из них за военные гарантии своих экономических прав передавали свои земли более сильным.

Возникает вопрос, имел ли процесс распада надельной системы и формирования сёэнов существенное значение для последующей истории японского общества, а если имел, то в какой степени он сказался на положении низших социальных групп.

Возможные сомнения могут, в частности, определяться тем обстоятельством, что надельная и даже сёэнная системы получили распространение лишь на малой части территории Японских островов, в основном в районах Гокинай⁹. Следовательно, для какой-то части населения страны надельная система и сёэны, а также социальные перемены, связанные с ними, не имели особого значения.

Но практически эти сомнения являются необоснованными. Во-первых, рассмотренные нами преобразования происходили в тех областях страны, где была сильна государственная власть и, очевидно, сосредоточивалась основная часть населения страны. А во-вторых, результаты социально-экономических и политических процессов, протекавших в рамках древнего государства, впоследствии, несомненно, сказались на жизни всего японского общества.

Вторая часть поставленного выше вопроса требует более конкретного и обстоятельного ответа. В данном случае следует исходить из двух основных, в известной мере уже очевидных положений. Прежде всего, несмотря на углубляющуюся изоляцию низших социальных групп от остального японского общества, их развитие и трансформация обуславливались закономерностями развития всей страны. А кроме того, результаты исторического процесса их развития в районах распространения древнего государства сказались впоследствии на положении отверженных на всей территории Японии.

Итак, какие же изменения в положении низших социальных групп происходили в условиях общего распада старой и создания новой структуры феодального государства?

Группы зависимых — сэммин, дзакко и томобэ, — находившиеся в подчинении государственных ведомств и знати, просуществовав многие десятилетия, значительно видоизменялись и постепенно распадались. Слабеющий правительственный аппарат оказался неспособным сохранить их в неизменном виде. Но основной удар по этой системе зависимых нанесла борьба самих сэммин, дзакко и томобэ против произвола властей. Стремясь освободиться от тяжкого и постоянно растущего бремени повинностей и унижительного бесправия, они, как и

многие тысячи крестьян, все чаще покидали насиженные места, причем масштабы этого метода сопротивления постепенно становились весьма значительными. Доля бежавших представителей групп зависимых в отдельных районах страны достигала 18—45% общего числа проживавших в этих местах сэммин, что в целом намного превышало соответствующие показатели для крестьян [46, 42]; отмечен даже случай (возможно, и исключительный) бегства около 78% всех сэммин одного района [67, 195].

Подобные масштабы бегства сэммин в VIII—IX вв. стали вполне обычными, и власти уже были совершенно бессильны предотвратить этот процесс или хотя бы сократить число бежавших. Для представителей низших социальных групп такой способ борьбы имел особую привлекательность, поскольку он практически уравнивал их с бежавшими крестьянами. Но это вовсе не означало, что их социальное прошлое сразу забывалось: если устанавливалось, что кто-либо укрывал не бежавшего крестьянина, а раба, то наказание было более суровым [см. 63, 296].

Наряду с бегством источники отмечают и другие, более решительные методы сопротивления властям. Известно, что сэммин, дзакко и томобэ активно участвовали во многих народных (в основном крестьянских) выступлениях, причем, нередко даже в роли организаторов и предводителей [см. 6, т. II, 16].

Правительство, естественно, не оставалось безучастным зрителем распада привычной и выгодной государству и знати системы сэммин, дзакко и томобэ. Но действия властей, направленные на сохранение этой системы, отличались известной непоследовательностью, что свидетельствовало не только о вынужденных переменах в тактике, но и о нараставшей растерянности государственной администрации. Так, заинтересованные в высококачественных изделиях ремесла и, следовательно, в сохранении социальных объединений сэммин, дзакко и томобэ, власти издали строгий приказ о необходимости безусловного соблюдения принципа наследования профессий [см. 65, 21]. Одновременно они устраивали облавы с целью вернуть беглецов к исполнению прежних повинностей и производили жестокие показательные наказания.

И все же властям не удалось избежать проведения некоторых мер, направленных на относительное облегчение положения отдельных групп зависимых; имели место случаи перевода представителей сэммин в разряд рёмин, а в 798 г. был опубликован указ, по которому детей от смешанной пары родителей (сэммин и рёмин) впредь предлагалось относить в разряд «благородных» [64, 36]. Эти акты властей были призваны уменьшить размах сопротивления зависимых существующим в стране социальным нормам. Вместе с тем резкое повышение социального статуса отдельных групп сэммин до уровня рёмин свидетельствовало о попытках властей таким способом пополнить редевшие ряды надельного крестьянства, чтобы не допустить развала системы в целом. Однако к концу IX — началу X в. стало ясно, что сохранить надельную систему и социальные группы зависимых правительство уже не в состоянии. Все усилия властей, предпринятые в этом направлении, неизменно терпели крах.

Так, в связи с резким сокращением числа сэммин, дзакко и томобэ, ухудшением состояния финансовой системы государства и ослаблением всего бюрократического аппарата пришлось закрыть несколько ведомств, в подчинении которых находились низшие социальные группы. Так, исчезли важные ведомства, контролировавшие производство военного снаряжения, одежды, обуви, строительство и т. д. В связи с этим отдельные группы париев добились определенной независимости.

Наконец в 902 г. был издан указ «Об освобождении рабов», который практически признал полный крах созданной еще в VII в. социальной системы сэммин. Большинство сэммин, в первую очередь связанных с сельскохозяйственным производством, были освобождены от старых форм зависимости. Однако указ почти не коснулся канко (одной из групп сэммин), а также дзакко и томобэ. Более того, социальный статус последних значительно снизился, что было связано со многими обстоятельствами, в частности с процессом их постепенного отстранения от сельского хозяйства.

Мучительный процесс ломки старой государственной структуры, базировавшейся на надельной системе, явился основой больших социальных перемен, в частности в положении рассмотренных нами групп зависимых.

Вместо распадавшейся политической и социальной структуры в рамках феодальных отношений создавалась новая система, основанная на значительном усилении владений дворцовой и местной знати, крупных чиновников и особенно храмов. Образование сёэнов явилось важнейшим событием в жизни феодальной Японии того времени, определившим многие особенности социального и политического развития страны на весьма длительный период. Впервые отмеченные в материалах VIII—IX вв. сёэны уже в XI в. получили весьма широкое распространение по всей стране. Созданием и укреплением сёэнов означало крах системы государственной собственности на землю и централизованного единства под эгидой императора, что было характерным для системы Тайка.

В руках владельцев сёэнов — сёдзи постепенно концентрировалось все больше бывших надельных земель (за счет ранговых, должностных, пожалованных, освоенных и приобретенных различными способами участков). Усиливалась их независимость от центрального, некогда всемогущего, бюрократического аппарата. В новых владениях оказалось большое число бывших надельных крестьян. В условиях усиления тенденций общей децентрализации сёдзи были заинтересованы в привлечении в свои владения крестьян и ремесленников, чтобы обеспечить свою экономическую и политическую независимость.

Крестьяне в сёэнах были поставлены под контроль административных наместников сёдзи — *дзито*¹⁰, которые вели все дела владений. Могущество сёэнов зависело от регулярности и размеров натуральных поступлений на склады феодального владения и объема обязательных отработок крестьян. Размеры податей и отработок определялись общими и местными традициями и обычным правом, поэтому положение крестьян в разных районах страны было неодинаковым. Но в целом оно все же характеризовалось большей, чем прежде, стабильностью, что явилось несомненным положительным моментом, способствовавшим экономическому прогрессу страны. Политические гарантии со стороны сёдзи, а также избавление от угрозы постоянных переделов

обрабатываемых участков земли в известной мере стимулировали инициативу крестьян и, следовательно, сельскохозяйственное производство в целом. Таким образом, создание сёэнов сыграло важную роль в эволюции феодального общества Японии.

Роль данного процесса в истории японского крестьянства, по нашему мнению, по достоинству еще не оценена. А без этого невозможно правильно понять некоторые аспекты последующей истории страны, например выделение из крестьянской среды привилегированного слоя военнотрудовой знати, усиление крестьянской организации и поразительный размах крестьянского движения в XIV—XVI вв. и т. д. Все это, на наш взгляд, находится в тесной связи с определенным укреплением крестьянской общины в условиях системы сёэнов, с развитием экономической, правовой и военной самостоятельности части крестьянства.

Однако в целом положение основной массы крестьянства изменялось мало. Крестьяне выполняли тягчайшие повинности и практически были так же бесправны, как и раньше. Отмечая некоторые перемены в положении крестьян, мы имеем в виду лишь то, что в условиях сёэнной системы значительно усилился процесс экономического расслоения, некоторыми новыми возможностями хозяйственной инициативы удалось воспользоваться лишь незначительной части сельских хозяев. Диапазон социальных различий в деревне постепенно увеличился — от оставшихся нищими бывших владельцев надделов, иногда даже скатывавшихся в разряд сэммин, до состоятельных хозяев, игравших ведущую роль в крестьянской общине и имевших право и возможность в случае необходимости объединяться в военные отряды. Последние обычно обязывались применять оружие, которым они имели право владеть, лишь для выполнения вассальных обязанностей перед своими господами, но иногда они использовали его и для защиты собственных интересов. Таким образом, имея свое оружие, они были не только землепашцами, но и отличными воинами [см. 31, 239—240]. Во всяком случае эту часть крестьян, очевидно довольно значительную, сравнительно независимую и активную, практически невозможно отнести к категории бесправных крепостных [см. 76, 226].

Только учитывая все эти общие перемены в стране и, в частности, значительные изменения в крестьянской среде в период становления системы сёэнов, мы можем понять процесс трансформации низших социальных групп, происходивший в это время.

В период возникновения и распространения сёэнов, как отмечают отдельные сохранившиеся документы той эпохи, возникло новое социальное явление — сандзё-но-тами и каварамоно. Этими терминами определялись некоторые результаты преобразований, происшедших в низших социальных группах в тот переломный период развития японского феодализма.

Термины *сандзё* и *кавара* вошли в обиход для обозначения определенных участков земли, имевших свои географические особенности и некоторую специфику с точки зрения общей феодальной структуры.

Относительно истоков образования сандзё и их социальной основы в японской исторической литературе высказывалось много суждений, что определялось, в частности, различиями их иероглифического написания в источниках и т. д. Сопоставлять имеющиеся по этому поводу точки зрения не входит в нашу задачу [подробнее см. 6, т. III, 3—4; 46, 70—71; 55, 65]. Отметим лишь, что наиболее распространенное в настоящее время мнение о сандзё сводится к следующему. Сандзё — это включенные в сёэны заброшенные участки надельной земли, давно покинутые крестьянами и, следовательно, не обеспечивавшие поступления налогов и податей в государственную казну [см., например, 46, 70].

Как социальное явление поселения в сандзё сохранялись довольно длительный период — с IX—X до XV—XVI вв., причем в течение этого времени их сущность претерпела весьма значительные изменения.

Первые сандзё отмечаются в материалах начала XI в. [см. 72, 289]. Тогда этим термином обозначались заброшенные участки надельной земли, к обработке которой в IX—X вв. власти иногда пытались в принудительном порядке привлечь крестьян окрестных деревень и таким образом пополнить за счет податей с них государственную казну. Однако постепенно владельцам сёэнов удалось значительную часть сандзё присоединить к своим землям. На этих участках возникали поселения особого типа, куда администрация сёэнов направляла

бродяг — бывших крестьян и ремесленников, а их жители стали называться «санджэ-но тами» («люди санджэ»).

Создание таких поселений стимулировалось тем, что сёдзи были заинтересованы в формировании особой социально-профессиональной группы, которая выполняла бы в их владениях необходимые хозяйственные функции. Санджэ-но тами в основном производили ту работу, которая не входила в круг обязанностей крестьян, но была совершенно необходима для нормального функционирования хозяйственного организма сёэнов.

Поселения санджэ пополнялись не только бывшими дзакко, томобэ и сэммин, но нередко и покидавшими свои наделы крестьянами, отчаявшимися найти какой-либо иной способ существования. Всех этих людей объединяло одно: в большинстве своем они до поселения в сёэнах какой-то период были бродягами. Иногда в санджэ селились компактными группами лица, связанные между собой определенной профессиональной общностью.

Почти не занятые сельскохозяйственным производством, жители санджэ по традиции освобождались от налогов, податей и повинностей, определяемых владением землей. Однако это вовсе не свидетельствовало об их свободе, поскольку они должны были выполнять разнообразные повинности, имевшие своей целью удовлетворение многих хозяйственных нужд сёэнов, а также личных потребностей сёдзи и представителей бюрократического аппарата.

Вначале не наблюдалось какого-то презрительного отношения окружающих к жителям санджэ. С течением времени число поселений этого типа росло, расширялся объем хозяйственных функций их жителей. В связи с этим наметилось несколько основных типов санджэ, отличавшихся преобладающими для них видами деятельности, что способствовало формированию особого социального отношения к жителям санджэ. По существу они стали сэммин (подлыми, презираемыми) нового этапа истории, т. е. изолированной социальной группой, поставленной ниже всех других слоев общества и презираемой.

Первый тип. Поселения, находившиеся под непосредственным контролем сёдзи. Последние осуществ-

ляли контроль и власть над жителями сандзё через своих специальных административных представителей (*тёся*) [44, 39]. Жителям этого типа сандзё вменялось в обязанности захоронение трупов людей и животных, уборка нечистот на указанной им части территории сёэнов, производство предписанных им ремесленных изделий, в первую очередь из кожи, обслуживание местных праздников, мелкая торговля и т. д. С течением времени жители этих сандзё стали объединяться в специализированные производственные и торговые объединения (*дза*) по типу европейских цехов и гильдий.

Владельцами этих поселений могли быть не только представители знати, но и многочисленные буддийские и синтоистские храмы (например, Тодзи и Гион в Киото, Хатиман гу¹¹ в Ямасиро и Камакура и др.). Поселения в основном располагались вокруг древнейших городов — Киото и Нара — и способствовали развитию разнообразной хозяйственной, военной, обрядовой и религиозной деятельности новых владений феодальной Японии, в частности храмов.

Второй тип. Специализированные поселения, создававшиеся на важнейших сухопутных, речных и прибрежных транспортных магистралях отдельных владений и областей. Поселения такого типа возникали в основном в связи с организацией новой транспортной системы, призванной в первую очередь обеспечить перевозку продуктов сельского хозяйства и ремесла, поставлявшихся в счет налогов и податей, а также различных военных грузов и в меньшей степени довольно редких тогда курьеров, пассажиров и т. д. Большинство сандзё этого типа были расположены вдоль дорог, соединявших отдельные районы страны с городами Нара и Киото.

Жители этих сандзё привлекались к выполнению тех же повинностей, что и люди из поселений первого типа. Но кроме основных обязанностей они должны были еще работать грузчиками, извозчиками, паромщиками, лодочниками, содержать в порядке и чистоте дороги, пристани, обслуживать постоялые дворы и т. д.

Несмотря на известные различия в обязанностях, они вместе с жителями сандзё первого типа составляли единую социальную группу, что выражалось в их одинаковом правовом положении, в отношении к ним пред-

ставителей других слоев общества и в прочной зависимости от знати и храмов.

Третий тип. Поселения, где жители кроме прочих, обычных для сандзё-но тами обязанностей должны были заниматься рыболовством и охотой и сдавать часть продуктов этих промыслов знати, храмам и представителям новой бюрократии, от которых они зависели.

Таким образом, разница между поселениями всех трех типов заключалась лишь в их дополнительных функциях. Принципиальных социальных и профессиональных различий между ними не было. Поэтому жителей этих сандзё на определенном этапе их развития можно отнести к представителям единой социально-профессиональной группы. Такое положение складывалось постепенно, поэтому нам трудно определить точное время, этап, после которого сандзё-но тами, безусловно, стали отверженными. Но к XIII—XIV вв. этот процесс, как мы увидим ниже, уже привел к их вполне четкой сегрегации.

Сначала поселения в сандзё в каждом случае создавались с конкретной хозяйственной целью, и отношение к их жителям скорее зависело от их происхождения. Но со временем сложилось общее правовое и бытовое отношение к ним, что было показателем выделения жителей сандзё в особую социальную группу сословного типа. Источники все чаще фиксировали дух подозрения, предубеждения и даже презрения, характерный для социальной атмосферы, окружавшей жителей сандзё [см. 6, т. III, IV]. В формировании такого отношения к ним заметную роль сыграли уже широко распространенные традиции и предрассудки, а также и новые социальные и политические идеи неравенства, внедрявшиеся тогда в жизнь феодальной Японии¹².

Кроме сандзё-но тами в состав низшей группы, поставленной в положение социальной изоляции, вошли также и каварамоно. Эта часть японских париев формировалась своим особым путем.

Термин «кавара» первоначально означал бесплодные, не пригодные для сельскохозяйственного производства участки земли, которые не представляли никакой ценности для феодальных господ и крестьян и поэтому не включались в их владения. Чаще всего это были по-

крытые галькой участки прибрежной полосы рек; их называли «кавара» (букв. «пойма реки»). Как и сандзё, эти участки земли вначале также были свободны от обложения податями и налогами.

Значительная часть бежавших в разное время крестьян, сэммин, дзакко и томобэ поселялась на территории сёэнов, попадая таким образом под господство сёдзи. Часть же оседала в кавара, оказываясь на первых порах в положении хотя и независимой, но наиболее нищей социальной группы. Практически в этих кавара они обладали настолько ограниченными экономическими возможностями, что производительный труд для большинства из них был почти не доступен. Они не имели в своем распоряжении земли, годной для сельскохозяйственного производства, и не располагали никакими источниками сырья для занятия ремеслом. Поэтому многие жители кавара были вынуждены добывать себе пропитание нищенством, из их среды создавались группы бродячих артистов (деятельность которых вначале была лишь скрытой формой нищенства), нередко женщины становились профессиональными гадалками, проститутками и т. д.

Население страны с самого начала относилось к каварамоно более нетерпимо, чем к сандзё-но тами. Они практически были поставлены вне общих социальных норм и правил. В древнейших источниках допускались, например, такие суждения о каварамоно: «Они не люди», «Из людей они самые низкие... поедают мясо убитых коров и лошадей» [64, 54].

Такое отношение определялось главным образом тем, что сандзё-но тами в отличие от каварамоно по преимуществу были связаны с производительным трудом, и поэтому их считали (а сандзё-но тами обычно с этим охотно соглашались) представителями более полезного и ценного социального объединения. Жители сандзё обычно с высокомерием относились к каварамоно, и смешанные браки между ними были почти невозможны. В таком, несколько парадоксальном, положении проявилась еще одна, весьма существенная, характерная вообще для истории японских сэммин особенность, заключающаяся в том, что среди отверженных всегда сохранялось своеобразное социальное неравенство (главным образом в психологическом плане), нередко резкое

противопоставление и даже вражда отдельных его групп.

Однако постепенно в восприятии всего остального населения страны, в первую очередь знати, властей и рядовых чиновников, обе эти группы стали единым социальным целым, находившимся в самом низу общественной иерархии. Это объясняется тем, что различия между ними постепенно стирались. Каварамоно расширяли сферу своей деятельности, приобщаясь к производительному труду, сходному по своему содержанию с работами сандзё-но тами. Так, в XI в. каварамоно (в основном жившие в районе Киото) занимались уборкой нечистот, захоронением трупов людей и животных, сдиранием и дублением кожи, мелким кожевенным производством, торговлей вразнос и т. д. Соответствующие записи, относящиеся к 1016—1036 гг., содержатся в сочинении XVII в. «Сакэйки» («Записки левого министра Минамото Цунэёри») ¹³ [см. 65, 33]. Параллельно с расширением сферы деятельности жителей кавара происходило установление и упрочение административного контроля над ними, закреплялись определенные формы их зависимости от бюрократии и знати. Сближение условий жизни и труда сандзё-но тами и каварамоно сглаживало имевшиеся между ними перегородки и способствовало созданию их социальной общности, хотя некоторые традиционные различия продолжали сохраняться.

В одно с каварамоно и сандзё-но тами низшее социальное объединение, бесправное и все более презираемое, вошли и некоторые другие группы населения. В частности, на окраинах ряда городов и деревень, в пределах улицы или квартала, возникали поселения, в которые попадали люди, оказавшиеся по разным причинам вне своих общинных союзов, что уменьшало их политические права и экономические возможности. Как и сандзё-но тами и каварамоно, они были вынуждены заниматься традиционно презираемыми видами деятельности, превращаясь таким образом по своему социальному статусу в сэммин. Вначале презираемые занятия предписывались им специальными указами феодальной администрации, но впоследствии они постепенно стали для них традиционно наследственными, что в свою очередь также было зафиксировано законом. Источники не позволяют детально судить об этой части сэммин.

Вероятно, она обладала определенным своеобразием, отличавшим ее от сандзё-но тами и каварамоно. Но одно очевидно: для ее положения были характерны низкая общественная оценка, строго определенный круг доступных занятий и предписание мест поселений, что, собственно, в основном и объединяет все отмеченные нами группы в единое социальное целое.

Кроме указанных имелся еще один тип особых поселений, в источниках обозначенный термином *амарибэ* (букв. «избыточное поселение») ¹⁴. Так еще в VIII в. назывались поселки, состоявшие из крестьянских семей, которые по каким-то причинам не вошли в обязательные первичные административные объединения — *сато* (село), состоявшие из 50 дворов [13, 102—103]. В первый период существования амарибэ также имели свою социальную специфику. Некоторые японские исследователи истории дискриминации отверженных высказывали мнение, что амарибэ — это поселения, в которых в основном проживали натурализовавшиеся иноземцы (китайцы и корейцы), занимавшиеся убоим скота и ремеслом [см. 55, 54—55]. Выдвигалось даже предположение, что именно они и явились непосредственными предками японских париев эпохи Токугава.

Возможно, что основную часть жителей амарибэ в глубокой древности действительно составляли иноземцы. Однако данный факт не дает никаких оснований говорить об иноземном происхождении явления дискриминации отверженных в целом. Во-первых, как уже отмечалось, иноземцы не могли привезти с собой социальные отношения и, натурализовавшись, ассимилировались с японцами. А кроме того, в формировании социального объединения сэммин рассматриваемого нами периода в основном участвовали не общины амарибэ, а другие группы населения.

В японской литературе отмечается еще один тип особых поселений, который возник из плененных участников происходивших в VIII—X вв. восстаний покоренных племен. Так, например, после подавления в 780 г. на северо-востоке страны крупного восстания угнетенных айну значительная часть пленных была направлена в созданные для них специальные поселки. Тем же закончились восстания 878 и 939 гг. Характерно, что захваченных участников восстаний определяли терми-

ном *фусю* («пленные», «арестанты»), подчеркивая особое отношение к ним как к преступникам и чужакам [см. 6, т. II, 14—15]. Условия жизни и трудовой деятельности жителей этого типа поселений практически также мало чем отличались от положения сандзё-но тами и каварамоно, и все они входили в одну социальную группу.

О месте сэммин в японском феодальном обществе весьма красноречиво свидетельствует тот факт, что в их поселения нередко направлялись в качестве наказания преступники, неизлечимые больные (например, прокаженные). Но наряду с этим больные и осужденные селились и отдельно. Так, к северу от Нара был расположен поселок прокаженных, которые ежедневно (подобно нищим-каварамоно) отправлялись в город просить подаяние. Горожане довольно охотно подавали им милостыню, однако были твердо уверены, что эти люди наказаны буддийскими богами за свои врожденные низменные качества, пороки и грехи [см. 53, 106].

О МЕХАНИЗМЕ ТРАНСФОРМАЦИИ НИЗШИХ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ГРУППЫ ОТВЕРЖЕННЫХ

Как вполне справедливо отмечает американский исследователь истории японских париев Джон Корнелл, «линия раздела... между сэммин и обычным народом (сёмин, т. е. крестьянами, торговцами и ремесленниками) никогда не была точно определена, и, кроме того, мерка оценки (этой линии раздела.— З. Х.) не была неизменной» [79, 117—118]. Но она всегда существовала. Попытаемся определить, каким образом она создавалась, какие «мерки» играли при этом решающую роль и в конечном счете как образовалась глубокая пропасть между теми, кто входил в категорию «народ», и изгоями общества.

Пока, к сожалению, исследователи проблемы париев не располагают необходимыми материалами, которые позволили бы воссоздать полную картину механизма трансформации низших социальных объединений в группы отверженных. Поэтому мы вынуждены ограничиться лишь некоторыми аспектами этой проблемы.

Происшедшие в VIII—XI вв. в стране значительные социально-экономические и политические перемены в разной степени затронули все слои общества. В ходе и результате этих перемен постепенно сформировались новые социальные группы, практически поставленные законом и традицией вне обычных норм и представлений, т. е. в положение париев, изгоев. Этот процесс явился следствием и известным показателем увеличения диапазона происходившего в стране социального размежевания.

Образование объединений отверженных не было неожиданным или случайным. Эти объединения по своему существу связаны с прежними низшими социальными группами многими общими чертами.

До VIII—XI вв. самой суровой дискриминации подвергались юридически зафиксированные социальные группы. Эта дискриминация в основном не зависела от вида занятий и места жительства и носила по преимуществу сословный характер. Однако для положения новых низших сословных образований становилось характерным то, что их дискриминация и порожденные ею предрассудки все более связывались с некоторыми видами занятий и местами поселений сэммин. Таким образом, дискриминация, определяемая социальным статусом, дополнилась дискриминацией по профессиональному и локальному признакам. При этом возникла ситуация, при которой предрассудки, порождаемые профессиональными и локальными ограничениями, начали играть преобладающую роль и приобрели видимость самостоятельно действующей общественной силы.

До настоящего времени сохраняется прочно укоренившееся и получившее довольно широкое распространение мнение, что дискриминация японских отверженных определяется их основными видами занятий (убой скота, захоронение, кожевенное производство и т. д.), которые буддийскими догмами рассматриваются как «оскверняющие». Следовательно, в соответствии с данной точкой зрения получается, что именно эти буддийские идеи и породили явление дискриминации японских париев.

При знакомстве с источниками выясняется, что указанные догмы действительно играли значительную роль в закреплении определенных форм отношения к низшим

социальным группам. Но для оценки их подлинной роли в этом процессе в первую очередь необходимо установить, когда и почему отмеченные нами виды работ стали восприниматься в народе как «оскверняющие».

Нам известно, что в период первобытнообщинного строя, главным образом в охотничьих племенах, охота, убой животных, разделка туш и примитивное кожевенное производство были основными и почитаемыми видами деятельности. К тому же древнейшему периоду относятся распространение, очевидно, лишь спорадическое и связанное с определенными табу, представления о «преступности» упомянутых занятий¹⁵. Естественно, тогда эти представления никакого отношения к буддийским идеям еще не могли иметь.

В первых государственных образованиях на Японских островах, как мы знаем, были созданы специальные социально-профессиональные объединения бойцов скота и кожевников, главным образом из числа иноземцев. Однако у нас нет оснований говорить о какой-то особой дискриминации и о пренебрежительном отношении к ним. Более того, нам известно, что в течение длительного времени, в том числе и после проникновения в начале VI в. буддизма в Японию, убой скота, употребление в пищу мяса и кожевенное производство еще долго не воспринимались как «оскверняющие». Следовательно, по крайней мере до VII—VIII вв. некоторые элементы пренебрежения к указанным занятиям не были связаны с буддизмом, а соответствующие буддийские догмы в течение VI—VIII вв. еще не стали частью общей системы взглядов общества.

Широкое распространение в народе буддийских оценок рассматриваемых нами видов деятельности и действий в значительной мере обусловлено не только чисто идейными мотивами, но и ролью животноводства в развитии японской экономики. В течение многих сотен лет животноводство было одной из самых отсталых отраслей сельского хозяйства. Поэтому роль домашнего скота в удовлетворении военных и транспортных нужд и в питании населения никогда не была особенно заметной. Долгое время, даже после VI в. (т. е. с проникновением в страну буддизма), убой скота и употребление в пищу мяса не только не считались предосудительными, но и были нередко связаны со многими религиоз-

ными ритуалами (например, с молением духа реки о дожде) и праздниками [см. 6, т. III, 16].

Случаи убоя скота крестьянами для жертвоприношений отмечаются во многих сочинениях, относящихся даже к VII—VIII вв., в частности в синтоистских молитвах, содержащихся в «Энги сики» [см. 64, 30]. Убой скота и употребление в пищу мяса являлись одними из элементов деревенских праздников, связанных с основными этапами сельскохозяйственных работ. Эти акты почитания богов плодородия вызвали у крестьян чувство душевной уверенности и спокойствия и, естественно, не могли рассматриваться как порочащие человека.

Идеи осквернения «грязью» смерти получили широкое распространение лишь с внедрением в стране буддизма. О процессе и о социальном и экономическом значении распространения этих идей в какой-то степени можно судить по официальным указам, запрещавшим убой скота.

Первые указы о запрете убоя скота, известные нам, появились еще в VI в. [6, т. III, 21]. Впоследствии число подобных указов стало заметно расти. Так, ряд законодательных актов VII в. запрещал придворным в определенные сроки употреблять в пищу мясо. Указ 676 г., разрешив использовать в пищу мясо оленей, кабанов и других диких зверей, запрещал употреблять для этой цели мясо коров, быков, лошадей и т. д. [44, 34]. Весьма примечательно, что официальные акты VI—VII вв. еще не обосновывались распространенной в дальнейшем мотивировкой «осквернения» человека «грязью» смерти и крови. Таким образом, совершенно очевидно, что принятие этих указов в основном было вызвано растущими хозяйственными, транспортными и военными нуждами государства и знати. В условиях же слабого развития животноводства в стране примитивные крестьянские хозяйства располагали минимумом домашнего скота.

Появившийся в 720 г. указ о запрете убоя скота свидетельствовал о начавшемся процессе внедрения буддизма в жизнь японского общества. В указе запрет убоя скота уже мотивировался неизбежностью «осквернения» человека подобным актом. Возможно, такое объяснение было приведено лишь в надежде на то, что это повысит эффективность указа. Но суть мотивировки весьма красноречива. Однако в VIII в. идеи буддизма все еще не

получили достаточно широкого распространения, и запреты убоя скота далеко не всегда связывались с неизбежностью «осквернения». Так, соответствующий указ 741 г. вновь ограничился лишь экономическим обоснованием запрета убоя скота. Он гласил: «Скот работает на людей и кормит их, поэтому издавна запрещается его убой» [цит. по: 44, 34—35]. Именно этим объяснялась необходимость наказания за убой крупного домашнего скота. Указы о запрете убоя скота появлялись и впоследствии. Их выход в каждом конкретном случае обычно мотивировался самыми различными, в основном экономическими, причинами: неурожаем, наводнением, землетрясением, пожаром и т. д., иногда болезнью императора, во время которой любой «нечистый» поступок был особенно нетерпим. Но с конца VIII в. все чаще нравственная необходимость выполнения указов о запрете убоя скота определялась буддийской идеей «осквернения» человека «грязью» смерти и крови [см. 6, т. III, 16]. Совершенно естественно, что в таких условиях постепенно прекратились религиозные жертвоприношения и появилось исключительное отношение к определенным видам деятельности.

Но от публикации указов до внедрения их идей в жизнь — дистанция большого размера, и поэтому конец VIII — начало IX в. мы считаем первоначальным этапом процесса восприятия духа буддийской идеологии. Нетерпимое отношение к убою скота и кожевенному производству, обоснованное соответствующими буддийскими представлениями, получило в то время лишь минимальное распространение среди сравнительно небольшой части населения (в центральных областях страны). В источниках такое отношение впервые зафиксировано только во второй половине VIII в. [39, 49—50].

Догмы буддизма долгое время не воспринимались народом, и это свидетельствует о том, что процесс их распространения был чрезвычайно трудным и медленным. Например, в словаре «Вамёсё» («Японо-китайский тематический словарь») ¹⁶ эмоциональное отношение к профессии мясника и кожевника ничем не выделялось в отличие от более поздних работ подобного типа. Можно предположить, что буддийские представления получили значительное распространение в народе в центральных областях страны не ранее XI в., когда

буддизм утвердился в Японии как государственная религия [20, 46—47].

Сопоставление известных фактов убедительно показывает, что соответствующие догмы буддизма сами по себе не могли быть причиной возникновения в Японии групп отверженных. Процесс формирования, развития и трансформации низших социальных групп происходил задолго до внедрения в страну буддизма. Догмы способствовали на определенном этапе истории лишь формированию «отверженности», т. е. их появление «удачно» совпало с происходившим в стране процессом социального размежевания.

О том, что догмы буддизма были не основным, хотя и весьма существенным элементом процесса формирования японских групп отверженных, свидетельствует и другое достаточно очевидное обстоятельство. А именно: с течением времени «оскверненными» в Японии стали считаться не только бойцы скота, мясники и кожевники, но и проживавшие в сандзё и кавара ремесленники (занимавшиеся производством изделий из бамбука, соломы, металла), красильщики, строители, садоводы, бродячие артисты, профессиональные гадалщики, чтецы сутр и т. д. Таким образом, презируемыми оказались люди, формально не затронутые «осквернением». Практически презрение к «оскверненным», относившееся первоначально лишь к части сэммин, постепенно распространилось на всю эту социальную группу, независимо от вида занятий. Тем самым подтверждалось их социальное единство: «грех» части сэммин «осквернял» всех остальных. О любом представителе сэммин уже судили так: «Он из тех, кто „осквернен“ убийством». Следовательно, мы вполне можем констатировать, что создание низших социальных групп, поставленных в положение париев, по отношению к догмам буддизма было первичным явлением. Линия раздела между сэммин и остальным населением страны до внедрения в Японии буддизма определялась лишь социальными нормами и предрассудками. Только на конкретном историческом этапе развития страны она была закреплена и углублена идеей «осквернения» и связанными с ней новыми предрассудками.

Идея «осквернения», постепенно вошедшая в жизнь японского общества, довольно многогранна; она нало-

жила свой отпечаток на систему социальных, политических и юридических оценок и на повседневную жизнь человека в феодальной Японии. Эта идея нашла свое выражение в комплексе табу¹⁷, влиявших на жизнь значительной части населения на протяжении многих сотен лет. В соответствии с этими табу «оскверняющими» оказались самые разнообразные виды деятельности и определенные физические состояния людей (например, убой скота, крашение, неизлечимые болезни, период менструации и т. д.), которые не всегда были связаны с идеей «осквернения» грязью смерти и крови [см. 37, 82—101].

Идеи «осквернения», став традиционными, все чаще находили отражение и в юридических нормах. Но официальные акты, отличавшиеся крайней нетерпимостью по отношению к сэммин, естественно, не могли исключить из жизни общества отдельные виды деятельности или определенные периоды физического состояния людей, которые стали восприниматься «оскверняющими». Практическая их цель и не сводилась к этому. Она заключалась лишь в том, чтобы зафиксировать конкретные рамки японских париев.

Однако со временем линия социального раздела сэммин существенно менялась, отдельные группы отверженных переставали считаться «оскверненными», и, наоборот, некоторые представители комин иногда попадали в категорию париев. Сама идея «осквернения» также не была абсолютной для всего общества и всей страны. Она, например, допускала убийство животных на охоте, а людей в бою; во многих районах Японии, где вообще не было сэммин, презираемыми видами работ, не теряя своего достоинства, занимались крестьяне и представители других «благородных» сословий.

В связи с внедрением в общественную жизнь страны идеи «осквернения» происходило распространение наиболее известного общего презрительного названия японских париев — *эта*. История закрепления этого термина за отверженными также дает определенное представление о процессе развития рассматриваемого нами явления в целом.

Относительно истоков слова «эта» существуют различные точки зрения. Отметим лишь наиболее распро-

страненную, сторонники которой полагают, что термин «эта» происходит от наименования древнего профессионального объединения — *этори*. Предполагается, что на протяжении истории данное наименование подверглось значительной фонетической и смысловой трансформации, превратившись, наконец, в слово «эта» [подробнее см. 55, 77—88].

Буквально слово «этори» означает «поставщик корма». Так называли членов сравнительно небольшого профессионального объединения, подчинявшегося в соответствии с системой Тайхорё специальному Соколиному ведомству. Люди, входившие в это объединение, увозили павший скот в свои поселения, забивали заболевший скот, а также поставляли мясо на корм хищным птицам, которых знать держала для охоты. Возможно, они же забивали скот во время синтоистских праздников. Выполнение основной повинности (уборка и убой скота) обеспечивало им также возможность заниматься дублением кожи, мелким кожевенным производством и торговлей своими изделиями вразнос.

О том, каким образом сформировалось социально-профессиональное объединение *этори*, также высказывались различные суждения; твердой уверенности в научной достоверности какого-либо из них у нас нет. Вызывает сомнения предположение, что предками *этори* были *дзакко* из числа натурализовавшихся иноземцев. Ничем не подтверждено мнение, что группа *этори* была сформирована из дворцовых рабов, не связанных с высококвалифицированным трудом [см. 60, 18]. С большей определенностью можно утверждать, что подобная *этори* профессиональная группа еще до реформ Тайка входила в категорию *бэ*, не будучи еще тогда в каком-то особом, принижённом, положении. После реформ Тайка отношение к представителям группы *этори* было не хуже, чем к членам других профессиональных объединений.

Однако по мере распространения буддизма *этори* и их занятия ставились в особое положение: острое идейной нетерпимости направлялось именно против них. В 721 г. ведомство, которому они долгое время подчинялись, было распущено, но термин «*этори*» сохранился надолго. Он стал обозначать не отдельную группу в системе *дзакко* — *томобэ*, а определенную профессию.

Впервые запись об этори в новом качестве появилась в материалах, относящихся к 834 г. [см. 46, 63]. Упоминания об этори встречаются в энциклопедическом словаре «Вамёсё» и древнем литературном сборнике «Кондзяку моногатари» («Повесть о том, что ныне уже старина») ¹⁸.

После роспуска контролировавшего их ведомства жизнь этори оказалась выбитой из привычной колеи. Многие из них осели в сандзё и кавара, что тогда было для них наиболее доступным способом разрешения создавшейся проблемы. В этих поселениях они обычно продолжали заниматься своими прежними видами деятельности.

В период создания новых поселений в сандзё и кавара убоим скота и кожевенным производством занимались уже не только бывшие этори. Последние же в свою очередь в новых условиях приобщались ко многим непривычным для них ранее видам деятельности. В связи с этим название данной профессиональной группы постепенно наполнялось совершенно новым содержанием. По мере распространения буддизма оно все более становилось социальным термином, имевшим презрительную эмоциональную окраску, что было связано с внедрением идеи «осквернения». Причем оно стало присваиваться не только бывшим этори, но и значительной части жителей сандзё и кавара.

Изменения в содержании понятия «этори» нашли отражение и в его иероглифическом обозначении. В материалах второй половины XII в. (1178—1188) слово «этори» было передано иероглифами, буквально означающими «мусорный мешок», и относилось ко всем, занимавшимся уборкой нечистот и захоронением трупов [см. 39, 26—27]. Вполне возможно, что здесь этот термин уже передает определенное отрицательное отношение к людям указанных занятий. В XIV в., превратившись в «эта», он стал обозначаться другими иероглифами (букв. «много грязи») и передавал уже идею не только физического, но и нравственного осквернения. По нашему мнению, эти изменения выражают, в частности, процесс усиления презрения к отверженным и более жесткой их изоляции от остального общества. Словом «эта» стала называться подавляющая часть представителей низших социальных групп; по существу, оно пре-

вернулось в один из официальных терминов, определявших объединения японских париев.

Термин «эта» был не единственным: довольно широкое распространение получило также и слово «хинин» («нечеловек»). В данном случае не может быть двух мнений об эмоциональном содержании этого термина. Слово «хинин» встречается во многих материалах далекого прошлого. Им называли людей, подвергавшихся за какие-либо преступления (главным образом против императора и властей) осуждению и наказанию, а также нищих и бродяг. Следовательно, в отличие от термина «этори» оно всегда имело презрительное содержание.

В течение длительного времени эта и хинин были почти синонимами, четкой разграничительной линии в их употреблении не было. Лишь к XV—XVI вв. эта грань стала более определенной, и термины начали употреблять для обозначения двух групп отверженных, значительно между собой различавшихся по кругу доступных им занятий и в социальном плане [см. 75, 21].

Внедрение в жизнь японского общества унижительных терминов «эта» и «хинин» говорит о том, что наряду с социальной и политической изоляцией огромное значение приобретала и психологическая сегрегация париев. Именно она, как мы считаем, достаточно отчетливо обозначила завершение процесса превращения низших социальных групп в объединения отверженных.

В первую очередь мы стремились определить место и значение буддийских догм в этом процессе. Несомненно, они играли в нем весьма существенную роль. Но ими дело, бесспорно, не ограничивалось. Наряду с представлениями об «осквернении» идейную основу презрения к отверженным составили также и некоторые другие обстоятельства. Отметим лишь одно из них — японские парии были почти полностью лишены возможности заниматься сельскохозяйственным производством и поэтому оказались зависимыми от властей в снабжении их продовольствием. В связи с этим закрепилось суждение о них как о паразитических и неполноценных элементах общества [см. 55, 59], хотя в действительности лишение права на владение землей и на сельскохозяйственный труд было естественным следствием снижения социального статуса сэммин и очевидным показателем его.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ,
СВЯЗАННЫХ С ПРОЦЕССОМ ТРАНСФОРМАЦИИ
ГРУПП ПАРИЕВ

Период истории японского государства со второй половины VII до начала X в. был в известной мере переломным, насыщенным многими значительными преобразованиями социального и политического характера. С одной стороны, реформами Тайка он подводил итоги процессов становления централизованного государства, длившихся несколько сот лет, с другой — явился переходным к новой, измененной структуре японского феодального общества. Именно этими общими объективными обстоятельствами и объясняются основные особенности развития низших социальных групп в данный период.

Как известно, реформы Тайка, в частности, зафиксировали достигнутый уровень социального деления, определив низкий социальный статус так называемых подлых, презираемых групп, практически уже обособленных от остального населения страны.

В результате распада государственной структуры, основанной на системе Тайка, из жизни общества постепенно исчезали низшие социальные группы, регламентированные уложениями Тайхорё (сэммин, дзакко и томобэ). Однако исчезли только определенные объединения, само же историческое явление сегрегации осталось; из бывших сэммин, дзакко и томобэ и даже надельных крестьян формировались новые презираемые социальные группы [см. 39, 355]. Несмотря на некоторые отличия, они были связаны со своими предшественниками многими общими особенностями форм существования, а также — самое главное — своей социальной и политической основой.

В связи с этим своеобразием развития явления дискриминации в Японии возникают некоторые принципиальные вопросы. Прежде всего, сохранялось ли это явление в течение многих сотен лет, особенно в условиях заметных общих перемен, лишь как пережиток далекого прошлого?

При ответе на этот вопрос, весьма актуальный и в наши дни, необходимо учесть следующие обстоятельства¹⁹. Пережитком прошлого, по нашему мнению,

можно назвать лишь такое общественное явление, которое, несмотря на свою несомненную живучесть, даже в новых исторических условиях воспринимается скорее как вызывающий недоумение курьез, обреченный на сравнительно быстрое отмирание, поскольку питательная среда для него постепенно исчезает.

Новые группы отверженных в Японии, появившиеся после распада системы Тайка, просуществовали чрезвычайно долго. Возникнув на базе прошлого, они впоследствии послужили основой для формирования новых объединений сэммин. По нашему мнению, такое явление нельзя считать лишь пережитком прошлых времен.

Вновь возникавшие низшие социальные группы, в частности объединения сандзё-но тами, каварамоно, эта и хинин, были продуктом тех конкретных социально-экономических, политических и идейных (религиозных) условий, в которых они столь долго сохранялись. Следовательно, невозможно объяснить сущность явления дискриминации отверженных лишь установлением первоначальных источников его возникновения. Для этого необходимо также проанализировать и конкретные условия его воспроизводства.

Многовековая история японских париев, по нашему мнению, достаточно убедительно демонстрирует, что на протяжении сотен лет роль различных общественных процессов (которые могут быть определены как условия воспроизводства явления дискриминации отверженных) заметно менялась. Это выражалось в том, что значение некоторых из них постепенно сводилось к нулю и в то же время возникали новые обстоятельства, стимулировавшие дискриминацию отверженных. В разные периоды эволюции общества в Японии отмечалось усиление социально-экономических, национальных, политических, идейных (религиозных), а также других процессов, игравших попеременно важную роль в условиях воспроизводства явления дискриминации париев. Так, нам известно, что первые низшие объединения общества создавались главным образом в результате процессов социально-экономического развития и размежевания. На определенном этапе истории в Японии, вероятно, существовала возможность усиления сегрегации низших социальных групп на основе национальных различий. Однако практически она не была реализована, и по-

этому национальные различия не могут считаться основной дискриминации париев в Японии, хотя и сыграли в ее развитии определенную роль.

В период реформ Тайка процесс отделения низших слоев общества был зафиксирован системой юридических актов, которые, однако, были лишь действиями, сопутствовавшими объективному общественному развитию, а не источниками дискриминации париев.

Впоследствии в развитии явления дискриминации отверженных, несомненно, значительную роль сыграли специфические религиозные (и древние традиционные) представления об «осквернении». Но и они никогда не имели всеобъемлющего и абсолютного характера.

Все это свидетельствует о том, что отмеченные события и действия могли быть лишь сопутствующими дискриминации отверженных обстоятельствами, которые способствовали ее реализации в антагонистическом обществе в самых разнообразных формах. В таком обществе потребность в формировании групп отверженных (как и привилегированных каст) в потенции всегда существует, необходимы лишь минимально подходящие условия, чтобы такая возможность была превращена в действительность.

Само многообразие возможных способов реализации дискриминации отверженных (по национальному, религиозному, профессиональному и другим признакам), порождающих, однако, предрассудки сходного содержания, как мы думаем, неоспоримо свидетельствует о научной несостоятельности определения их в качестве подлинных причин возникновения рассматриваемого нами явления. Этот вывод нам кажется особенно важным потому, что значительная часть населения страны (а иногда даже и некоторые исследователи проблемы) именно эти признаки считает причинами дискриминации отверженных. Практически такие заблуждения порождены длительным существованием разнообразных предрассудков, появившихся в связи с дискриминацией париев.

До настоящего времени механизм действия различных предрассудков в социальной и политической жизни общества изучен, к сожалению, еще крайне недостаточно. В нашу задачу не входит анализ этой сложной и запутанной проблемы, коснемся лишь ее частного

аспекта, необходимого для изучения процесса превращения низших социальных групп Японии в сегрегируемое, дискриминируемое и традиционно презираемое меньшинство.

Появление предрассудков вызывается не только ограниченностью и невежеством людей, многие предрассудки выполняют в обществе вполне определенные социальные и политические функции, постоянно воспроизводя себя в нем. Предрассудки (в том числе и социальные) — это суждения, возникающие не на основе очевидного, а в соответствии с заданной схемой [см. 81, 209]. В антагонистическом обществе они нередко выполняют функцию, связанную с необходимостью объяснить, оправдать и укрепить господствующую в стране социально-экономическую и политическую структуру.

Однако практика показывает, что существование пренебрежительных предрассудков, связанных с какой-то частью населения страны, еще не приводит к ее традиционной и политической изоляции. Так, известно, что на протяжении истории в разных странах в связи с самыми различными обстоятельствами возникали и бесследно исчезали, не оказав заметного воздействия на социальную и политическую жизнь общества, многие отрицательные стереотипы. Например, во многих странах имели место весьма нелестные представления о людях определенных профессий: артистах, торговцах, извозчиках, сапожниках, шахтерах и т. д. Непривлекательными могли быть и стереотипы жителей отдельных областей или поселений. Например, во Франции долгое время жители Оверни считались честными и простодушными людьми в противоположность гасконцам, которых априори воспринимали лгунами и хитрецами. Однако эти довольно прочно укоренившиеся суждения еще не превращали людей в отверженных. Следовательно, сами по себе они не становились причиной дискриминации. Почему же тогда некоторые расовые, национальные, религиозные и профессиональные предрассудки оказались связанными с дискриминацией отверженных и даже воспринимались как причина ее возникновения? Для японской действительности этот вопрос можно задать и так: почему отрицательные представления о жителях некоторых поселений, занимавшихся определен-

ными видами деятельности, с течением времени стали восприниматься как достаточное объяснение презрения к ним и их дискриминации?

Сопоставив два вида стереотипов, можно утверждать, что за предрассудками второго типа (связанными с дискриминацией париев) всегда стоят социальные и политические силы, которые в действительности и порождают явление дискриминации париев и используют его в своих интересах.

Таким образом, рассматривая феномен сегрегации отверженных под данным углом зрения, мы приходим к выводу об особой необходимости отделять в данном случае главное от второстепенного, строго устанавливать причинно-следственную связь в развитии явления дискриминации париев. Действительно, изоляция и дискриминация какой-то части населения страны — следствие не предрассудков, а главным образом процесса растущего социально-экономического неравенства в обществе и политики насилия и господства. Предрассудки же, возникающие в результате этого процесса, являются определенным показателем антагонистических противоречий и складываются на основе уже существующих в стране социальных отношений.

Однако все это, естественно, не дает основания преуменьшать реальную роль предрассудков, определенных стереотипов в процессе выделения из общества групп отверженных. Без выработки и прочного внедрения в повседневную жизнь комплекса предрассудков по отношению к какой-то части населения страны широкая практика дискриминации была бы невозможна. Это тот инструмент, при помощи которого она осуществляется.

Таким образом, в масштабах страны реально действующей общественной силой, способствующей сегрегации и дискриминации какой-то части населения страны, могут стать лишь те предрассудки и идеи, которые выражают интересы господствующих кругов, опирающихся на политическое и военное принуждение. Или, другими словами, именно господствующие социальные круги могут превращать предрассудки в реальное средство обоснования своей политики. Таково, по нашему мнению, соотношение между явлением дискриминации отверженных и связанными с ним предрассудками.

Разбор известных фактов дает возможность убедиться в том, что дискриминация презираемой части населения — это не исключительное и парадоксальное явление, возникающее и существующее изолированно от общенсторического процесса развития страны [см. 80, 57]. В действительности дискриминация париев есть органическая часть этого процесса, в котором наиболее отчетливо концентрируются и выражаются все ее социально-экономические и политические противоречия.

ПОЛОЖЕНИЕ
ЯПОНСКИХ ПАРИЕВ
В XII—XV вв.

О НЕКОТОРЫХ ОБЩИХ ТЕНДЕНЦИЯХ
В ЭВОЛЮЦИИ РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП ПАРИЕВ

На протяжении XII—XV вв. в японском феодальном обществе сформировались новые презируемые социальные группы (сандзё-но тами и каварамоно, *эта* и хинин и др.), которые различались между собой некоторыми особенностями своего положения, районами заселения и т. д.

Четких границ между сандзё-но тами и «простым народом» никогда не было, или, если точнее, на протяжении рассматриваемого периода эти границы в какой-то степени менялись. Различные занятия и разные группы сандзё-но тами считались по-разному «оскверненными»; существовала сложная иерархия их оценок, которую невозможно систематизировать. На протяжении истории некоторые группы сандзё-но тами могли стать «чистыми», войти в состав «простого народа» (как это произошло, например, со строителями, металлургами, каменотесами и т. д.), в связи с чем и их занятия также переставали восприниматься «оскверняющими». Но иногда происходило и наоборот: прежде «чистые» виды работ становились «оскверняющими» (например, производство некоторых видов одежды и обуви). При этом эмоциональные оценки одних и тех же видов деятельности не были повсеместно одинаковыми: там, где поселения сандзё отсутствовали, «оскверняющие» работы выполняли, не теряя своего достоинства, несмотря на догмы буддизма, представители «простого народа».

За неимением источников этапы и формы отчужде-

ния сандзё-но тами от остального общества установить трудно. Более ясна для нас картина сегрегации каварамона.

Как известно, после распада надельной системы многие люди находили себе приют на бесплодных и даже опасных (при наводнениях и оползнях) участках земли, которые не вошли в состав феодальных владений. Чаше всего это было каменистое, нередко затопляемое побережье рек, где почти полностью исключалось занятие земледелием [см. 69, 13]. Зато здесь были подходящие условия для кожевенного производства, которое требует обилия проточной воды. Поэтому именно убой скота и кожевенное производство стали основными видами деятельности жителей кавара.

Поставленные вне рамок социальных и политических объединений своего времени (вне общины и вне сёэна), каварамона сразу же оказались в положении отчужденности. Постепенно эта отчужденность идейно подкреплялась буддийскими догмами «осквернения». Идея «осквернения» сравнительно легко перешла и на многие обычные для жителей кавара занятия: уборку мусора, нищенство, проституцию, артистическую деятельность и т. д.

Но на протяжении XII—XV вв. грань между каварамона и сандзё-но тами постепенно стиралась, и все более четко вырисовывалось их социальное единство. Изменения положения каварамона выразились, во-первых, в том, что по мере общего экономического прогресса страны и роста различных хозяйственных потребностей постепенно расширялась сфера их деятельности, главным образом за счет производительного труда. Во-вторых, поселения каварамона были внедрены в общую административную структуру японского феодального государства, в связи с чем их жители, как и сандзё-но тами, превратились в зависимых от государства и знати людей и стали привлекаться к выполнению разнообразных повинностей.

Занимавшиеся первоначально преимущественно нищенством, жители кавара, стремясь обеспечить себе более надежные источники существования, иногда добивались возможности специализироваться в каких-то новых определенных видах деятельности.

Среди них появились каменщики, маляры, красиль-

щики, дорожные рабочие, специалисты по мелиорации, сооружению прудов, колодцев, выращиванию карликовых деревьев, разбивке парков, строительству ворот в синтоистских храмах и т. д. Эти мастера обычно (временно или постоянно) работали вдали от своих поселений, т. е. там, где возникала какая-либо потребность в их труде.

Социальное сближение каварамоно с сандзё-но тами выразилось не только в установлении схожих форм зависимости и видов профессиональной специализации, но и в общих социально-экономических процессах, происходивших внутри этих групп. В частности, несомненно важным событием в жизни объединений париев стали впервые отмеченные лишь после XIII в. случаи (вначале крайне редкие) освоения представителями сэммин новых участков земли и занятия сельским хозяйством. Эти факты всегда носили необычайный и исключительный характер, что определялось традиционными и юридическими ограничениями, а также тем, что для превращения бесплодных, каменистых и опасных (например, в кавара) участков земли в плодоносящее поле требовались значительные средства, инвентарь, инструменты и тяжкий труд многих людей [см. 53, 103—104]. Такое было под силу лишь немногим сэммин. Но в случае удачи это неизменно повышало социальный статус отдельных париев (или иногда даже жителей целых поселений), в связи с чем некоторым из них удавалось даже занимать какие-то должности в низшем звене местного административного аппарата. Именно таким образом зарождались элементы их самоуправления, получившие дальнейшее развитие в период Токугава.

Единство членов этих групп подчеркивалось введением одинаковых повинностей — они должны были выполнять функции доносчиков, конвоиров, тюремщиков, надзирателей, палачей и т. д. Общим для этих групп отверженных стал также и процесс их определенного внутреннего социального размежевания, особенно заметный в XIV—XV вв., который был связан со всем экономическим и политическим развитием страны в тот период.

Однако, когда мы говорим о некоторых экономических и социальных переменах в среде сэммин, следует иметь в виду, что эти процессы задели лишь незначи-

тельную их часть. Основная масса сэммин оставалась в прежнем положении, а между их отдельными группами сохранялись определенные различия. Так, среди каварамона по-прежнему преобладали странствующие артисты, знахари, гадалышки, чтецы сутр, а также мусорщики, бойцы скота, кожевники и пищие.

О некоторых конкретных особенностях положения японских париев в рассматриваемый период можно судить на примере истории отдельных групп храмовых слуг, в частности *цурумэсо* из храма Гион в Киото.

Многие японские храмы, будучи всесильными феодальными владетелями японских париев, сыграли большую роль в их жизни. В целом значение храмов (например, Гион, Энряку, Тодай, Кофуку¹ и др.) в социальной и политической жизни страны в XII—XIV вв. заметно увеличилось, что определялось, в частности, их неуклонно растущей экономической мощью. Политическое объединение нескольких влиятельных храмов делало их иногда независимыми от центральной власти во многих сферах общественной жизни. Так, наряду с экономической и военной самостоятельностью некоторые храмы становились административно обособленными организациями с правом экстерриториальности для своих подчиненных [см. 46, 65]. И даже их независимая внешнеполитическая активность проявилась в XIII—XV вв. [84, 211—212].

О храмах как о сильных феодальных владениях некоторое представление могут дать, например, такие данные. Храм Тодай дзи (расположенный в районе г. Нара) уже в IX—X вв. имел в своем распоряжении около 10 тыс. тё земли, его годовой доход оценивался в размере около 150 тыс. коку риса², а число зависимых различных категорий превышало 160 тыс. [84, 83].

Знать и представители высшей администрации храмов были заинтересованы в увеличении числа слуг низших категорий, которых, кроме всего прочего, привлекали к обслуживанию религиозных и традиционных обрядов и к изготовлению военного снаряжения. Поэтому знать охотно предоставляла в своих владениях прибежище не только разорившимся крестьянам, ремесленникам, бывшим сэммин, но и беглым преступникам [см. 46, 65—66]. Ряды слуг с низким социальным ста-

тусом пополнялись также за счет каварамоно и сандзё, но тами.

Именно к такой категории и относились слуги храма Гион — цурумэсо («цуру» — «тетива для лука»). Это наименование определяется тем, что среди цурумэсо имелось значительное число специалистов по производству тетивы для луков. Храму Гион, вначале исключительно синтоистскому, удалось установить прочные политические и идейные связи с мощным буддийским храмом Кофуку дзи в г. Нара, что способствовало его усилению, особенно со второй половины XI в. С этого времени храм Гион превратился в сильное в военном и экономическом отношении феодальное владение, в подчинении которого находилось огромное число зависимых разных категорий, в том числе и цурумэсо [см. 46, 66—67].

История презиравшихся слуг храма Гион начинается приблизительно с 1070 г., когда под его контроль перешло несколько близлежащих кавара [6, т. IV, 137]. Их жители в основном были потомками дзакко, подчинявшихся в период надельной системы государственному военному ведомству. В процессе распада системы Тайка, в начале X в., военное ведомство было распущено и подчиненные ему дзакко вместе с их поселениями, расположенными близ Киото, специальным актом императора были переданы в распоряжение храма Гион. Каварамоно — бывшие дзакко — сохранили передававшиеся по наследству знания и опыт в изготовлении оружия, в частности тетивы для луков. Они производили и продавали также луки, стрелы, колчаны, панцири и другие виды военного снаряжения.

Обязанности цурумэсо сводились в основном к поставкам необходимых храму предметов военного назначения. Однако постепенно содержание их деятельности расширялось, поскольку власти храма все чаще стали привлекать их к выполнению новых повинностей. Как уже отмечалось, специфической для цурумэсо была обязанность обслуживать различные храмовые праздники и религиозные ритуалы. Для этого цурумэсо должны были выделять из своей среды людей для уборки территории храма, переноски священного паланкина, охраны дороги, по которой двигалась праздничная процессия, и т. д. Кроме того, за ними закрепили многие виды

тех работ, которые в рассматриваемое время оказались неотъемлемой частью повинностей всех основных групп японских париев: они должны были следить за чистотой и порядком на территории всего Киото, а также производить все работы, необходимые при захоронении трупов [см. 64, 52—53]. Но практически указанные повинности превратились в их монополию, которая давала им известные экономические преимущества. Именно этим, очевидно, и объясняется упорное стремление цурумэсо защищать свое исключительное право на проведение некоторых работ. Так, в храмовых записях за 1371 г. отмечается конфликт между цурумэсо и каварамоно по поводу права захоронения умершего жителя Киото [см. 65, 45—46]. Кроме всего прочего, подобный конфликт может свидетельствовать и о том, что между самими отверженными практически не было в то время единства, несмотря на их очевидную социальную общность. Сами они эту общность часто просто не ощущали, каждая группа стремилась в первую очередь защищать свои интересы, а структурная организация сэммин вполне способствовала сохранению такой разобщенности.

Цурумэсо выполняли и другие повинности, характерные для многих групп сэммин. Так, они должны были по приказу местных чиновников выделять из своей среды людей, которых направляли в Киото для выполнения функций, связанных с наблюдением за общественным спокойствием [см. 50, 85]. Они должны были следить за теми, кто вызывал какие-либо подозрения, доносить о крамольных разговорах и настроениях, конвоировать, охранять и осуществлять наказание преступников и т. д. [см. 64, 52].

Нам трудно судить в достаточной степени о характере производственной деятельности цурумэсо, которая стала органичным и необходимым элементом всей хозяйственной жизни храма. Но социально-профессиональная общность храмовых слуг низшего разряда делает вполне обоснованными определенные аналогии. И поэтому какое-то представление об их деятельности может дать краткий перечень занятий группы презируемых слуг, подчиненных одному из крупнейших храмов провинции Исэ³. Наряду с их обязанностями производить уборку, осуществлять захоронения, обслуживать

праздники и следить за порядком и спокойствием во всем владении храма, они занимались также выпариванием соли, перегонкой и очисткой *сакэ* (японская рисовая водка), производством гончарных и хлопчатобумажных изделий, бумаги, шляп, конской сбруи и т. д. [см. 57, 2—3].

С течением времени в связи с общими процессами развития страны в среде цурумэсо произошли заметные социально-экономические перемены. Все более значительная их часть втягивалась в ремесленное производство и торговлю. Объем этой деятельности отдельных представителей цурумэсо достигал весьма внушительных масштабов, благодаря чему у них на определенном этапе появлялась возможность добиться практического освобождения от унижительного сословного рабства. Известно, что предками некоторых состоятельных и знатных семей Киото были цурумэсо. В отдельных случаях власти храма за какие-либо особые личные заслуги могли перевести презираемого слугу в разряд «благородных», полноправных [см. 46, 69—70].

Положение сэммин изменялось также и в результате различных политических потрясений, в частности в связи с многочисленными междоусобными войнами, в которые нередко втягивались и храмы. Войны иногда происходили и между самими храмами. Например, в разное время военные действия велись между храмами Тодай дзи и Кофуку дзи, Энряку дзи и Гион и т. д. [см. 84, 85]. В период участвовавших в XIV—XV вв. войн часть презираемых слуг храма Гион была мобилизована в охрану военной знати, что дало ей право на обзаведение личным оружием. Кроме того, низших слуг привлекали в различные вспомогательные военные соединения в помощь основным храмовым солдатам. В качестве вспомогательной военной силы они участвовали также и в подавлении крестьянских бунтов [см. 6, т. IV, 14].

Во время войн резко увеличивалась потребность в оружии и разнообразном военном снаряжении, которое производилось и поставлялось, как уже упоминалось, именно этими храмовыми слугами, что также иногда могло способствовать некоторому улучшению их экономического и социального положения.

Однако на протяжении длительного исторического периода положение основной массы храмовых слуг

менялось сравнительно мало. Большинство из них по-прежнему продолжало жить в условиях жестких ограничений, тяжких повинностей и презрения. Власть храма над ними, как и над другими группами зависимых, сохранялась в полном объеме. Знать и высшая администрация храма определяли формы и размеры различных повинностей, фиксировали возможные места поселения сэммин, устанавливали детальные регламентации их труда, быта, отдыха и т. д.

Мы здесь в самых общих чертах рассмотрели некоторые особенности положения и эволюции лишь одной группы сэммин — цурумэсо, находившихся в подчинении храма Гион [см. 46, 65—66]. Но цурумэсо имелись в распоряжении и других храмов, в частности расположенных в различных районах страны многочисленных храмов, посвященных богу войны. Вместе с тем многообразные нужды храма Гион обслуживала не только эта группа сэммин, но и население сандзё и кавара. Презираемые слуги других храмов имели разные названия: например, слуги расположенного к востоку от Киото храма Киёмидзу сака дэра (Храм на холме Киёмидзу) ⁴ презрительно именовались Киёмидзу сака хинин [см. 65, 34—35]. Вполне возможно, что они имели свои особенности происхождения, правового, политического и экономического положения. Однако все группы сэммин, находившиеся в подчинении храмов, светской знати и государственного бюрократического аппарата, в главных особенностях своего положения и своей социальной сущности имели много общего. В одну социальную группу их объединяли такие черты, как крайне низкое общественное положение, презрительное отношение ко всем видам их деятельности, зависимость и полное бесправие. Таким образом, все сказанное выше о цурумэсо может в значительной степени характеризовать и положение всех групп японских париев в XII—XV вв.

ЦЕХОВЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЯПОНСКИХ ПАРИЕВ

В XII—XV вв. заметную роль в жизни японского общества (особенно в сферах ремесленного производства, торговли и культуры) стали играть цеховые профес-

сиональные объединения — дза. Цеховая организация оказала определенное влияние на многие социальные и политические аспекты положения японских париев.

Своеобразие японских цеховых объединений заключается в том, что исторически они были связаны с системой древних социально-профессиональных объединений бэ-но тами, дзакко и томобэ. Именно в недрах низших социальных групп древности закладывались основы некоторых традиций, которые впоследствии нашли отражение в правовых нормах и идеях дза. Однако отмеченную нами общность не следует переоценивать: она нашла свое выражение главным образом в формах этих разных по своему существу исторических образований.

Дза имели свои отличия и от европейских цехов и гильдий. Деятельность дза распространялась не только на ремесло и торговлю, но и на культурную и общественную жизнь страны. Кроме того, со временем некоторые из них стали не только специализированными торговыми и ремесленными объединениями, но и своеобразными союзами, пытавшимися защитить экономические и политические интересы своих членов [см. 6, т. IV, 6].

Первые дза отмечаются в материалах XI в. (в записях за 1018 и 1092 гг.) [см. 6, т. IV, 3—4]. Однако цеховые объединения возникли, очевидно, значительно раньше, поскольку к началу XI в. уже была зафиксирована вполне сложившаяся структура дза, предусматривавшая их деление на несколько разрядов в соответствии с социальной значимостью [6, т. IV, 4].

Широкое распространение цеховая организация получила, пожалуй, лишь в XIII—XIV вв. Дза играли заметную роль в хозяйственной и общественной жизни страны до XVI—XVII вв., когда быстрыми темпами стали укрепляться рыночные связи, наносившие все более ощутимые удары по системе монополий цехов.

Первые дза в большинстве своем были подчинены храмам и должны были обслуживать различные религиозные ритуалы и празднества. Это дает основание предполагать, что в цехи тогда входили и представители низших социальных групп. Но с течением времени социальная и профессиональная сущность дза в целом изменялась. Постепенно они превращались в сложные

профессиональные организации, и в XII в. уже преобладали дза, члены которых занимались главным образом ремесленным производством и торговлей [84, 242].

Вновь создаваемые цеха неизбежно оказывались в прочной зависимости от двора, знати и храмов, во владении которых они получали возможность разворачивать свою деятельность. Эта возможность гарантировалась им особой лицензией, выдаваемой феодалом, заинтересованным в получении дополнительных постоянных источников дохода за счет специальных податей с дза. Во главе дза ставился утвержденный феодальными властями староста, который в пределах подчиненного ему цехового объединения обладал большой властью.

В соответствии с содержанием их деятельности дза можно разделить на ремесленные, торговые и творческие (объединения художников, артистов, декораторов и т. д.). Несколько обособленно стояла группа дворцовых дза.

Крупнейшим центром всех цеховых объединений стал Киото. В XIV—XV вв. в нем находилась почти половина (7 из 15) наиболее мощных торговых дза, монополизировавших продажу шелка, угля, риса, рыбы, соли, железных изделий и т. д. [84, 230—231]. Несмотря на то что между ними иногда возникали конфликты, связанные с защитой монопольных прав, общественная значимость деятельности этих дза неуклонно росла. Отдельные представители цеховой верхушки смогли даже войти в состав муниципальных управлений ряда городов. Но и при этом общая зависимость цехов от феодалов сохранялась, а их практические интересы в большой степени совпадали.

Усиление в XII—XV вв. сегрегации низших социальных групп, превратившихся по существу в объединения отверженных, естественно, не могло означать их отстранения от процесса социально-экономического и политического развития всей страны. Общие закономерности развития неизбежно определяли и особенности положения групп париев. В частности, процесс создания цеховых объединений происходил и в среде сэммин. Малочисленность и разрозненность материалов не позволяют ответить на многие вопросы данного аспекта темы. Например, неизвестно, какая часть всех цеховых объединений приходилась на долю отверженных, каковы наи-

более важные особенности таких дза, какие группы сэммин входили в них и т. д. Мы можем судить только о некоторых сторонах этой проблемы.

Прежде всего известно, что социально-экономический статус цехов сэммин был чрезвычайно низким. Можно было бы предположить, что это явилось результатом «осквернения» дза вполне определенными видами занятий. Однако действительность была гораздо сложнее такого предположения. Ведь практически в цеховые объединения сэммин по преимуществу входили специалисты, профессии которых никак не могут рассматриваться «оскверняющими».

В одном из документов XV в. приводится приблизительный перечень занятий, доступных тогда японским париям. В нем указаны следующие категории профессий сэммин: исполнители традиционного танца льва, проводники обезьян, птицеловы, проститутки, могильщики, профессиональные нищие, специализировавшиеся на каком-либо виде представлений (например, чтецы сутр, рассказов и т. д.), дрессировщики собак, птиц и обезьян, танцоры, акробаты, фокусники, продавцы дров, аниса, *хибати*⁵, лодочники и паромщики. Довольно широким был также и круг их производственной деятельности: убой скота, кожевенное производство, резьба по камню, кузнечное и горное дело, производство изделий из бамбука и соломы, военного снаряжения, гончарных и фарфоровых изделий, строительные и малярные работы, разбивка садов и парков, рытье колодцев, прокладка дорог, ирригационные работы и т. д. [см. 64, 48—49]. Причем каждый из указанных видов работ осуществлялся представителями многих профессий. Так, например, в категорию кожевников входили мастера, занимавшиеся дублением кожи, производством доспехов, *гэта*⁶, колчанов, тетивы, конской сбруи, а среди ремесленников, специализировавшихся на производстве изделий из соломы, имелись мастера по изготовлению корзин, накидок от дождя, *варадзи*⁷ и многого другого.

Список доступных тогда для сэммин занятий можно было бы продолжить. С течением времени этот перечень в какой-то мере менялся. Но и по данному списку можно сделать некоторые вполне определенные выводы. Во-первых, японские парии практически были заняты во многих сферах хозяйственной и культурной деятельно-

сти и играли в них довольно заметную роль. Во-вторых, большое разнообразие видов их деятельности вновь убедительно говорит о несостоятельности суждений о том, что подлинной причиной образования групп отверженных являются якобы лишь буддийские представления об «осквернении».

Упомянутый перечень профессий говорит о том, что основная часть сэммин была чрезвычайно далека от какого-либо «осквернения». И несмотря на это, как мы знаем, все занятия сэммин презирались. Это еще раз подтверждает вывод о том, что не профессия служила причиной образования групп отверженных, а социальное положение париев определяло отношение к их занятиям. То же самое можно сказать и о цеховых объединениях сэммин. Их низкий социальный и политический статус определялся не профессиональной направленностью (весьма разнообразной), а тем положением, которое занимали в японском феодальном обществе члены этих объединений.

Поскольку круг занятий японских париев постепенно расширялся, тень «осквернения» падала на новые виды их деятельности. Но вместе с тем если отдельным профессиональным объединениям сэммин (как это было, например, с цехами горняков, металлистов и т. д.) удавалось каким-либо образом перейти в социальный разряд «народ»⁸, то это с течением времени освобождало их занятия от налета «оскверненности». Важную роль в процессе освобождения, имевшем место в рассматриваемый нами период, играла политическая деятельность цеховых союзов. Но это вовсе не исключало того, что определенные профессии на протяжении веков почти неизменно закреплялись за сэммин.

Как это ни парадоксально, но жесткие и унижительные по форме традиционные и юридические профессиональные ограничения сэммин способствовали созданию новых дза и давали париям определенные преимущества, обеспечивая некоторые экономические выгоды, поскольку практически эти ограничения обернулись для них монополиями на традиционные виды деятельности в отведенных им феодальными властями районах⁹.

Презираемые цеховые объединения создавались группами отверженных. В частности, они возникали в сандзё. В соответствии с тремя основными типами

сандзё дза в них также делились на три вида, несколько различавшихся общим содержанием своей деятельности.

Первый тип, пожалуй наиболее многочисленный, составили цеховые объединения, связанные главным образом с производством ремесленных изделий или с обслуживанием хозяйственных и личных нужд феодалов. Иногда отдельные цеха получали право на выполнение нескольких видов работ, но чаще дза имели лишь одну лицензию. В записях, относящихся к XII в., отмечены цеховые объединения париев, занимавшиеся производством и поставками сакэ, *мисо*¹⁰, масла, а также продаж в указанных им районах дрожжей, закваски и т. д. [см. 6, т. IV, 6—7]. К XV—XVI вв. цеховая система производства и продажи дрожжей и закваски, необходимых для приготовления *мисо*, *сёю*¹¹ и алкогольных напитков, в значительной степени расширилась, были созданы новые дза, в том числе и крестьянские, возглавлявшиеся состоятельными перекупщиками, которые обычно занимались также и ростовщичеством [см. 50, 91].

Кроме перечисленных имелись и другие дза, нередко отличавшиеся известным своеобразием. Так, в храме Гион была разрешена деятельность объединения, обеспечивавшего поставки хлопка, а также цеха, члены которого осуществляли охрану и транспортировку священного паланкина. В документе конца XVI в. сообщается, что в распоряжении этого же храма находилось несколько цеховых объединений, члены которых специализировались в исполнении танца льва. Считаясь слугами богини Аматаэрасу, члены этих дза имели право на свою систему самоуправления. (К сожалению, сущность этой системы в документе не раскрыта [см. 50, 83].)

Однако основными в храме Гион были цеховые объединения, получившие лицензию на торговлю одеждой, рисом, металлическими изделиями, хлопком и солью в Киото и близлежащих к нему районах. Профессиональные объединения сэммин создавались и в других храмах. Например, из числа жителей сандзё, подчиненного храму Тодзи, было организовано дза, члены которого получили исключительное право на разведение карпов.

Во вторую группу могут быть выделены цехо-

вые объединения, которые создавались в поселениях, расположенных на важнейших в то время сухопутных, речных и прибрежных транспортных магистралях страны. Члены этих объединений назывались *макаси* (букв. «сдающий в наем лошадь») или *курумакаси* (букв. «сдающий в наем повозку»). Их обязанностью и привилегией были охрана и доставка к месту назначения различных грузов и пассажиров. Они обслуживали переправы, перевалочные и промежуточные транспортные пункты, базы отдыха путников, а также следили за нормальным состоянием дорог. В дза этого типа входили извозчики, паромщики, лодочники, дорожные рабочие, слуги на узловых станциях и т. д.

В транспортной системе страны эти цеха являлись вспомогательной организацией, поскольку основные перевозки производили обычно крестьяне, для которых обязанность доставлять в пункты назначения в счет податей продукты своего труда была крайне тяжелой повинностью. Примечательно, что эта обязанность изредка создавала реальные возможности тесного общения крестьян и сэммин, стимулируя их совместные акты сопротивления властям, инициаторами которых иногда становились макаси и курумакаси [см. 44, 39—40].

Третий тип, самый малочисленный, объединял жителей поселений сэммин, для которых дополнительными обязанностями были рыболовство и охота. Продукты своего промысла они поставляли в счет податей и продавали в отведенных властями районах [см. 6, т. IV, 8].

Цеховые объединения создавались и жителями кавара. Этот факт может косвенно свидетельствовать о том, что каварамоно также постепенно попадали под полное господство феодальной знати и храмов и прежние различия в положении жителей поселений в кавара и сандзё постепенно уменьшались.

Основными видами производственной деятельности цехов каварамоно было кожевенное производство, а также крашение, в первую очередь кожаных изделий. Наряду с этим создавались также цеховые объединения, торговавшие дубленой кожей, мясом, крашеными изделиями, декоративными рыбами и т. д. [см. 68, 216—219]. Имелись объединения каварамоно, которые обслуживали транспортную систему страны [см. 68, 215].

Несмотря на определенные различия, цеховые объединения сэммин характеризовались и некоторыми общими чертами. Созданные в феодальных владениях и находившиеся под строгим контролем властей, они при помощи принципа круговой поруки использовались в качестве инструмента надзора и подавления сэммин — членов дза. Однако с течением времени постепенно выявились те стороны деятельности дза сэммин, которые, очевидно, не были предусмотрены и угодны феодальной администрации: усилилось их стремление к самоуправлению и независимости [см. 50, 78]. Этот процесс был отражением отмеченной ранее тенденции к некоторой административной самостоятельности крестьян в условиях сёэнов. Вместе с тем сами феодальные правители иногда шли на значительное расширение прав тех дза, в услугах которых они особенно нуждались. Так, например, некоторым объединениям кожевников (чаще в период войн) предоставлялось право на владение и обработку небольших (не более 2—3 танов на семью) участков земли. Особые привилегии были обеспечены членам созданного в 1118 г. объединения кузнецов, подчиненного храму Тодай дзи [40, т. II, 32]. Такие акты приводили к заметному повышению социального статуса некоторых профессиональных объединений сэммин.

Сэммин, входившие в дза, так же как и представители других слоев населения, состоявшие в цехах, ревниво охраняли свои монопольные права. В источниках содержится, например, описание конфликта между неким дза и не входившими в состав данного цехового объединения каварамоно. Последние были обвинены в тайном крашении различных изделий, что явилось нарушением узаконенной специальной лицензией монополии конфликтовавшего цеха [см. 68, 217].

Сохранился также рассказ о конфликте между каварамоно двух поселений по поводу районов, где они имели право на захоронение и обработку павшего скота. Интересно, что этот конфликт рассматривался в своеобразной административной организации париев — в уездном совете кожевников [см. 50, 84—85].

Права на определенные виды деятельности (например, на обработку павшего скота, продажу кожаных изделий, ремонт обуви и т. д.) и контроль над профессиональными объединениями сэммин могли перепрода-

ваться через специальные учреждения феодальной администрации [см. 50, 84].

Однако степень независимости дза все же не следует преувеличивать. В принципе они оставались организациями, целиком подвластными феодальной администрации, которая могла заставить членов этих цехов выполнять и различные дополнительные повинности. Так, все категории сэммин использовались властями, например, в качестве шпиков, доносчиков, конвоиров, тюремных надзирателей, палачей и т. д. Их привлекали также для осуществления карательных функций и обороны владения своего господина. В частности, в одном из источников сообщается, что в 1361 г. жителям сандзё, принадлежавшего храму Тодзи в Киото, было приказано разрушить жилища злостных неплательщиков налогов. А в 1465 г. цурумэсо храма Гион получили приказ подавить вспыхнувшее в его окрестностях восстание крестьян и горожан против властей [50, 86].

Укоренившаяся традиция использования феодальными властями сэммин в качестве одного из инструментов насилия и подавления народного движения не могла не углубить пропасть между ними и комин. Вместе с отчуждением, вызываемым низким социальным положением сэммин и идеей их «осквернения», в народе распространялось также чувство вражды и страха перед париями. Это затрудняло возможность классового единства угнетенных, хотя полностью и не исключало его, и способствовало также формированию особого эмоционального отношения к цеховым объединениям париев.

К XVI в. роль дза сэммин, как и всей системы цехов, в организации производства и жизни японского общества в целом стала постепенно уменьшаться, что было связано со значительными социально-экономическими и политическими переменами, происходившими в Японии в XV—XVI вв. [см. 50, 78].

В заключение следует сделать одно общее замечание, поскольку может возникнуть неправильное представление о положении ремесленников и торговцев в средневековой Японии. Хотя в феодальной Японии отношение к ремеслу и торговле (и к ремесленникам и торговцам) было по преимуществу отрицательным, однако в конкретных оценках их многообразных видов занятий всегда сохранялись различия, нередко довольно

значительные. Неодинаковым было также и социальное место отдельных групп ремесленников и купцов в обществе.

Прежде всего значительная часть ремесленников и торговцев входила в сословное объединение «простой народ», а не в состав сэммин. Более того, в рамках «простого народа» некоторые их группы находились в сравнительно привилегированном положении. Например, подчинявшиеся непосредственно императорскому двору объединения ремесленников (ткачей, ювелиров, швейников, оружейников и т. д.) и торговцев обладали особыми производственными и социальными преимуществами. В таком же привилегированном положении находились и *кугонин* (крестьяне — поставщики двора, проживавшие в близлежащих к столице районах Оми¹²). Цеховые объединения *кугонин* состояли из высшей прослойки крестьян и находились под особым покровительством двора. Их основной обязанностью было обеспечивать двор необходимым количеством овощей, фруктов, продуктов моря, угля и т. д. Они обладали привилегией первоочередной транспортировки и хранения товаров и правом свободной продажи излишков своей продукции. Постепенно у *кугонин* установились прочные деловые связи с киотскими лавочниками, с помощью которых они и сбывали свою продукцию [см. 40, т. II, 103], остававшуюся у них после поставок двору.

Определенная часть ремесленников и торговцев входила в состав сэммин и была отделена от остального народа жесткими сословными перегородками, что наносило дополнительный ущерб ремесленной и торговой деятельности и, несомненно, общему развитию страны. Несмотря на это, японские парии играли значительную роль в развитии производительных сил и торговых связей страны: они практически участвовали в создании и развитии многих чрезвычайно важных отраслей производства, организации новых сфер торговли. Поэтому их позитивная роль в прогрессе японского общества в средние века бесспорна.

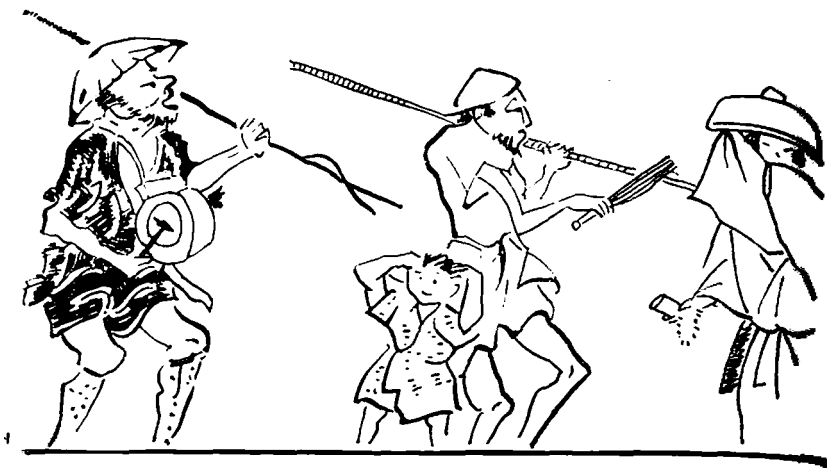
УЧАСТИЕ ОТВЕРЖЕННЫХ В РАЗВИТИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В японской литературе, посвященной проблеме сэммин, обычно довольно много внимания уделяется роли низших социальных групп в развитии национальной культуры [см. 42; 65]. Под этим углом зрения были исследованы многие источники, велись настойчивые поиски с целью выявления роли отверженных в развитии театра, живописи, прикладного искусства и т. д., предпринимались попытки установления родословной разных деятелей культуры с тем, чтобы определить, являются ли они выходцами из сэммин.

Подобная работа, несомненно, необходима и научно вполне оправданна, поскольку она может способствовать раскрытию дополнительных деталей картины социальной жизни Японии в разные эпохи, а также и развенчанию многих старых предрассудков и оскорбительных для париев традиций.

В результате широких целенаправленных исследований выяснилось, что низшие социальные группы Японии сыграли заметную роль и в развитии национальной культуры. Это, в частности, объясняется тем, что данная сфера деятельности в условиях феодальной Японии оказалась в определенной степени «низкой» и «недостойной». Поэтому она и была сравнительно доступной для представителей сэммин. При этом следует иметь в виду, что театр, танцы, садово-парковое искусство и т. д., естественно, никогда не были монополией сэммин. Преобладающая часть артистов, художников, декораторов и поэтов входила в состав комин, занимая нередко довольно высокое социальное положение. Особенно это касается тех из них, кто обслуживал двор и феодальную знать и выражал идейные и эстетические принципы аристократии.

Творческая деятельность отверженных развивалась в основном в рамках простонародного искусства и была направлена на удовлетворение потребностей низших социальных слоев крестьянства и горожан. В ней была занята лишь часть японских париев, главным образом каварамоно. Об этом говорит и тот факт, что само слово «каварамоно» довольно длительное время ассоциировалось в народе со словом «артист».

Бродячие артисты

Как известно, в начальный период существования кавара значительную часть их жителей составляли нищие, почти полностью лишенные возможности заниматься производительным трудом. В таких условиях нищенство не могло не стать для них наследственной профессией, в рамках которой они вынуждены были проявлять особую изобретательность и прибегать ко всяческим ухищрениям. Для того чтобы как-то отработать требуемую ими от населения помощь, свои просьбы о подаении они все чаще сопровождали какими-либо представлениями. Нередко для этих выступлений они использовали различные ставшие уже традиционными жанры и темы. Артистические навыки и знания обычно передавались по наследству. Со временем многие каварамоно специализировались на определенном виде представлений. Они создавали также и новые жанры, вырабатывали новые формы исполнения. Все это, естественно, способствовало более сильному эмоциональному и идейному воздействию на зрителей и слушателей, в связи с чем общественная значимость данного типа деятельности каварамоно неуклонно повышалась.

Параллельно происходил и процесс организации творческой деятельности каварамоно, что накладывало существенный отпечаток на разные стороны их жизни.

Нищие артисты, бродившие по стране и выступавшие в основном на различных народных праздниках и увеселениях, объединялись в труппы, формировавшиеся по признаку жанра. Возникали объединения драматических артистов, танцоров, цирковых исполнителей, кукловодов, дрессировщиков и т. д. Многие из этих трупп превращались в дза и получали от феодальных властей (чаще всего от храмов) исключительное право на определенный вид публичных выступлений в пределах отведенных им районов. За это они должны были отдавать феодальным властям зафиксированную часть своего дохода.

Следовательно, некоторые первые объединения артистов комплектовались из числа профессиональных нищих. Отдельные жанры простонародного сценического искусства формировались в условиях крайней нужды, унижения и презрения, характерных для положения их создателей — представителей групп отверженных. Это обстоятельство, очевидно, также способствовало широкому распространению презрительного отношения к артистической деятельности в Японии. Длительное время артистов-сэммин считали людьми второго сорта и ставили вне рамок «добропорядочного» общества, а различные оскорбительные предрассудки усиливали их сегрегацию. Большинство населения страны эти артисты, а также проститутки и нищие психологически воспринимались однородной социальной группой.

Однако социально-экономическое положение артистов, художников и декораторов с течением времени не оставалось неизменным. Оно менялось в связи с организацией каварамоно в цеховые объединения и несомненным повышением их роли в культурной и общественной жизни страны. Более стабильным становилось их экономическое положение. Этот процесс нашел свое логическое завершение в том, что в период Токугава значительная часть артистов-каварамоно была переведена в разряд «простого народа». Но вместе с тем в положении отдельных творческих объединений в разных районах страны в течение длительного времени сохранялись весьма существенные различия.

Первые объединения артистов, стоявших крайне низко на социальной лестнице феодальной Японии, известны давно. Еще в VIII—IX вв. отмечались выступления

храмовых артистов, которые по своему социальному положению были близки рабам. Они участвовали в проведении многих религиозных ритуалов и праздников. В записях, относящихся к концу XI в. (1096 г.), уже имеются сведения о цеховых объединениях артистов и художников [см. 6, т. IV, 5]. Однако первые творческие дза возникли, несомненно, несколько раньше.

Цеховые объединения специализировались в различных типах японских народных представлений. Постоянно совершенствуя свое искусство, артисты бережно сохраняли национальные традиции. Заметную роль в этом играли также и дза каварамоно.

В рассматриваемое нами время в Японии получила определенную известность группа каварамоно, члены которой назывались *сёмондзи*. Они находились в распоряжении храмов, главным образом Кофуку дзи [см. 40, 191]. Это была часть презираемых в обществе слуг, выполнявших традиционные для сэммин повинности: уборку территории храма, захоронение трупов, функции низших полицейских исполнителей и т. д. Однако для положения этой группы была характерна одна дополнительная обязанность — ее члены привлекались к участию в различных храмовых представлениях: специализировались в театрализованном гадании, которое сопровождалось чтением сутр, исполнением своеобразных танцев и песен. При этом творческая профессиональная обособленность *сёмондзи* от остальных сэммин не была как-то специально зафиксирована, артистическая деятельность для них была вспомогательной и носила временный характер. Психологически *сёмондзи* не отделяли от других отверженных, и в документах их презрительно называли «хишин» [см. 65, 50—51]. Объединения *сёмондзи* существовали до XVII в.

Среди сэммин получил известное распространение и другой тип публичных выступлений — *сэндзу мандзай*¹³. Они заключались в том, что в первые дни нового года некоторые жители поселений сэммин, разбившись на небольшие группы, чаще всего из двух-трех человек, обходили ставшие традиционно «своими» районы и у ворот домов разыгрывали разнообразные сценки с песнями и танцами и желали хозяевам долголетия и счастья. Значительная часть исполнителей *сэндзу мандзай* проживала в окрестностях Киото. Их выступления

всегда приносили членам объединения под новый год дополнительный доход, правда небольшой.

Имелись и некоторые другие виды подобного типа выступлений, например группы *канэтатаки* (букв. «тот, кто бьет в бубен»). Они специализировались на речитативном чтении строго определенных буддийских сутр под ритмичный аккомпанемент.

В XIV—XV вв. довольно широкое распространение получил еще один тип публичных выступлений, в котором также специализировались некоторые представители низших социальных групп. Его исполнители назывались *бива хоси*¹⁴. В поисках заработка они бродили по стране и давали представления перед различной аудиторией. Отмечается, в частности, что их артистическая деятельность привлекала к себе внимание не только «простого народа», но и представителей знати [см. 40, 181]. Аккомпанируя себе на *бива*, они нараспев излагали своим слушателям содержание какого-либо, иногда весьма значительного по объему произведения, например «Хэйкэ моногатари» («Сказание о доме Тайра») ¹⁵, «Хэйдзи моногатари» («Сказание о годах Хэйдзи») ¹⁶, «Хогэн моногатари» («Сказание о годах Хогэн») ¹⁷ и т. д. В XV в. только в Киото проживало около 5—6 тыс. бива хоси, что несомненно свидетельствует о большой популярности их выступлений.

По характеру своих выступлений чрезвычайно близкой бива хоси была группа *моногатарисо* (рассказчики). Они выступали без аккомпанеента, читая нараспев тексты различных исторических сочинений (в частности, «Тайхэйки» — «Повесть о великом мире» ¹⁸).

Существовали также объединения кукловодов (*кугуцу*), специализировавшихся в изготовлении кукол традиционного типа. Первые труппы бродячих артистов-кукловодов были зафиксированы в материалах IX в. Для кугуцу, как и для членов многих других творческих объединений, занятие искусством не всегда было единственным. Так, например, для кукловодов из Исэ, Сэтцу и некоторых других областей основными источниками дохода в течение длительного времени были охота, рыбная ловля и т. д. [см. 57, 2].

Мы перечислили лишь некоторые типы публичных выступлений сэммин. Добавим только, что среди отверженных имелись также объединения, члены которых

были акробатами, дрессировщиками, жонглерами, канатоходцами, фокусниками, музыкантами и т. д. Артисты всех этих жанров выступали на деревенских и городских праздниках, изредка их приглашали представители знати, но чаще всего они давали свои представления перед многочисленными паломниками в различных храмах.

Среди японских исследователей проблемы дискриминации отверженных нет каких-либо разногласий относительно самого факта участия разных групп сэммин в сохранении многих старых, традиционных жанров национального искусства, а также в формировании новых типов сценических представлений периода позднего средневековья. Правда, споры о размерах культурного вклада отверженных еще продолжаются. В этой связи мы хотели бы обратить внимание на некоторые аспекты истории японского искусства.

Отдельные древние цеховые объединения артистов специализировались на представлениях *дэнгаку*. Основной *дэнгаку* послужили сельские ритуальные праздники, связанные с молениями о хорошем урожае, которые устраивались в далеком прошлом в период посадки риса. Постепенно этот ритуал превратился в традиционное представление, состоявшее из характерных танцев и песен под аккомпанемент *фуэ*¹⁹ и барабана. Первые сценические представления артистов *дэнгаку* отмечались еще в IX в. Позднее возникли цеховые объединения артистов этого жанра, самыми известными из которых были *дза* из Киото и Нара. В XIV в. представления артистов *дэнгаку* стали чрезвычайно популярными в стране. В частности, отмечаются их выступления в храме Гион в 1355 г. [28, 275]. Но в XV в. на смену *дэнгаку* пришел другой тип сценических представлений — *саругаку*. Однако *дэнгаку* бесследно не исчезло: общий стиль и формы исполнения *дэнгаку* оказали значительное влияние на развитие многих других типов народных представлений. Не рассматривая детально историю *дэнгаку*, исследователи проблемы японских отверженных обычно отмечают участие сэммин в указанном процессе становления национального театрального искусства [см. 65, 51—53].

В XII—XV вв. исполнение *саругаку* получило определенное распространение и среди сэммин. *Саругаку* в

начале своего формирования сводилось в основном к комическому и сатирическому пародированию. В XIII в. эти представления стали сопровождаться соответствовавшими их содержанию песнями и танцами. Однако постепенно главным компонентом саругаку стал остро сюжетный рассказ, чаще всего комического характера. Именно в таком виде саругаку вытеснило в XV в. по своей популярности дэнгаку. Выступления артистов саругаку в основном происходили на разнообразных храмовых праздниках, но иногда и перед представителями знати.

Некоторые источники отмечают, что уже в XII в. в представлениях саругаку участвовали и жители сандзё и кавара [см. 65, 51—52]. В XIII—XIV вв. появились цеховые объединения артистов саругаку. Некоторые из них находились в подчинении храмов и состояли из слуг низкого социального статуса. В частности, большой известностью пользовались выступления артистов — слуг храма Тэнно дзи²⁰ в Осака. Они привлекали к себе внимание даже придворной знати. Но особенно широкое распространение дза саругаку отмечалось в XV в., когда их выступления стали не только популярными, но, в известной мере, и модными.

Японские авторы, изучающие проблемы отверженных, склонны полагать, что жанры, приемы и навыки, которые получили распространение в среде артистов-сэммин, оказали значительное воздействие на формирование классического национального сценического искусства, на становление театров *но* и *дзёрури* [см. 46, 75—76]. Известно, что для этих форм японского сценического искусства характерны такие черты, как утонченность и изысканность. Это были театры средних и высших слоев общества, что, однако, вовсе не исключает возможности воздействия на них со стороны низших звеньев системы японского простонародного театра.

Театр но окончательно сформировался в XIV—XV вв. и до настоящего времени изменился сравнительно мало. Но — драматическое представление, строгое по содержанию и манере исполнения; существенными элементами сго были песни и танцы. Оно синтезировало в себе различные направления японской культуры; в процессе формирования на него оказали большое влия-

ние канонизированные образцы дворянского искусства, а также традиции разнообразных народных представлений. В частности, в XIII в., в период становления этого театра, в нем преобладали элементы саругаку. Первое цеховое объединение театра не возникло в XIV в. в пределах буддийского храма Кофуку (г. Нара).

На основе развития и совершенствования разного типа представлений (в том числе и многочисленных выступлений сэммин) сложилось еще одно классическое направление японского театра — *кёгэн*. Вначале это были в основном интермедии, которые показывались в перерыве между двумя частями представления но. С течением времени они стали самостоятельными представлениями преимущественно комического или сатирического плана.

Если театр но заимствовал из саругаку главным образом элементы пения и танцев, то кёгэн вобрал в себя образцы диалога, шуток, забавных сравнений и т. д. Театр кёгэн использовал также традиционные комические элементы и из других видов представлений — дэнгаку, *кусэмаи*²¹ и т. д. Сюжеты для кёгэн обычно брались из повседневной жизни простого народа. Он возник и существовал как необходимая антитеза строгому по стилю театру но.

На основе многообразных видов народного театра сформировался еще один классический тип японского сценического искусства — *дзёрури*. Он представлял собой устное повествование (чаще всего исторического содержания), сопровождавшееся кукольным представлением и игрой на *сямисэне*²². Этот театральный жанр зародился еще в XIII в., широкое распространение получил в XVI—XVII вв. Влияние творчества сэммин на создание театра дзёрури было весьма опосредованным, впрочем, как и на другие направления сценического искусства. Это влияние выразилось лишь в том, что японские парии участвовали в выработке традиционных форм тех типов представлений (кукольные спектакли, игра на музыкальных инструментах, танцы и т. д.), которые впоследствии вошли составными элементами в театр дзёрури.

Следовательно, основным способ, которым устанавливается воздействие творчества сэммин на главные направления японского классического театрального искус-

ства, сводится к сопоставлению сходных элементов но, кёгэн и дзёрури и разнообразных простонародных публичных выступлений презираемых артистов²³.

В самой разнообразной литературе, посвященной проблемам японских париев, обычно делаются попытки подчеркнуть значимость роли представителей низших социальных групп в развитии национальной культуры, много внимания уделяется выведению родословной (часто лишь на основе предположений) того или иного деятеля искусства из сэммин²⁴ [см. 42, 65].

Некоторые авторы полагают, что прославленный создатель нескольких выдающихся искусственных парков страны (в том числе и парка храма Гинкаку) Дзэнъами (1393—?) происходил из семьи бедняка-каварамону. Известно, что его дети и внук также участвовали в создании многих творений паркового искусства, сохранившихся до настоящего времени [см. 42, 22]. Нередко высказывается суждение, что предки талантливых артистов и драматургов — Капъами (1333—1384) и его сына Дзэами (1363—1443), которых считают основоположниками театра но, — также были представителями сэммин. Подобные предположения были высказаны и относительно таких художников и поэтов, как Ноами (1397—1471), его сын Гэйами (1432—1485) и внук Соами (?—1525) и т. д. [65, 54]. В специальной литературе довольно часто отмечается, по нашему мнению без достаточных на то оснований, что автор «Тайхэйки» Кодзима также происходил из низших, презираемых слоев общества [см. 54, 31—32]²⁵.

Приводимые в японской литературе сведения о некоторых деятелях национальной культуры и их творениях следует оценивать под особым углом зрения, а именно: отмеченные выше отдельные факты вряд ли могут свидетельствовать о диапазоне реальных возможностей сэммин в развитии искусства в то время. Жесткие сословные рамки ограничивали творческие и экономические потенции отверженных. В лучшем случае упомянутые деятели культуры, возможно, и происходили из самых низших слоев общества, но в пору расцвета своего творчества они уже обычно не были париями. Следовательно, если они даже и происходили из сэммин, то это может лишь свидетельствовать о некоторых возможностях социальной мобильности в рассматриваемый период.

Но это уже другая сторона проблемы. Поэтому и в данном случае связь с сэммин могла выражаться скорее в опосредованном влиянии париев на творческое формирование этих мастеров, предполагаемых выходцев из социальных низов. Более бесспорным является факт участия значительного числа каварамоно в осуществлении ряда проектов этих выдающихся мастеров. Например, в создании парка храма Гинкаку дзи²⁶ [см. 46, 79].

Отмеченные нами факты подтверждают определенную парадоксальность положения японских париев, которая выражалась в том, что феодальная система социальных идей и юридических норм ставила группы сэммин вне рамок «обычного» общества, вне рамок «простого народа», а их занятия определяла не только «грязными» и малозначительными, но даже вредными. Однако практически сэммин оказались занятыми в тех сферах деятельности, которые были не просто полезными, но и обладали большими возможностями дальнейшего развития, а также идейно и эмоционально воздействовали на общественную жизнь всей страны.

Итак, сэммин создали некоторые типы и жанры профессионального театрального и прикладного искусства, которые стали одной из основ развития японского классического искусства разных сословий (привилегированных феодальных слоев, горожан и др.). Нам пока еще трудно судить об объеме участия сэммин в развитии национальной культуры. Но сам факт их участия в этом важнейшем историческом процессе убедительно говорит о подлинной положительной роли японских париев в общем прогрессе страны.

СОПРОТИВЛЕНИЕ ПАРИЕВ ГНЕТУ И ДИСКРИМИНАЦИИ

На протяжении длительного, многовекового периода истории формы, содержание и масштабы движения сэммин претерпевали значительные изменения. И это, естественно, не могло быть иначе, поскольку происходила постоянная социально-экономическая и политическая эволюция самих групп сэммин.

В начале рассматриваемого периода в Японии происходило формирование новых низших социальных

групп из жителей сандзё и кавара. Постепенно эти группы трансформировались в объединения отверженных, и существовавшие между ними некоторые профессиональные, политические и социальные различия несколько уменьшились. Этот процесс сближения выразился, например, в том, что специфическое название представителей одной группы отверженных — «каварамону» — постепенно стало более емким и все чаще распространялось также на жителей сандзё. При этом изменилась и его смысловая нагрузка. Если раньше оно означало жителей определенных поселений, то в дальнейшем превратилось в оскорбительную кличку отверженных (типа «голь»), выражавшую ставшее обычным презрительное отношение к ним, и приобрело новую эмоциональную окраску — «неполноценный человек, способный лишь на грязную работу».

На протяжении XI—XV вв. происходило значительное расширение хозяйственной и культурной деятельности отверженных. В определенной степени оно, несомненно, стимулировалось тем, что в это время еще не сложилась официальная четко зафиксированная всеохватывающая система сословных регламентаций всех сторон жизни и деятельности отверженных. Например, известно, что в отличие от далекого прошлого, когда для дзакко и томобэ существовали строгие ограничения в одежде, в XI в. подобные правила для представителей новых низших социальных групп уже не были обязательными [см. 55, 105].

Постоянное ослабление строгих официальных регламентаций для низших сословий вызывало недовольство знати, поскольку, как считали представители привилегированных сословий, богатевшие парии забывали о необходимости самоограничения и обязательной приниженности. В одной из записей, сделанной в XV в., с тревогой и гневом рассказывается об участившихся случаях независимого поведения представителей социальных низов: «Торговцы вволю едят вкусную пищу, а *асигару*²⁷ и каварамону наряжаются в красивую парчовую одежду с узорами... таким образом светские и буддийские законы гибнут, исчезает порядок» [44, 40].

Весьма многозначительная жалоба. Она свидетельствует о том, что старые традиционные ограничения перестали быть сдерживающим началом. Здесь четко вы-

ражено также и опасение, что в конце концов могут рухнуть сословные перегородки, которые являлись главными устоями общества. Совершенно очевидно, что знать была крайне заинтересована в поисках новых средств укрепления этих перегородок. Такие опасения знати были вполне обоснованными. Деградация и распад в XIV—XV вв. всей общественной структуры, основанной на системе сёэнов, привели к известному ослаблению зависимости сэммин от старой, феодальной знати и храмов и к увеличению их самостоятельности.

Однако это говорит не об общем повышении социального статуса и экономического положения сэммин, а скорее о процессе социально-экономического расслоения низшего сословия. Новыми, относительно благоприятными внешними условиями ослабления зависимости от владельцев сёэнов сумела воспользоваться лишь незначительная часть париев. Но в связи с этим диапазон конкретных условий жизни сэммин оказался чрезвычайно широким — от нищего или прокаженного, кормившегося скудными подаяниями, до мастера, поэта или художника, находившегося в постоянном услужении у благосклонно относившегося к нему сёгуна [см. 44, 42].

Естественно, что подобные перемены не могли не влиять на мотивы участия сэммин в отпоре насилию и дискриминации. В начальный период формирования новых групп сэммин не были зафиксированы крупные выступления париев. Но после относительной стабилизации новой системы участились случаи проявления недовольства со стороны отверженных, что, однако, обычно носило случайный и стихийный характер. Во второй половине XIV—XV вв. выступления сэммин стали более частыми, решительными и иногда даже организованными. Но в них не было и, очевидно, не могло быть настоящего сословного единства. Различные группы сэммин никогда не чувствовали себя единым целым, а процесс социального расслоения лишь увеличивал их внутреннюю разобщенность. Поэтому властям нередко удавалось противопоставлять их друг другу.

Основная масса сэммин находилась в крайне тяжелом положении, страдая не только от материальных невзгод и поборов, но и от унижительного исключения из состава «народа», из «обычного» общества. Кроме того, усиление движения сэммин в конце периода опре-

делалось также и некоторыми другими весьма существенными обстоятельствами, характерными для Японии XV — первой половины XVI в., а именно: заметным ослаблением старой, феодальной структуры, повсеместным усилением роли местного самоуправления и относительной общей политической неустойчивостью, вызванной разгоравшейся междоусобной войной и произволом феодалов.

Только в конце XVI в. положение резко изменилось и возможности организованного сопротивления властям были сведены к минимуму строгой системой разнообразных мер, проводимых новой администрацией.

Отметим некоторые случаи сопротивления властям, оказанного сэммин. Находившиеся в распоряжении буддийского храма Тодзи (в Киото) жители одного из сандзё в 1327 г. неоднократно отказывались выполнять распоряжения властей [6, т. III, 12—13]. В 1352 г. презируемые слуги храма Гион также отказались выполнять вновь введенные дополнительные повинности, ссылаясь на резкое ухудшение условий жизни [65, 56]. В следующем, 1353 году в Киото произошли волнения, вызванные убийством одного из храмовых слуг. Цурумэсо обратились к властям с петицией, в которой просили разыскать и наказать преступника и разрешить им достойно похоронить убитого. Далее в послании говорилось, что в случае игнорирования данного обращения цурумэсо прекратят убирать территорию храма и города, нести регулярную охранную службу и обслуживать храмовые праздники [44, 39].

Таким образом, выясняется, что розыск преступника и право достойных похорон вовсе не были обязательными и не определялись ни традициями, ни юридическими нормами того времени. Более того, низшим храмовым слугам необходимо было добиваться розыска убийцы и достойных похорон с риском самим подвергнуться осуждению и наказанию. Этот факт весьма убедительно демонстрирует подлинное положение слуг храма Гион в рамках японского феодального общества. Петиция цурумэсо дает также наглядное представление о достигнутом уровне развития движения сэммин на данном этапе. Она явилась результатом коллективной и организованной реакции цурумэсо, выступивших с угрозой проведения своеобразной забастовки.

В XV в. движение сэммин получило дальнейшее развитие. Число их выступлений заметно выросло, они стали более разнообразными по форме, более боевыми по методам и более широкими по охвату. Нередко сэммин стали присоединяться к выступлениям остальных трудящихся слоев населения. Так, японские парии участвовали в *доикки* — деревенских и городских бунтах, нередко сопровождавшихся насилием над представителями власти, уничтожением складов, домов чиновников и ростовщиков и т. д. Такие выступления внушали властям наибольшие опасения угрозой возможности прочного единства трудящихся разных сословий.

В начале XV в. произошло крупное восстание в районе Оцу. Несколько тысяч голодающих макаси направили властям петицию с требованием дополнительной выдачи риса. Настроенная весьма решительно, толпа восставших направилась в Киото, где укрепились в храме Гион. При передаче петиции местным чиновникам представители макаси пригрозили сжечь храм, если их требования будут оставлены без внимания. Это выступление власти сочли особенно опасным и решили подавить его силой. К храму были двинуты военные отряды, в составе которых имелись и мобилизованные цурумэсо, выполнявшие полицейскую повинность. Однако до вооруженного столкновения между двумя группами париев дело не дошло. Можно предположить, что между восставшими макаси и цурумэсо-карателями были проведены тайные переговоры и достигнуто определенное согласие и взаимопонимание [см. 65, 56—57]. Следовательно, несмотря на проводимую властями политику раскола, в XV в. сэммин иногда уже сознавали свое социальное единство и общность интересов, чем и определялась возможность их совместных действий.

В 1404 и 1428 гг. в уезде Такасима²⁸ в Оми (пров. Синано) произошли восстания, имевшие довольно большой общественный резонанс. В них участвовали главным образом крестьяне, земли которых попали в руки ростовщиков. К ним присоединились и группы париев. Эти выступления были характерны большим числом участников, действовавших с необычайным ожесточением и решительностью. Так, во время восстания в августе 1428 г. были разгромлены многие дома ростовщиков, винные лавки и некоторые здания, принадлежавшие хра-

мам. Предводители восстания заявили о полном отказе от всяких выплат по задолженности. Источники отмечают, что отверженные (в основном макаси) имелись не только среди рядовых участников, но и в числе руководителей и инициаторов бунтов [46, 82—83].

В 1441 г. в Оми была отмечена новая вспышка открытого недовольства, выразившегося в стихийном восстании. Его участники сосредоточились в Киото и совершили ряд нападений на складские помещения, различные официальные учреждения, дома ростовщиков и т. д. [46, 83—84].

В 1460 г. сёмондзи из г. Нара заявили о своем отказе выполнять возложенные на них повинности. В 1461 г. был отмечен новый акт неповиновения отверженных, выступивших против тяжкой для них транспортной повинности. Однако эти отдельные попытки добиться улучшения своей участи были жестоко подавлены: многие участники событий (в первую очередь инициаторы) были арестованы, а их дома сожжены [46, 83—84].

Но любые репрессии не могли полностью пресечь попытки сопротивления со стороны сэммин, их выступления продолжались и впоследствии.

Можно было бы отметить и другие случаи неповиновения японских париев. Но и приведенные здесь сведения, как мы думаем, позволяют установить некоторые особенности движения сэммин в рассматриваемое нами время. Схожие тяжелые экономические условия жизни различных групп сэммин, крестьян и ремесленников нередко обеспечивали возможность сословного и даже классового единства трудящихся, пытавшихся защитить свои интересы. Характерно, что многие из этих совместных выступлений были направлены против новых форм экономической зависимости и угнетения (в частности, выступления против ростовщиков). Возможно, именно это обстоятельство (усиление одинаковых по форме тягот) и способствовало объединению усилий крестьян, ремесленников и сэммин в некоторых их совместных актах неповиновения.

Однако основными и в это время оставались изолированные стихийные сословные выступления париев, направленные против традиционных форм зависимости и дискриминации, за повышение своего социального статуса.

В условиях, когда постепенно уменьшались реальные возможности владельцев сёэнов так же эффективно, как и прежде, осуществлять свой контроль над подвластным им населением, сэммин иногда добивались для себя некоторой самостоятельности. Так, например, в 1461 г. жители сандзё, подчиненные синтоистскому храму Китано (расположенному к северо-востоку от Киото), по своей инициативе, без какого-либо обращения к властям, построили специальное помещение, в котором организовали регулярный показ кукольных представлений [см. 72, 302—303]. Однако подобные акты предпринимательской самостоятельности сэммин были еще довольно редкими.

Рост числа выступлений париев, расширение их масштабов и возникновение новых форм борьбы свидетельствуют о том, что движение сэммин, хотя и крайне медленно, развивалось по восходящей линии. И этот процесс не был самопроизвольным, он являлся следствием трансформации и прогресса всех форм общественной жизни страны.

О НЕКОТОРЫХ ОБЩИХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЛОЖЕНИЯ ДИСКРИМИНИРУЕМЫХ ГРУПП

Насыщенные разнообразными событиями и общественными процессами, XII—XV века, на наш взгляд, следует выделить в самостоятельный период истории низших социальных групп Японии. Основанием для этого являются некоторые общие черты положения отверженных и особенности развития страны в эту эпоху в целом.

Социально-экономические отношения и политическая структура Японии данного периода в значительной мере определялись системой сёэнов. В условиях этой системы для положения низших социальных групп стали характерными некоторые общие черты, которые подчеркивали их принципиальное единство и явились дополнительным основанием для выделения XII—XV веков в особый этап их истории.

В то время сэммин почти полностью были лишены возможности владеть землей и заниматься сельскохозяйственным трудом, который в условиях феодальных отношений считался наиболее почетным видом произ-

водственной деятельности. Эта практика закрепляла низкий социальный статус групп отверженных.

В ограничениях и регламентациях различных сторон жизни и труда японских париев (в нормах общения с «народом», в возможных местах поселения и т. д.) более важную роль стали играть уже прочно укоренившиеся предрассудки и социальные традиции, а не четко зафиксированные юридические нормы, как это было ранее. Однако это вовсе не означало, что представители низших групп стали более свободными и уважаемыми членами общества. В эпоху феодализма традиции имели силу закона. Окруженные ореолом священности, традиции было так же трудно нарушить, как и охраняемый силой государственной власти закон. Традиции и предрассудки, в значительной степени влиявшие на положение социальных низов, ставили отверженных вне рамок «народа» и делали их жизнь крайне тяжелой и беспросветной. Но вместе с тем незафиксированные традиции практически все же допускали некоторую свободу их истолкования в ту или иную сторону. Именно поэтому в какой-то степени и сохранялась возможность возникновения среди отверженных социально-профессиональных групп, в известной мере различавшихся по своему положению.

Еще одной общей чертой положения японских париев было растущее несоответствие между пренебрежительными оценками и нетерпимым отношением к ним и той подлинной ролью, которую они играли в развитии различных важных отраслей производства и национальной культуры. Парадоксальность такого положения усугублялась еще и тем, что участие японских париев в этих сферах деятельности было не случайным, а вполне закономерным явлением, поскольку оно предопределялось всей социальной и политической структурой японского феодального общества и обосновывалось его традиционной идеологической схемой.

Традиции, а впоследствии и законодательство феодального общества лишили (или в лучшем случае до предела ограничили) возможность париев участвовать во многих ведущих отраслях национального производства: земледелии, шелководстве, ткачестве, изготовлении сложных орудий труда и т. д. [см. 44, 48]. Однако и те виды деятельности, которые монополизировались пред-

ставителями низших социальных групп и поэтому были презираемыми, с течением времени практически становились все более важными и необходимыми для нормального функционирования всего хозяйственного механизма страны.

Общей особенностью положения низших групп явилось усиление их концентрации в городах и пригородах. Роль городов в качестве промышленных, торговых, транспортных и культурных центров неуклонно росла, и именно там стало возможным и необходимым с наибольшей эффективностью использовать труд париев. Особое место в экономической, политической и социальной жизни Японии того времени занимал Киото, в котором сосредоточилась значительная часть торговцев и ремесленников страны. Вместе с ростом этого города увеличивался поток доставлявшихся в Киото со всех концов страны ремесленных изделий и сельскохозяйственных продуктов: риса, рыбы, овощей, фруктов, тканей, бумаги, предметов домашнего обихода и роскоши и т. д. В значительной мере перевозки указанных продуктов осуществлялись местными макаси и курумакаси. Уборкой, мелочной торговлей, производством многих ремесленных изделий занимались жители большого числа поселений отверженных (цурумэсо, сандзё-но тами, каварамоно и др.), расположенных в самом городе или в его окрестностях. По существу Киото играл исключительную роль в жизни париев того времени, и в нем, пожалуй, с наибольшей полнотой были представлены все оттенки социальной структуры японского общества.

Парадоксальной, но вполне объяснимой особенностью положения низших социальных групп стало расширение непосредственных деловых контактов с самыми различными слоями населения. Расширение этих контактов, происходившее параллельно с усилением психологической отчужденности и традиционной изоляции париев, определялось ростом общественной значимости деятельности сэммин и выражалось, в частности, в том, что все более широкие слои населения оказывались в значительной зависимости от специализированного ремесленного производства и торговли, важную роль в развитии которых играли отверженные. Рост этих контактов определялся также и постоянным расширением аудитории, перед которой выступали артисты из числа

париев. Общественная значимость этого вида деятельности отверженных постепенно увеличивалась. Это объясняется тем, что их представления были не просто развлечением для народа во время праздников и отдыха, практически они все чаще становились также и средством определенного идейного воздействия, и источником новой информации.

Наконец, следует отметить процесс имущественного и классового расслоения среди отверженных, особенно заметный в самом конце рассматриваемого нами периода. Этот процесс выразился в том, что отдельным представителям сэммин иногда удавалось добиться исключительного упрочения своего экономического и социального положения.

Однако перечисленные особенности положения сэммин в целом не ослабили степени отчуждения отверженных от «народа». Более того, в этой отчужденности появились даже новые оттенки. Дело в том, что большая часть сэммин практически вынуждена была заниматься теми видами деятельности, которые на определенной ступени исторического развития способствовали укреплению враждебных феодализму производственных отношений и идей. Развитие ремесла и торговли усиливало сектор, который экономически становился в какой-то степени независимым от феодальной знати, а идеологически — все более противопоставленным ей. Чувство недоверия со стороны официальных кругов могли вызывать и элементы сатиры и пародии в искусстве японских париев. Во всем этом и кроется одна из вполне реальных причин обострения социальной нетерпимости к сэммин в условиях, как казалось, их определенного социального подъема. Причем усиление нетерпимости происходило не только со стороны властей и знати, но и со стороны крестьян и горожан, воспринимавших париев как антинародную силу. (Достаточно вспомнить их в роли полицейских и палачей.)

В целом мы вправе утверждать, что находившиеся в самом низу социальной лестницы и подвергавшиеся в еще большей степени, чем раньше, дискриминации различные группы париев практически были довольно заметной силой в общем техническом и культурном прогрессе страны. Сохраняя и развивая специальные знания и опыт во многих отраслях производства, они явились

неотъемлемой частью всего хозяйственного организма страны, без которой он не мог бы нормально функционировать.

Группы сэммин в значительной мере были основателями и носителями многих новых направлений японского традиционного искусства. Они практически содействовали отходу от старательного и сравнительно точного подражания китайским и индийским образцам изобразительного, драматического и музыкального искусства и содействовали распространению и углублению черт национального своеобразия и национальных культурных традиций [см. 42, 22].

Таким образом, противоречивость положения групп париев в рассматриваемый нами период, несомненно, еще более усилилась.

В конце XV в. в Японии разгорелась ожесточенная кровопролитная междоусобная война, в ходе которой происходили новые социальные потрясения и формировались новые элементы общественной структуры. Как и остальные слои общества, парии страдали от постоянных междоусобных войн. Кроме того, над ними устанавливалось непоколебимое господство и жесткий контроль со стороны новой знати и государственной администрации. В этих условиях в положении разных групп отверженных произошли заметные социально-экономические и политические перемены.

К этому времени по существу завершился еще один этап в истории японских париев и начался новый, характерный главным образом появлением бураку, существующих до наших дней.

ОБРАЗОВАНИЕ БУРАКУ
(XV—XVI вв.)

По мнению многих японских авторов, история современных париев начинается лишь с междоусобных войн XV—XVI вв. [см., например, 39, 1—24]. Поэтому весь длительный предшествовавший период развития явления дискриминации отверженных они считают лишь предысторией буракумин.

По нашему мнению, создание бураку и сословного объединения буракумин нельзя считать принципиально новым социальным явлением в истории Японии. Оно было закономерным и вполне логичным звеном в цепи социально-экономической и политической эволюции японского феодального общества. Следовательно, было бы неправильно начинать историю современных париев лишь с событий XV—XVI вв.

Однако недопустимо и преуменьшать значимость событий этого периода, оказавших огромное преобразующее воздействие не только на политическую обстановку в стране, но и на жизнь всех слоев общества, в том числе и на положение отверженных.

На наш взгляд, образование бураку и социальной группы буракумин не означает неожиданного возникновения в это время совершенно нового сословия, а свидетельствует скорее о значительной трансформации прежних низших социальных объединений, о появлении в них новых специфических черт, формируемых эпохой. Поэтому вторая половина XV и XVI в. были, хотя и не коренной, но важной вехой в истории японских отверженных.

Какие же общие социально-экономические и политические процессы XV—XVI вв. оказали наибольшее влияние на эволюцию сэммин? Каковы основные осо-

бенности самой трансформации отверженных в этот бурный, насыщенный событиями период истории феодальной Японии?

ОБЩИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СОЗДАНИЯ БУРАКУ

Социальные перемены в среде сэммин явились отражением общественных процессов, происходивших в масштабах всей страны. Эти перемены нашли свое основное выражение в создании бураку. В каких же условиях они создавались?

Во второй половине XV в. Япония вступила в длительный, почти полуторавековой период своей истории, который в первую очередь отличался общей политической неустойчивостью, разгулом насилия и произвола. Большую часть территории страны охватили междоусобные войны. В связи с голодом, разбоем и насилием со стороны феодальных дружин еще более частыми, упорными, широкими и разнообразными по форме стали выступления различных слоев населения.

Этот длительный отрезок истории вполне можно было бы назвать японским вариантом «смутного времени». Однако это определение не совсем точное. Употребляя его, следует иметь в виду, что данное время характеризовалось не только смутой, но и сложным процессом политической и социально-экономической эволюции, которой были свойственны свои закономерности и своя логика развития. Поэтому за внешней канвой событий, которые предстают перед исследователем в виде разбушевавшейся стихии, можно обнаружить их подлинные движущие силы, часто преследовавшие и цели создания.

Во второй половине XV—XVI в. в стране происходила борьба тенденций — центробежных и центростремительных, воплотившихся в ожесточенной и кровопролитной войне. Перемены этого периода были связаны с разрушением отдельных отживших, старых компонентов социально-экономической структуры и с созданием некоторых новых элементов, укреплявших ее. На различных этапах преобладающими были разные тенденции. Если в конце XV — начале XVI в. на первый план выступили тенденции разъединения и разрушения старого, то в

Ремесленник, изготавливающий доспехи

XVI в. (особенно со второй половины) ведущими стали центристские тенденции и попытки укрепления существовавшей социально-экономической структуры.

Конкретно этот процесс выразился в том, что в Японии в XV в. отчетливо выявился кризис той структуры феодального общества, которая сформировалась в стране в IX—X вв., после краха надельной системы. В первую очередь этот кризис был связан с процессом распада старой системы феодального землевладения, с упадком сёэнов.

За время многовекового существования система сёэнов претерпела значительные изменения. Вначале, в VIII—IX вв., сёдзи получили право лишь на определенную часть продукции сёэнов, земля же по-прежнему оставалась собственностью императора. Однако с течением времени сёдзи добились освобождения от налогов и вышли из подчинения местным властям, в связи с чем

окрепла их политическая, юридическая и экономическая независимость. Многие представители знати стали стремиться к переводу своих владений в категорию сёэнов. Но при этом большинство владельцев сёэнов по-прежнему проживали в столице, управляя разбросанными в разных районах владениями с помощью дзито. Усиление сёдзи практически способствовало процессу децентрализации страны. Внутри сёэнов шел процесс установления ленных отношений, связанный с образованием из числа зажиточных крестьян особого социального слоя — воинов-дружинников (самураев¹). Таким образом усиливалось новое привилегированное сословие — военное дворянство, претендовавшее на значительную политическую роль в местных владениях и в стране в целом. Многим из них удалось получить от центральной администрации государственные должности, обеспечившие им большую власть и возможности.

Ведущую роль во всех сферах общественной жизни страны с конца XII в. стали играть назначавшиеся сёгунами наместники провинций (*сюго сёку*)². Сначала они ведали лишь военными делами, однако постепенно получили права на сбор налогов, юридический контроль над провинциями и т. д. В XIII—XIV вв. под их власть перешло большинство сёэнов, и дзито были вынуждены подчиняться именно им. В XIV—XV вв. некоторые наместники стали фактическими правителями уже не одной, а нескольких провинций. Они составили основу новой феодальной знати — *даймё*. В XV—XVI вв., добившись абсолютной самостоятельности, даймё оказались втянутыми в долгую, изнурительную междоусобную войну.

Таким образом, система сёэнов, как и другие исторические явления, таила в себе зерна своего отрицания, которые при соответствующих условиях определили судьбу этого типа землевладения. Уже к XV в. выявилась полная несостоятельность системы сёэнов [23, 42]. Постепенно сложился новый тип феодального землевладения — *даймиаты* (так иногда в советской историографии называют владения даймё). Усиление последних и привело к значительным переменам в политической, экономической и социальной жизни всей страны.

Даймиаты в отличие от сёэнов обладали гораздо большей независимостью и политическим влиянием и в

период своего расцвета, в XV—XVI вв., по существу превратились в самостоятельные, самоуправляющиеся владения. Постоянные распри, происходившие между ними из-за пограничных территорий, попытки расширить свои владения за счет соседей способствовали возникновению длительных, изнурительных междоусобных войн. Процесс становления системы дайматов завершился в конце XVI в. Относительная стабильность этой системы была достигнута лишь в результате усиления одной из группировок даймё, которой удалось добиться объединения страны, к чему стремились самые различные слои населения. Эта стабильность была достигнута за счет значительного ограничения прав отдельных даймё в интересах организации централизованного управления страной.

Даймиаты явились более сложной, чем сёэны, политической, экономической и социальной организацией феодального общества. По мере их усиления многие сёэны нередко были вынуждены по разным причинам отказываться от своих владений в пользу новых сильных феодалов и богатеющих ростовщиков. Более сложной становилась пирамида ленной зависимости. Выделившийся из числа крестьян слой служилого дворянства — самураи — не был единым в социальном отношении. Преобладающую его часть составили профессиональные воины, получавшие лишь минимальные пайки или имевшие небольшие владения; положение их было крайне неустойчивым.

Вместе с тем продолжался процесс имущественного расслоения крестьян, благодаря которому отдельные представители этого сословия иногда добивались даже более прочного экономического положения, чем самураи.

Большую роль в жизни общества стали играть быстро растущие в XV—XVI вв. города, в связи с чем усиливалась экономическая и социальная роль наиболее состоятельной части ремесленников и торговцев. Однако положение основной массы крестьян, ремесленников и торговцев в этот период по-прежнему было экономически неустойчивым, а политически крайне ненадежным.

Уже к концу XV в. в результате небывалых по размаху и длительности в истории Японии междоусобных войн государственное единство и централизация страны стали

фикцией. В ходе войны многие родовитые семьи с их родственниками и вассалами были перебиты. Нередко победители беспощадно убивали всех военнопленных и значительную часть мирного населения побежденных владений. Росло число полностью разорившихся и обездоленных людей. В период междоусобных войн существенным элементом общественной жизни страны, особенно беспокоившим феодальную знать, стали участвовавшие выступления совершенно отчаявшихся крестьян и горожан. В крайне тяжелое положение попадали города, куда вследствие длительных войн и восстаний надолго прекращалась доставка продовольствия. От голода гибли тысячи людей. Так, только за январь и февраль 1480 г. в Киото умерло несколько тысяч человек [84, 269]. Стихийные бедствия и неурожаи усугубляли положение, и голод часто охватывал обширные районы страны.

Таков был общий фон, на котором происходил неизбежный этап социальной и политической эволюции феодальной Японии, связанный, в частности, с ожесточенной междоусобной войной.

Грозные события этой эпохи, естественно, затронули все слои общества. Дело дошло до того, что двору стало не хватать средств на организацию ритуала коронации [см. 42, 24], а многие храмы лишились возможности вести на должном уровне многоотраслевые хозяйства и содержать военные дружины.

Однако рассматриваемый период истории Японии, как известно, был характерен не только отрицательными, но и положительными процессами. Хотя последние и осуществлялись в чрезвычайно трудных условиях, именно они со второй половины XVI в. стали ведущими в борьбе противоречивых тенденций общественного развития. И это было не случайным явлением, поскольку общее положение страны все больше определялось необходимостью укрепления государственного единства и целостности.

Оказавшись перед реальной угрозой неуправляемого роста сопротивления со стороны разных слоев населения и ослабления рамок существующей социальной структуры, многие представители феодальной верхушки все чаще были вынуждены отказываться от своих чрезмерных политических амбиций и проявляли большую склонность к установлению в стране сильной централизованной вла-

сти. Тенденция к объединению страны определялась также и общим ростом производительных сил, ремесла и торговли, что делало более ощутимой необходимость постоянных и гарантированных экономических связей на всей территории страны.

Положительные тенденции политического и экономического развития Японии в XV—XVI вв. проявились, в частности, в росте числа городов. Если на протяжении XII—XV вв. было построено лишь 85 городов, то в одном только XVI веке — 184 города [24, 9]. Этот на первый взгляд парадоксальный для условий военного времени рост числа городов объясняется ведущими преобладающими тенденциями исторического развития страны. С одной стороны, усилившиеся даймё в целях своей независимости и самостоятельности строили города-крепости, а с другой — в это время возникали города, основанные на связях, главным образом экономических, с другими хозяйственными центрами страны, что способствовало усилению тенденции единства. Следовательно, объективная роль и функции японских городов этого периода были достаточно противоречивы. Однако преобладающим было их положительное воздействие на процесс объединения страны. Развитие городов оказало также огромное влияние на всю социальную структуру общества, в частности на положение основных групп париев. Если ранее история низших социальных групп Японии была преимущественно связана с развитием храмов и монастырей, то в XV—XVI вв. она тесно переплелась с процессом широкого распространения и укрепления городов.

Между средневековыми городами Японии (как и в других странах) имелись существенные различия, которые выражались в особенностях застройки, географического расположения, хозяйственной деятельности, военного и политического значения, т. е. они различались по целевому назначению, внешнему виду и социальному составу. В связи с этим можно выделить несколько типов средневековых городов.

Наиболее древними были прихрамовые города. Их число в XVI в. достигло 45. В этих городах уже издавна возникали улицы или районы, населенные презираемыми слугами храмов. Поселения сэммин иногда располагались и вблизи этих городов.

К концу XVI в. насчитывалось 55 городов, в основном небольших, возникших на крупнейших транспортных магистралях (Токайдо и др.). На отдельных улицах или в кварталах многих из них также традиционно проживали объединения отверженных.

К сожалению, сохранилось крайне мало сведений о социальном составе населения 46 портовых городов XVI в., находившихся в наиболее благоприятных экономических условиях, что обеспечивало некоторым из них определенную независимость. Так, разросшийся на морской торговле с материком и с южными странами Сакаи стал политически свободным и экономически процветающим городом. Известно, что в нем имелись поселения париев, на положение которых экономические и политические преимущества свободного города не оказывали особого воздействия. Поселения сэммин существовали и в других портовых городах.

Однако наибольший интерес у нас вызывают призамковые города, поскольку именно они играли самую заметную роль в жизни японских париев в конце XV—XVII в. Они преобладали среди всех строившихся в тот период городов. Это объясняется тем, что многие воинственные даймё в период междоусобных войн, стремясь обеспечить себе надежную военную и экономическую базу, строили города вокруг своих замков. Со второй половины XVI в., когда в Японии широкое распространение получило огнестрельное оружие, эти города стали обносить каменными стенами. Феодалы переселяли в них представителей разных сословий, в том числе и специалистов из сэммин, которые в основном должны были производить военное снаряжение.

Перечисленные выше типы городов и внешне существенно различались. Например, большинство городов, возникших вблизи почтовых станций или портов, обычно располагались вдоль дорог или побережья и имели поэтому вытянутую форму. Такое расположение в первую очередь определялось хозяйственной целесообразностью и спецификой географической среды. В отличие от них призамковые города застраивались и расширялись концентрическими кругами, группируясь вокруг замка, что в первую очередь было следствием их целевого назначения и строгой социальной политики феодальных властей.

Социальная иерархия феодальной Японии находила чрезвычайно наглядное отражение в особенностях архитектуры, застройки, в расположении кварталов и благоустройстве городов. Заселение городов новыми жителями осуществлялось в строгом соответствии с их социальным положением. Особенно выразительны в этом отношении приамковые города. В центральной части города, вокруг замка, обычно размещались дома представителей военной знати, а ближе к окраине (к внешней городской стене) — население более низкого социального статуса. Именно этим, в частности, и объясняется расположение поселений японских париев или на окраине средневекового города, или даже за его пределами.

В японских городах того времени наибольшим влиянием пользовались представители военной знати, чиновничества и духовенства. Однако из всех слоев городского населения лишь торгово-ремесленная часть, в XVI в. еще сравнительно малочисленная, имела устойчивую тенденцию к усилению и росту. В то же время многие горожане, в том числе торговцы и ремесленники, сохраняли еще свои связи с сельскохозяйственным производством, а в некоторых городах около половины жителей составляли крестьяне [24, 20].

Отдельные улицы городов в соответствии с муниципальным законодательством могли быть заняты представителями какой-либо одной профессии и одинакового социального статуса. В связи с этим территориальная отъединенность жителей бураку не была каким-то исключительным феноменом. Особенности их положения практически явились логическим завершением господствовавших в стране общих норм и правил.

В условиях бесконечных междоусобных войн даймё были особенно заинтересованы в усилении своего автономного хозяйства и поэтому проводили политику поощрения ремесла и торговли [см. 78, 125].

Торгово-ремесленная деятельность в стране в значительной степени продолжалась в рамках дза, которые в основном зависели уже не от храма и сёдзи, а от даймё, по-прежнему оставаясь элементами феодального общества [см. 71, 37]. Если купцы и ремесленники добровольно ссужали своих господ деньгами и поставляли необходимое им военное снаряжение и провизию, их ос-

вобождали от обязательного налога на ведение своего дела.

Заметную роль в жизни не только горожан, но и различных слоев населения, в том числе и отдаленных сельских районов, стали играть многочисленные локальные рынки. Рынки, совершенно необходимые для нормальной деятельности дза, могли функционировать только с разрешения феодальных властей. И вместе с тем дза, несомненно, становились все более самостоятельными хозяйственными и политическими объединениями.

Во второй половине XVI в. дза привлекли к себе особое внимание представителей феодальной верхушки. Так, например, наиболее видные военные и политические деятели Японии этого периода Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси в отличие от многих своих предшественников стремились укрепить деловые связи с дза, надеясь получить от них необходимую экономическую поддержку для достижения своих политических целей [см. 71, 38].

В этих условиях возникали и новые дза. В цехах ускорился процесс социального расслоения на торгово-ремесленную верхушку и рядовую массу, игравшую подчиненную и зависимую роль. Таким образом, все выгоды от монопольной деятельности и относительного усиления дза доставались ее верхушке, экономически и политически еще тесно связанной с феодальной знатью.

Положение торгово-ремесленных объединений, состоявших из представителей низших социальных групп, в первую очередь характеризовалось общими для всех дза чертами. Правда, проявлялись они в специфической форме, определяемой их низким социальным статусом.

Некоторые японские авторы судят о социальных переменах того времени слишком категорично. Например, проф. Ямамото Нобору отмечает, что особая организация социальной системы, сложившаяся в Японии в периоды Камакура — Муромати (XIII—XV вв.)³, была полностью разбита бурными событиями эпохи междоусобных войн [см. 75, 20]. Следуя логике подобных суждений проф. Ямамото, можно предположить, что с XV—XVI вв. по существу начинается история не только буракумин, но и новой феодальной знати, а также торгово-промышленных кругов и т. д. Такое утверждение в какой-то степени преувеличение, так как в этот период сословное деление общества сохранялось почти без изменения. Господствующим

шей силой в сложной обстановке «смутного времени» всегда оставался класс феодалов, неизменно обладавший достаточными военными и политическими возможностями, чтобы решать все, в том числе и социальные проблемы. Об этом свидетельствует и тот факт, что феодальная знать независимо от войн и восстаний XV—XVI вв. сохраняла свое господствующее положение и, в конце концов реорганизовавшись, максимально упрочила свою власть и укрепила существующую сословную структуру. Это вовсе не исключило определенных социальных перемен, коснувшихся всех слоев общества, всех сословий. Однако они не изменили сущности общества: все перемены происходили в рамках его феодальной структуры. Можно отметить два аспекта данного процесса: прежде всего усилилось имущественное и классовое расслоение внутри сословий, и наряду с этим произошло некоторое ослабление социальных перегородок, которое иногда делало возможным продвижение по ступеням социальной лестницы.

В чем же конкретно выразился процесс относительной социальной неустойчивости, затронувший в «смутное время» разные слои общества?

Феодальная знать, значительно поредевшая в жестоких междоусобных войнах, в какой-то мере пополнилась представителями иных сословий, в том числе даже выходцами из низших социальных групп. Это явление (хотя и редкое) настолько противоречило нормам социальных и политических воззрений феодальной Японии, что получило специальное название — *гэкокудзё* (букв. «низы побеждают верхи»).

В японской специальной литературе часто приводятся, иногда на уровне предположений, многие факты необычного вознесения отдельных лиц на вершину социальной пирамиды. В частности, указывается, что у таких видных военных и политических деятелей Японии периода «смутного времени», как Ходзё Соун (1432—1519), Сайто Досан (1494—1556), Кописи Юкинага (?—1660), Като Киёмаса (1562—1611), Фукусима Масано (1561—1624), а также Тоётоми Хидэёси (1536—1598) и Токугава Иэясу (1542—1616), предки были чрезвычайно низкого социального статуса⁴ [54, 38; 65, 63—64].

Достоверность подобной родословной многих из отмеченных выше видных деятелей средневековой Японии вы-

зывает сомнения, поскольку она базируется чаще всего на преданиях и догадках. Однако это вовсе не исключает того факта, что отдельные случаи головокружительного социального возвышения представителей самых низов общества в то время действительно имели место. Но, как известно, эти случаи ни в коей мере не означали возможности каких-либо принципиальных перемен в японском феодальном обществе. Став знатными и влиятельными, выходцы из народа обычно проводили не менее жестокую антинародную политику, направленную на сохранение и укрепление всех привилегий знати, чем представители старых, потомственных феодальных семей.

В «смутное время» нередко происходило также и перемещение отдельных представителей знати вниз по социальной лестнице. Причем это не всегда было связано с военным поражением и экономическим разорением. Иногда это было показателем того, что дух меркантилизма в новых условиях, особенно после появления в Японии европейских купцов, начал проникать и в среду феодальной знати. Некоторые ее представители пытались укрепить свое имущественное положение, даже если при этом приходилось идти на снижение своего социального статуса. Наиболее выразительными в этом отношении являются уже нередко отмечавшиеся в то время факты продажи сословных званий, в том числе и служилыми дворянами. Кроме того, известны случаи, когда представители знати, стремясь к наживе, сами начинали заниматься торговлей или ростовщичеством. Более того, некоторые из них, формально «усыновленные» богатыми купцами, фактически сами становились совладельцами цеховых объединений. Этот акт давал представителям знати деньги и чувство уверенности в будущем, а купеческим домам — имя и известную респектабельность. В старой Японии, однако, такие шаги могли осуществляться лишь в крайне критическом для представителя знати положении и требовали от него известной смелости и способности пренебречь предрассудками, поскольку общее отношение к торговле (как и к ремеслу) продолжало оставаться высокомерным и презрительным, а само слово «купец» неизменно включало в себя понятия «аморальный» и «нечестный».

Значительные социальные перемены происходили и внутри основного сословия страны — в среде крестьянст-

ва. В определенной степени изменился и его общий социальный статус. Японское крестьянство никогда не было только социально единым и безответным объектом угнетения. Так, еще в далеком прошлом (до XII в.) значительная часть независимого крестьянства имела оружие, и «землевладелец раннефеодального периода был... пожалуй, даже более способным бойцом, чем хлебопашец» [31, 289]. Оружие давало им иногда возможность объединяться и оказывать упорное сопротивление попыткам знати закабалить или разорить их. После XII в. в среде независимого крестьянства усилилось размежевание на сословие профессионалов-военных, интересы которого были противоположны интересам крестьянства, и угнетенное сословие хлебопашцев, правда еще не полностью лишенное оружия [см. 31, 240]. Независимое крестьянство постепенно исчезало как определенная социальная категория.

Но с XIV в. в связи с неотвратимым ослаблением системы сёэнов наблюдался процесс некоторого возрождения независимого крестьянства, объединения деревень и повышения роли их самоуправления. Вновь увеличилось значение крестьянской общины. В этих условиях в течение XV—XVI вв. крестьяне уже нередко оказывали упорное сопротивление нараставшему давлению даймё, стремившихся полностью закабалить их. Собственно, именно к этому в значительной степени сводилась суть событий рассматриваемого периода.

Это вовсе не свидетельствует об улучшении условий жизни крестьян в целом. В результате усиления имущественного неравенства и элементов сельского самоуправления социально выросла и экономически окрепла лишь небольшая часть представителей крестьянского сословия. Она обладала решающим экономическим и политическим влиянием в деревне. Ее права на деревенское управление стали традиционно наследственными. Основная же часть крестьян по-прежнему находилась в труднейших условиях, постоянно балансируя на грани полуголодного существования, угрозы полного разорения и голодной смерти. Многие из них уже лишились своей земли и вынуждены были прибегать к аренде.

Постоянные междоусобные войны XV—XVI вв. делали положение деревни особенно неустойчивым, именно крестьяне больше всего страдали от них. Неурожаи, на-

воднения, землетрясения и другие стихийные бедствия нередко ставили в катастрофическое положение многие тысячи сельских семей. В отчетах первых христианских миссионеров, побывавших в Японии в середине XVI в., имеются записи, которые дают весьма впечатляющую картину положения крестьян в наиболее трудные для них времена: «Во время голода после родов язычницы брали на берег моря своих детей, привязывали к ним камни и, зайдя в приливную волну, швыряли их в море» [цит. по: 50, 94]. Аборты и убийства только что родившихся детей получили в то время в японской деревне широкое распространение. Причем это вовсе не считалось преступлением. Наоборот, как сообщали европейские миссионеры, те, кто не мог обеспечить своих детей минимумом пищи и одежды, но пытался сохранить им жизнь, поступали, по мнению японцев, аморально [см. 50, 94].

Несмотря на имущественное и классовое расслоение в деревне, крестьяне иногда выступали единым фронтом против своих господ, демонстрируя тем самым свою словесную общность. Но постепенно в среде крестьян выявилась противоречивость интересов. Крестьянская верхушка боролась за свои права на эксплуатацию в деревне, а беднота — за обеспечение хотя бы минимальных экономических возможностей своего существования. Восстания нередко происходили под лозунгами различных религиозных сект.

Своеобразным пиком народного движения этого периода (и даже в истории феодальной Японии в целом) явилось восстание в провинции Ямасиро в 1485—1493 гг. После того как крестьянское ополчение изгнало из провинции военные отряды местных феодалов, представителям сельских хозяев, а также городских ремесленников и торговцев удалось установить в ней на несколько лет свою власть.

Крестьянское движение превратилось в постоянный, беспокоивший феодальную знать политический и социальный фон, который все чаще заставлял ее забывать распри и прилагать все усилия, чтобы умиротворить крестьян.

Процесс социально-экономических перемен затронул не только феодальную знать и крестьян, но и другие слои общества. В первую очередь следует отметить ко-

личественный рост некрестьянского населения. Ряды сословий ремесленников и особенно купечества пополнялись не только выходцами из крестьян, но и представителями знати. Однако социальное место этих сословий в обществе продолжало оставаться чрезвычайно низким. Население с презрением относилось даже к тем ремесленникам или купцам, которым удавалось сколотить огромное состояние. Европейский миссионер Франсиско Ксавье, побывавший тогда в Японии, писал: «Бедность не считается позором. *Буси*⁵, хотя и бедный, пользуется почестом со стороны богатых простолюдинов. Буси, даже бедный, с незнатными не роднится» [цит. по: 50, 95].

Среди ремесленников и торговцев, так же как и среди других слоев общества, наметился более активный процесс имущественного и даже классового расщепления. Значительно окрепла та часть этих сословий, которая занималась ростовщичеством, и именно против нее все чаще выступали крестьяне и горожане. В руках отдельных представителей купеческой и ремесленной верхушки сосредоточились огромные состояния, что неизменно привлекало к себе внимание даже наиболее влиятельных феодалов. В XVI в. новая усилившаяся знать нередко насильно переправляла в важнейшие центры своих владений нужных ей ремесленников и купцов. Так, по приказу Хидэёси в конце XVI в. в Осака были переселены богатые купцы из Сакаи [33, 57].

Отдельным представителям этих сословий иногда удавалось добиться права на участие в работе местной администрации, в первую очередь в так называемых вольных городах. Но положение преобладающей части торгово-ремесленных кругов менялось сравнительно мало, несмотря на то что роль этих сословий в экономике Японии неуклонно росла, их социальный статус оставался более низким, чем у крестьян, а политические права в максимальной степени ограничивались; они продолжали оставаться в полной зависимости от своей сословной верхушки и еще больше — от феодальной знати.

Отметив некоторые военные, политические и социально-экономические процессы и события данного периода, которые весьма основательно воздействовали и на жизнь японских париев, мы можем прийти к одному важному выводу: определенная трансформация сэммин в XV—

XVI вв., которая дает основание некоторым исследователям проблемы считать этот период началом истории современных отверженных, не была исключительным и изолированным явлением в истории Японии. Процесс социальных перемен данной эпохи коснулся всех слоев общества, и преобразования в среде сэммин были лишь частным случаем этого общего процесса. В связи с этим исключается всякая возможность судить о группах отверженных как о каком-то особом, изолированном явлении в жизни общества, развивающемся лишь в силу своих закономерностей.

Длительный период междоусобных войн закончился в конце XVI в., когда политическое объединение страны стало реальностью. Новой центральной администрации удалось, наконец, провести в жизнь ряд мероприятий, направленных на укрепление феодальной социальной структуры. В первую очередь этими мерами феодальная знать стремилась оградить себя от возможности народных выступлений и юридически закрепить традиционные сословные перегородки, что должно было гарантировать ей сохранение привилегий.

Важнейшими вехами процесса умиротворения и одновременно нового закрепощения народа, который стал более эффективным в условиях централизованного государства, явились последовательно принятые юридические акты. Первый из них — декрет об изъятии оружия у крестьян, ремесленников и купцов — был издан в 1588 г. и обосновывался чисто экономическими потребностями государства⁶. Он был обращен и к группам отверженных. Хотя японские парии никогда не обладали формальным правом владеть оружием, новый декрет во избежание возможности произвольного толкования его точно фиксировал разницу между владельцем и производителем оружия и предписывал оружейникам, кузнецам и кожевникам (а среди них были и отверженные) полностью сдавать свои готовые изделия властям. Кроме того, предусматривалось, что отверженные, связанные с производством оружия, практически лишались права хранить его у себя. Таким образом, декрет имел своей целью максимально уменьшить возможности народа к сопротивлению.

В соответствии с другим декретом в течение 1589—1595 гг. была проведена перепись земельных владений,

в результате которой крестьяне оказались вновь привязанными к своим участкам земли. Одновременно было зафиксировано выделение военнослужилой части населения из сословия крестьян.

Вскоре после проведения переписи были предприняты меры, утвердившие строгие сословные перегородки. Они были направлены на то, чтобы нейтрализовать действие процесса имущественного и классового расслоения сословий и точно определить место каждого человека в феодальном обществе. Эти меры подвели итог самым различным социальным процессам, происходившим в Японии на протяжении XV—XVI вв.

Для того чтобы полностью обеспечить процесс умиротворения и закрепощения народа, власти централизованного феодального государства предприняли ряд новых мер с целью пресечения всяких нежелательных случайностей со стороны подданных. В 1597 г. был опубликован указ о пятидворках (*гонингуми*)⁷, узаконивший старую социально-политическую традицию взаимной ответственности и надзора. В городах те же функции круговой поруки возлагались на торговые и ремесленные цеховые объединения. Будничными и обычными в этом едином феодальном государстве стали взаимное недоверие, доносы и наветы.

Как из рога изобилия посыпались разнообразные регламентации и ограничения, которые юридически определяли различные стороны жизни представителей всех слоев населения, всех сословий. Эти регламентации, направленные на максимальное укрепление сословных барьеров, носили весьма детальный характер. Официальные предписания определяли буквально каждый возможный шаг человека. Они претендовали даже на то, чтобы установить и рамки его мышления. Морализующее законотворчество того времени, адресованное сословию крестьян, например, предписывало: мужчины от темна до темна должны добросовестно работать в поле, а их жены — три раза в день готовить пищу. На голове они обязаны носить красную повязку. В первую очередь нужно внести подати, а из оставшегося риса можно готовить себе пищу. Рыбу и соль следует покупать⁸. Среди множества второстепенных ограничений следует выделить запрет представителям управляемых сословий менять место жительства и вид деятельности.

Юридические акты XVI—XVII вв. и связанные с ними политические и социальные идеи и представления положили начало многим общественным традициям, влиявшим на жизнь и характер взаимоотношений людей в течение последовавших столетий. События этого периода, по существу, послужили прологом новой длительной эпохи относительной стабилизации феодализма в стране.

Как же рассмотренные аспекты мучительного процесса трансформации японского феодального общества повлияли на положение различных групп сэммин?

ПОЛОЖЕНИЕ ПАРИЕВ

Такие события и процессы, как ослабление и распад системы сёэнов, жестокие междоусобные войны, имущественное и классовое расслоение в недрах сословий, усиление даймё и централизация феодального государства, способствовали некоторой трансформации групп париев. Особенности развития явления дискриминации отверженных определялись также и его внутренними закономерностями.

В результате ослабления политического и экономического влияния сёэнов и многих ранее мощных храмов заметно увеличилась активность зависимых от них групп сэммин, стремившихся к повышению своего социального статуса и организации каких-либо форм самоуправления. Инициаторами этого движения чаще всего выступали представители окрепшей верхушки сэммин. Но вместе с тем в XV—XVI вв. отмечаются и многие стихийные выступления отверженных, обусловленные главным образом разгулом в стране насилия и произвола. Следует отметить, что борьба отверженных за свои права происходила в гораздо более трудных условиях, чем борьба представителей любого иного угнетаемого сословия. Со стороны представителей других сословий сэммин обычно не получали почти никакой поддержки и, более того, крайне редко могли рассчитывать даже на простое сочувствие. Так, в архивных правительственных документах сообщается, что в 1441 г. в провинции Идзумо, расположенной в юго-западной части о-ва Хонсю, крестьяне и горожане совершали нападения на склад-

ские помещения ростовщиков и, воспользовавшись об-
щими беспорядками, поджигали дома местных кавара-
моно [68, 235].

Уже в период первых сражений начавшейся в конце
XV в. долгой междоусобной войны феодальные отряды
в первую очередь нападали во враждебных владениях
на поселения сёмондзи [64, 69].

Таким образом, отверженные, несомненно, являлись
как всегда наиболее приниженой и терроризируемой
частью населения страны.

И все же в XV—XVI вв. происходили неоднократные
выступления сэммин. Чаще всего они осуществлялись
самостоятельно, отдельно от развертывавшейся борьбы
крестьян и горожан. Но иногда париям удавалось до-
биться и определенного временного единства действий
с представителями других сословий. Выступления отвер-
женных были различными по степени организованности,
по форме и по конкретным результатам.

Наиболее широкое распространение получило про-
тиводействие сэммин воле властей в форме отказа от
выполнения возложенных на них повинностей. Так, на-
пример, еще в середине XVI в. цурумэсо, подчиненные
храму Гион, заявили, что не будут выполнять поруче-
ния властей, ссылаясь на ухудшение своего положения
[64, 66]. В 1460 г. и позднее различные группы слуг хра-
мов Кофуку дзи и Дадзё ин неоднократно заявляли о
своем отказе выполнять чрезмерно тяжелые повинности
[65, 57]. Это вызывало недовольство феодальных вла-
стей, стремившихся различными репрессиями запугать
сэммин и заставить их отказаться от мысли о возмож-
ности какого-либо неповиновения. Известно, что отвом
властей на подобные мирные акты нередко по-прежнему
было сожжение домов их участников [см. 65, 57]. Однако
особое беспокойство властей вызывали вооруженные
выступления отверженных и контакты с representa-
ми других сословий. Весьма примечательно, что отвер-
женные были не только рядовыми участниками таких
совместных выступлений, но иногда даже и организато-
рами. Так, среди руководителей возникшего в 1516 г.
бунта в Киото был носильщик паланкина, а среди орга-
низаторов восстания 1520 г. — дворцовый садовник [64,
70]. Как известно, эти профессии были закреплены тогда
за каварамоно и сандзё-но тами.

Отмечаются и довольно крупные самостоятельные выступления отверженных. В 1527 г. несколько тысяч жителей особых поселений близ Киото собрались для того, чтобы заявить протест властям против своего тяжкого положения. В 1550 г. на усмирение восставших сёмондзи был двинут двухтысячный отряд дома Фусими [74, 37—38].

К сожалению, сведений о борьбе париев сохранилось очень мало. Как известно, официальная историография и любая японская администрация всегда крайне неохотно отмечали случаи сопротивления сэммин властям. Но и имеющиеся разрозненные факты позволяют сделать бесспорный вывод о том, что, несмотря на чрезвычайно трудные политические условия, борьба японских париев в XV—XVI вв. продолжала развиваться по восходящей линии — увеличивалось число участников, более разнообразными становились методы сопротивления.

Повышение в XV—XVI вв. социального статуса отдельных групп сэммин и создание органов их самоуправления связаны с процессом распада сёэнов и ростом сопротивления отверженных насилию. Личное или коллективное сословное освобождение сэммин выразилось, в частности, в их постепенном внедрении в сельскохозяйственное производство и в переходе в категорию крестьян [см. 50, 78]. Но занятие сельскохозяйственным производством не всегда означало официальное повышение их социального статуса, хотя положение сэммин в обществе при этом, несомненно, в определенной степени улучшалось⁹. Социальный ранг париев мог иногда повышаться также в связи с расширением масштабов их торговой и ремесленной деятельности [см. 50, 80].

Существенным событием в жизни японских париев в XV—XVI вв. стало создание органов самоуправления, которые состояли главным образом из представителей сословной верхушки. В работе Миура Кэйити изложено содержание документа, где говорится о конфликте *кавата* (кожевников)¹⁰ двух соседних поселений. Суть этого конфликта заключалась в том, что *кавата* одного поселения нарушил исключительное право на обработку павшего скота жителей другого поселения. Конфликт был рассмотрен советом представителей указанных поселений. Известно, что, если совет не смог бы уладить данный спор, он был бы решен более высокой

административной инстанцией — уездным советом представителей кавата. В основном в эти советы входили сэммин, занимавшиеся кроме своей обычной деятельности и земледелием. Таким образом, чаще всего это были люди более высокого социального статуса, чем остальные отверженные [см. 50, 81—82, 85].

На положение отверженных, как и других групп населения, огромное влияние оказали самые различные обстоятельства, вызванные разгоревшейся в XV—XVI вв. междоусобной войной. Прежде всего в процессе войны постоянно росли потребности даймё в традиционном оружии и различном военном снаряжении. Со второй половины XVI в., когда европейцы завезли в Японию огнестрельное оружие, многие представители феодальной знати попытались наладить его производство в своих владениях. Употребление огнестрельного оружия в свою очередь сделало необходимым усиления средств защиты, в частности сооружение каменных стен вокруг замков и городов, принадлежавших воинственным даймё.

Все это и определило особую заинтересованность даймё в мастерах, в первую очередь способных удовлетворить их растущие военные нужды. Именно в связи с этим начался процесс организованного привлечения во владения даймё представителей различных специальностей, в том числе и из группы сэммин. Этот процесс вскоре получил довольно широкое распространение. В комплекс мер, обычно предусматривавшихся воинственными даймё перед вступлением в вооруженную борьбу с соседями, кроме сооружения надежной крепости и формирования военного отряда входило также и переселение в удобные для них места всех нужных им специалистов независимо от их сословной принадлежности. Переселение групп сэммин и положило начало поселкам нового типа — токусю бураку.

Жители этих поселений в первую очередь должны были обеспечивать военные нужды феодала (в основном изделиями из кожи). Однако и на новом месте они по-прежнему выполняли те повинности, которые уже традиционно входили в сферу деятельности представителей всех низших социальных групп: уборку предписанной им части феодального владения, захоронение трупов, транспортировку разнообразных грузов, в том числе и военных. Чаще и шире, чем прежде, их обязывали вы-

полнять функции шпииков, доносчиков, тюремщиков, полицейских и палачей.

В условиях длительных междоусобных войн даймё иногда привлекали на военную службу и отдельных представителей сэммин, что давало возможность последним добиваться определенного повышения своего социального статуса [см. 70, 12].

Таким образом, в связи с установлением над сэммин господства даймё, повышением значения их военно-производственной и хозяйственной деятельности общее экономическое положение отдельных групп отверженных становилось более устойчивым. Но одновременно происходило и дальнейшее отчуждение низших слоев общества от остального населения: «простой народ» относился к жителям бураку, как к чужакам (они — переселенцы) и даже как к врагам (они — шпионы, доносчики, тюремщики, полицейские и палачи).

В методах создания новых поселений отверженных и в положении их жителей было много принципиально схожего, общего, хотя имелись и определенные различия. Процесс создания бураку можно проиллюстрировать некоторыми примерами.

В 1526 г. один из членов семьи даймё, Имагава, из провинции Суруга (расположенной на восточном побережье о-ва Хонсю, юго-западнее Эдо), стремясь организовать производство военного снаряжения, приказал переселить всех кожевников своего владения в отведенное для них место, находившееся на побережье реки, близ его крепости. Новое поселение контролировалось ставленником феодальных властей неким Хикохатио [44, 45]. Специальное предписание властей запретило жителям этого бураку заниматься чем-либо иным, кроме кожевенного производства. Отмечалась также недопустимость самовольного переселения людей из бураку. В 1544, 1549 и 1591 гг. указы властей запретили жителям этого поселения продавать кожу, шерсть и изделия из них в другие районы страны, а также ввозить перечисленные товары в Суруга [69, 223—224].

В 1579 г. феодальный владелец Суруга специальным юридическим актом освободил жителей своего бураку от различных дополнительных повинностей (полевых, строительных и др.). Этот акт был вызван в первую очередь стремлением ограничить сферу деятельно-

сти сэммин производством тех изделий, которые были тогда наиболее необходимыми самому владельцу. Но наряду с тем в акте вновь подчеркивалось неоспоримое право жителей бураку собирать и привозить в свое поселение павший в округе скот и хоронить всех погибших и умерших во владении людей [см. 64, 85].

Таков в общих чертах юридический аспект истории создания бураку, характерный для организации поселений сэммин и в других районах страны.

В 1538 г. значительная часть кавата владения Идзу была переселена в отведенное для них место, где возникло новое бураку, поставленное под контроль феодальных властей. Переселенным в район к востоку от г. Одавара ремесленникам распоряжением властей было предписано заниматься лишь кожевенным производством [64, 85—86].

Влиятельный даймё Гамо Удзисато (1557—1596), будучи правителем в Миэ (общее название трех провинций, расположенных между Нара и Нагоя), стремился к расширению и экономическому упрочению главного города владения — Мацудзака¹¹. В связи с этим по его приказу в город из разных районов владения были переправлены и поселены не только купцы и ремесленники, но и члены социально презираемых общин [см. 53, 117].

В 70—80-х годах XVI в. в Канадзава¹² по приказу правителя владения Сакума Моримаса (1554—1583) строились новые жилые кварталы, и одна из улиц была заселена объединением сэммин. Однако впоследствии, в связи с дальнейшим расширением города, их выселили ближе к окраине [см. 64, 100].

Определенную профессиональную специфику имели те создававшиеся на окраинах городов бураку, в которые поселяли макаси и курумакаси: жителей этих бураку составляли, в частности, заниматься транспортировкой различных грузов.

В разряд бураку были отнесены также и многие, уже давно существовавшие поселения париев со всеми вытекавшими из этого новыми повинностями для их жителей [см. 54, 37—43].

Кроме экономической и социальной целесообразности создание бураку определялось новыми для властей возможностями непосредственного контроля над отвер-

женными и политического противопоставления их другим слоям населения. Это хорошо понимали представители наиболее сильных и влиятельных домов Японии, ставившие перед собой чрезвычайно сложные общенациональные задачи. Достаточно вспомнить Хидэёси, уделявшего сравнительно много внимания париям. Так, известен его приказ, изданный в 1587 г., о перебазировании отверженных какого-то поселения в специально отведенное им место под Киото [64, 77—78].

В период правления Хидэёси в стране широко развернулись разнообразные строительные работы. Стремясь превратить Осака в самый крупный и красивый город Японии, Хидэёси в 1586 г. приказал начать работы по его реконструкции. Для переустройства города в разные периоды было привлечено 30—100 тыс. человек, главным образом крестьян из центральных районов страны [84, 394]. Во время этого строительства одно из крупнейших поселений париев — деревня Ватанабэ, расположенная в окрестностях Осака, — было по указу администрации освобождено от подчинения храму Дзама и передано под непосредственный контроль правительства (*бакуфу*) [см. 64, 95].

На протяжении истории существования этой деревни содержание повинностей ее жителей в определенной степени менялось. Деревня возникла еще в XV в. в качестве поселения сандзё, и ее жители первоначально обслуживали нужды храма Дзама и его знати. Однако в конце XVI в., когда в связи с резким ослаблением влияния храма поселение Ватанабэ перешло под контроль бакуфу, жители стали привлекаться к выполнению различных повинностей сэмми: нести охранную службу в Осака, задерживать, конвоировать и осуществлять казнь опасных преступников, тушить пожары, следить за общественным порядком, регулярно убирать нечистоты, производить захоронение умерших и т. д. Кроме жителей Ватанабэ в Осака действовали и другие группы отверженных: в частности, в пределах самого города проживали хинин, выполнявшие по поручению властей функции доносчиков и шпионов [см. 65, 97].

Расширение многих крупнейших городов Японии сопровождалось созданием на окраинах или вблизи них поселений отверженных. Такие поселения имелись в Киото, Нагоя, Кобэ и в быстро растущем Эдо. В по-

следнем в XVI в. уже размещалось несколько поселений эта и хинин. В японской специальной литературе зафиксировано создание в течение XVI—XVII вв. около 250—300 бураку (главным образом в призамковых, а также в портовых и транспортных городах и других населенных пунктах) [65, 84]¹³.

Мы не располагаем сведениями о численности отверженных в XVI в. Известно лишь, что число жителей бураку увеличивалось тогда более быстрыми темпами, чем в других населенных пунктах. Это объясняется не только естественным приростом. Рост числа жителей бураку происходил также за счет того, что в соответствии с уже установившейся традицией и законодательством в сословие отверженных нередко переводили провинившихся или разорившихся крестьян, ремесленников и торговцев [см. 54, 41]. Такому наказанию за преступление перед феодальным обществом (например, за участие в крестьянских восстаниях) обычно подлежал не только сам участник, но и все его близкие родственники, оно распространялось даже на их потомков. Об этом сообщается, в частности, в отчетах миссионеров из Португалии [см. 65, 67—69].

В бураку довольно часто и по своей воле оседали полностью разорившиеся люди. Ими могли быть жертвы стихийных бедствий, неурожая или междоусобных войн, иногда в таком положении оказывались и представители высших сословий [см. 39, 216—217]. Даже в настоящее время жители некоторых бураку по семейной традиции считают своими предками разорившихся в период междоусобных войн представителей знати. Такая генеалогия обычно является предметом их гордости и основой для самоутверждения, хотя ее достоверность и бывает весьма сомнительной [см. 46, 87].

В новых поселениях нередко находили прибежище бездомные бродяги, преступники, скрывавшиеся от преследования закона, и неизлечимо больные.

Пополнение групп париев происходило постоянно, но особенно интенсивно в периоды кризисов — социальных, политических и экономических.

Несмотря на различия в способах формирования бураку и в их основной профессиональной направленности, эти поселения все же составляли единое социальное целое. Они практически становились местом сосредото-

чения тех людей, к которым власти и общество по разным причинам относились с пренебрежением или недоверием. Существование бураку создавало определенные возможности для решения некоторых аспектов социальных проблем, постоянно возникавших перед феодальным обществом. В связи с этим поселения сэммин имели не только хозяйственное, но и весьма важное социальное и политическое значение как для отдельных даймё, так и для средневекового японского государства в целом.

Созданные по инициативе и воле центральных властей и отдельных представителей знати, бураку благодаря своей разносторонней деятельности и профессиональному опыту оказались крайне необходимыми и полезными не только для их воинственных господ, но и для широких слоев населения. Об этом свидетельствуют приводимые в различных источниках перечни доступных в XVI в. для париев видов занятий, многие из которых были их исключительной монополией. Среди жителей бураку имелись ткачи, художники, акушеры, кузнецы, кожевники, красильщики, сапожники, птицеловы, паромщики, каменотесы, уборщики мусора, дрессировщики собак и обезьян, купцы, торговавшие серой, стрелами, луками, морскими моллюсками, дровами, анисом, жмыхом, хибати, живой рыбой, кабаньим мясом и птицей. Кроме того, отмечаются ремесленники, изготовлявшие *дзори*, *асида* (деревянные башмаки), зонтики, корзины (из бамбука, лозы и кожи). В источниках указываются и «женские» занятия отверженных, например продажа вееров, лепешек, фитилей, обуви, пудры, ароматических веществ, а также гадание, проституция и артистическая деятельность [см. 55, 65; 64, 48—49; 68, 226—229].

Постоянное увеличение производства, монополизированного сэммин, постепенно сказывалось на некоторых особенностях быта всех сословий. Так, например, расширение традиционного для париев кожевенного ремесла привело к тому, что среди различных слоев населения получил довольно широкое распространение обычай носить кожаные *хаори*¹⁴ (пальто), *таби* (кожаные носки), *сэтта* (сандалии на кожаной подошве) и т. д.

Перечень занятий японских париев достаточно обширен и свидетельствует не только о разнообразии участия жителей бураку в хозяйственной и культурной

жизни страны, но и о сохранившейся условности профессионального принципа изоляции отверженных. Известно, что почти все обязанности сэммин, которые служили признаком принадлежности к низшей, презираемой, социальной группе, носили по преимуществу временный характер. Значительную же часть основных занятий сэммин обычно составляли вполне «чистые» и «достойные». Они никогда не считались «оскверняющими», а скорее рассматривались низкими в социальном плане, и то не всегда. Некоторые из них были связаны с удовлетворением личных нужд (например, домашнее ткачество, обработка небольшого участка своей земли и т. д.). В связи с ростом потребностей в оружии и строительных работах заметно повысился социальный статус оружейников, горняков, металлостроителей, в том числе и из группы сэммин. Отдельные группы ремесленников смогли даже добиться официального перехода в категорию «простого народа», как это произошло, например, во второй половине XVI в. с каменотесами, кузнецами и красильщиками [см. 68, 252—253; 75, 22].

Объединения каменотесов, занимавшие прежде весьма низкое положение в обществе, имелись и в подчинении храмов Гион и Энряку дзи. В связи с ослаблением влияния этих храмов и увеличением потребности в труде каменотесов несколько повысился социальный статус этой профессиональной группы, что привело к постепенному исчезновению традиционных унижительных представлений о ней. Однако это вовсе не означало полного сословного освобождения каменотесов, поскольку они попали в зависимость к новой феодальной знати.

Даже кожевники — представители наиболее «оскверняющей» профессии — в период междоусобных войн, когда резко возрастали потребности в их изделиях, иногда ставились в несколько лучшие экономические и социальные условия. Таким образом, можно полагать, что в данном случае повышение в какой-то степени социального статуса отверженных могло быть вызвано лишь исключительным ростом потребностей в их изделиях и услугах.

Среди всех занятий париев видное место занимали ремесло и торговля. И это не случайно. Дело в том, что

с точки зрения социальной идеологии феодального общества ремесло и особенно торговля, несмотря на очевидное усиление их хозяйственной роли, продолжали оставаться довольно низкими видами деятельности и поэтому были более доступны париям, чем земледелие. Однако явление дискриминации отверженных объясняется не только этим. Действительно, будучи ремесленниками и мелкими торговцами, сэммин были изолированы от сословий ремесленников и купцов и даже противопоставлены им, как и всем другим слоям населения. Вместе с остальной массой отверженных они составляли особое, презируемое и третируемое, сословие. Следовательно, сами по себе профессиональные различия не определяли сегрегации париев.

Идейной базой психологического восприятия этого социально-экономического по своей основной сути явления были представления об «особых» действиях и состояниях сэммин, якобы вызывавших «осквернение» людей. Причем это не обязательно было связано с профессиями бойца скота, дубильщика или кожевника. Кстати, представители этих профессий всегда составляли меньшинство в группах отверженных.

В своей интересной и оригинальной работе, посвященной изучению идейной основы явления дискриминации отверженных, японский историк Араи Кодзио указал на различные возможные в XVI—XVII вв. мотивы «осквернения»: «осквернение» кровью, смертью, животодерством, болезнью, нищетой и т. д. [см. 37, 82—83]. Наряду с убоим скота и кожевным производством «оскверняющими» и в это время считались, например, такие действия и состояния: тяжелые болезни, физическое уродство, захоронение, роды, менструация, нищета, преступление и т. д. Таким образом, люди, совершавшие «оскверняющие» действия или находившиеся в «оскверняющем» состоянии, постоянно или временно относились к категории отверженных, исключенных из общества. Поэтому представители «обычного» народа не должны были вступать в какие-либо контакты с ними.

Так, захоронение трупов оскверняло «грязью» смерти. Как говорится в «Энги сики» (раздел «О ритуалах»), смерть человека «оскверняет» на три дня, скота — на пять, а роды — на семь дней. Поэтому, например, все

люди, связанные с организацией захоронения, считались в течение соответствующего срока «оскверненными» и навлекающими несчастье. Подобное «осквернение» определялось страхом перед душой умершего, которая могла нанести вред живым. Такое же отношение распространялось и на тех, кто обрабатывал павший скот.

Люди с явно выраженными физическими недостатками также считались «оскверненными», в социальном плане они ставились на один уровень с отверженными и направлялись в их поселения. Тяжелобольные, например прокаженные, все еще считались «оскверненными». В сознании людей того времени прокаженный был воплощением религиозного наказания за прошлые грехи, которое могло перейти и на тех, кто общался с ним. Даже врач мог таким образом «осквернить» себя. Именно поэтому лечение и уход за больными осуществляли лишь равные им по «оскверненности» — жители бураку. Примечательно, что в случае необходимости за многими женщинами в период менструации и родов ухаживали лишь повивальные бабки или медицинские сестры из сэммин.

Преступники также считались «оскверненными» тем, что они своими деяниями навлекали на себя гнев богов. Поэтому в японской юриспруденции того времени почти полностью отсутствовала идея наказания за преступления, ее заменяло представление об очищении от «осквернения». Преступники в социальном отношении также приравнивались к отверженным. Поскольку обычное общение было возможно лишь между одинаково «чистыми» или «оскверненными», функции слежки, охраны и казни преступников и были возложены на париев.

Нищие, так же как и неизлечимо больные, считались «оскверненными», поскольку по концепции буддизма люди своими несчастьями скорее всего расплачиваются за совершенные грехи в их предыдущей жизни. Именно поэтому такие люди считались потенциально и активно аморальными и недостойными внимания «благородных» граждан. Господствовало убеждение, что само общение с ними может «заразить» и других, «чистых» людей и навлечь на них какое-либо несчастье.

Таким образом, идея «осквернения» имела довольно широкое распространение, и все же своей сущностью она не могла охватить и не охватывала всех отвержен-

ных. Для части сэммин «оскверняющие» действия и состояния практически были лишь незначительными эпизодами. Однако и этого оказывалось вполне достаточно, чтобы их считали какой-то особой, презираемой частью общества.

Значительная часть париев вообще не была «запятнана» какими-либо «оскверняющими» действиями или состояниями. Ведь известно, что многие сэммин были связаны лишь с «чистыми» занятиями в сфере ремесленного производства и торговли. А в период междоусобных войн увеличилось число сэммин, в основном занятых только сельскохозяйственным производством, т. е. тем видом деятельности, которая считалась тогда наиболее почетной.

Собственно, отдельные случаи участия сэммин в сельскохозяйственном производстве отмечались и раньше, но в XVI в., пожалуй, впервые обработкой земли занимались уже иногда целые поселения отверженных. Так, известно, что в 20-х годах земледелием занимались жители поселения отверженных, принадлежавшего храму Дайтоку [65, 86]. В документе, датированном 1584 г., отмечалось поселение сэммин, принадлежавшее храму Киёмидзу Хатиман гу, все жители которого в разной степени были связаны с сельским хозяйством. А парии одного из поселений о-ва Кюсю даже владели небольшими участками пахотной земли. Правда, участки земли, которыми владели земледельцы-сэммин, обычно были меньше, хуже по качеству и расположению, чем у «обычных» крестьян, и земледелие редко становилось для них основным занятием. В деревенскую общину земледельцев-сэммин, как правило, не включали, и в местном управлении они почти не были представлены [см. 65, 86]. Однако, как и «обычные» крестьяне, они привлекались к уплате налогов и отработке различных повинностей, связанных с владением землей, что в конце концов все же открывало некоторым из них дорогу в деревенскую общину и, следовательно, к повышению их социального статуса.

Таким образом, мы еще раз убеждаемся в том, что идея «осквернения» и в этот период была производным элементом явления дискриминации отверженных. Она весьма опосредованно распространялась на значительную часть париев. Практически все сэммин независимо

от степени «осквернения» были поставлены в одинаковые социальные и политические условия существования как единое сословное целое, что достаточно убедительно свидетельствует об одном: сама идея «осквернения» никогда не превращалась в основной источник явления дискриминации отверженных, хотя и играла в нем огромную роль.

Наряду с идейной основой сегрегация париев в какой-то мере определялась, по нашему мнению, также и элементами практической целесообразности, вытекавшими из сравнительно низкого уровня санитарии и гигиены средневекового города. В свою очередь эта практическая целесообразность имела особую идейную основу, определяемую догмами древнейшей религии Японии — синтоизма, — в соответствии с которыми любая грязь для японца обычно ассоциируется со злом, а это, естественно, вызывает нетерпимое отношение ко всем, кто по роду своих занятий обычно связан с грязью (к мусорщикам, могильщикам, бойцам скота и т. д.). Полностью избежать грязи практически невозможно. Но убрать ее с глаз долой — обязательно. Следовательно, и людям, связанным с грязью (т. е. со злом), не место среди «чистых». Такова логика воплощения этих догм в жизнь в обществе. Таким образом, на формирование идейной основы дискриминации отверженных, несомненно, оказали влияние не только буддийские, но и синтоистские представления, причем, очевидно, задолго до проникновения в Японию буддизма. В связи с ними наиболее грязные виды производственной деятельности и самые страшные и неизлечимые болезни локально и социально изолировались, с тем чтобы избежать возможности дальнейшего загрязнения пространства и общества. Так обстояло дело с линией и «меркой» социального размежевания в то время.

Население Японии относилось к сэммин как к единому социальному целому. Однако это вовсе не свидетельствовало об их социальном единообразии. Внутри объединения париев происходили те же социальные процессы, что и во всем японском обществе. Усиление имущественного неравенства способствовало и классовому расслоению сословия париев, которое в XVI в. стало более очевидным.

Об экономическом положении отверженных в рас-

сма­три­вае­мый пе­ри­од име­ют­ся раз­но­об­раз­ные све­де­ния. С од­ной сто­ро­ны, ис­точ­ни­ки от­ме­ча­ют рост э­ко­но­ми­че­ских воз­мож­но­стей и по­ли­ти­че­ско­го вли­я­ния от­дель­ных пред­ста­ви­те­лей сэм­мин. На­при­мер, в Ки­ото боль­шую из­вест­ность по­лу­чи­ла груп­па пе­ре­куп­щи­ков ри­са — вы­ход­цев из сэм­мин; там же еще в пер­вой по­ло­ви­не XV в. круп­ные опе­ра­ции с ри­сом про­из­во­дил не­кий Мон­дзи­ро, ко­то­рый, как по­ла­га­ют, в мо­ло­до­сти был ни­щим, вы­ход­цем из пре­зи­рае­мых со­ци­аль­ных сло­ев [см. 64, 71; 65, 59].

Зна­чи­тель­ная часть пе­ре­воз­ок то­ва­ров, не­об­хо­ди­мых для обес­пе­че­ния нужд сто­ли­цы, осу­ществ­ля­лась сэм­мин. Со­хра­ни­лась за­пись за 1536 г., ко­то­рая фик­си­ру­ет, что ка­ва­ра­мо­но име­ли в Ки­ото свои по­сто­ян­ные транс­порт­ные стан­ции с боль­шим чис­лом бы­ков и ло­ша­дей [68, 215]. Не­сколь­ко быв­ших цу­румэ­со до­би­лись пра­ва ос­но­вать свои тор­го­вые до­ма в Ки­ото и т. д.

Бо­гат­ство от­дель­ных сэм­мин ино­гда обес­пе­чи­ва­ло им воз­мож­ность зна­чи­тель­но по­вы­сить свой со­ци­аль­ный ста­тус и иг­рать ве­сь­ма за­мет­ную роль в об­щес­твен­ной жи­зни стра­ны. В этом от­но­ше­нии чрез­вы­чай­но по­ка­за­те­лен при­мер кар­ье­ры не­ко­е­го Такэ­но Дзё (1502—1555). В до­ку­мен­тах син­то­ист­ско­го хра­ма Агу­ти со­об­ща­ет­ся, что он про­ис­хо­дил из *ка­ва­я* (т. е. из ко­жев­ни­ков-сэм­мин). Такэ­но Дзё на­чал с то­го, что раз­вер­нул круп­ную тор­гов­лю воен­ным сна­ря­же­ни­ем, в по­след­ствии прос­ла­вил­ся как вид­ный де­я­тель на­ци­о­наль­ной куль­ту­ры и сто­ро­ин­ник ее все­мер­но­го раз­ви­тия. В те­че­ние не­ко­то­ро­го вре­ме­ни он яв­лял­ся ад­ми­ни­стра­тив­ным гла­вой про­вин­ции Ина­ба (на се­вер­ном по­бе­ре­жье юж­ной ча­сти о-ва Хон­сю); а его зять был од­ним из са­мых со­стоя­тель­ных лю­дей в г. Са­ка­и [см. 64, 77—78].

Вряд ли от­дель­ные слу­ча­и до­сти­же­ния бо­гат­ства, не­за­ви­си­мо­сти и за­мет­но­го вли­я­ния вы­ход­ца­ми из со­ци­аль­ных низов бы­ли мно­го­чис­лен­ны­ми, но они, не­со­м­нен­но, при­вле­ка­ли к се­бе осо­бое вни­ма­ние и вы­зы­ва­ли не­до­воль­ство пред­ста­ви­те­лей ос­таль­ных сло­ев об­щес­тва, осо­бен­но при­ви­ле­ги­ро­ван­ных. Имен­но об этом сви­де­тель­ствует уже упо­мя­ну­тая за­пись, от­но­ся­щая­ся еще ко вто­рой по­ло­ви­не XV в., в ко­то­рой про­гля­ды­ва­ет оза­бо­чен­ность тем, что тор­гов­цы все бо­лее бо­га­те­ют, а аси­га­ру и ка­ва­ра­мо­но но­сят изыс­кан­ную кра­си­вую оде­жду. Ав­тор этих за­пи­сей при­хо­дит да­же к вы­во­ду, что ста-

рый добрый порядок гибнет [см. 68, 236]. Можно полагать, что извечный мотив скорби об упадке старых добрых устоев имел в данном случае определенные основания и свидетельствовал о значительности процесса социальных перемен, коснувшихся всех слоев общества, в том числе и сэммин.

Наряду с этим некоторые источники называют всех париев XV—XVI вв. нищими. Так, в самом начале XVII в. в Нагасаки были изданы две книги, посвященные проблемам японского языка¹⁵. Они были написаны христианскими миссионерами из Португалии. В них имеются некоторые сведения о положении японских париев XVI в.: большинство сэммин определяются нищими («семь групп нищих». В их состав входили артисты дэнгаку, саругаку, *сасара сэккё*¹⁶, красильщики, кожевники, сапожники и палачи). Кроме того, там приведены сведения о группах сэммин, объединенных и другими названиями — *этта* (так в источнике), *тёри*¹⁷, *каварано моно*, *кавая* и *хинин* [см. 64, 79—81]. Мы думаем, что использованный в этих работах термин «нищие» может свидетельствовать не только о незавидном уровне жизни сэммин, но и об их крайне низком месте в японском феодальном обществе. Иными словами, этот термин имел также и принижающий эмоциональный оттенок.

Нам трудно точно судить об экономических возможностях японских париев в XV—XVI вв. Но с уверенностью можно сказать, что отдельные факты экономического и политического усиления представителей сэммин не говорят об общем подъеме сословия отверженных в период, когда для них появились минимальные благоприятные возможности. Этими возможностями практически смогли воспользоваться лишь очень немногие. Основная же масса сэммин продолжала оставаться в прежнем положении нищих.

О некоторых конкретных деталях повседневной жизни сэммин и отношения к ним представителей других слоев населения могут дать какое-то представление следующие факты.

В материалах феодального дома Мори изложена одна история о взаимных претензиях владетелей Мори и Иноуэ. Суть ее такова. Один торговец, зависимый дома Иноуэ, во время случайной ссоры на рынке был

убит неким каварамоно из владения Мори. Узнав об этом, представитель дома Иноуэ сразу направил военный отряд в селение каварамоно, расположенное на территории Мори, где его солдаты убили совершенно невиновного человека, объявив его соучастником скрывшегося убийцы. Мори заявил протест против этого акта произвола, возмущившись не столько фактом убийства невиновного, сколько вторжением на его территорию [см. 50, 86; 68, 222—223].

Возможно, это событие и не является чем-то чрезвычайным и характерным лишь для положения сэммин в обществе: связанные круговой порукой, коллективную ответственность несли и представители других угнетенных сословий. Здесь поражают лишь острота и неотвратимость реакции: для расправы с соседями убийцы на территорию чужого владения был двинут вооруженный отряд. Необходимо было не быстрое наказание определенного человека, а устрашающая акция по отношению ко всем каварамоно. Причем сам факт убийства торговца и расправы с невиновным каварамоно здесь уже не имел решающего значения. Важно было указать всем каварамоно их место в обществе и внушить необходимую покорность. Таким образом, в данном случае палицо крайние формы политического гнета, направленные на все контролируемое сословие. В глазах феодальной знати дискриминируемая часть населения воспринималась не как общность реальных и разных людей, а как единая и безликая социальная масса.

Объемную и многогранную картину положения отверженных в то время передает рассказ, помещенный в многотомном сочинении «Коё гункан» («Военное зеркало [районов] Коё») ¹⁸, опубликованном в Японии в середине XVI в. Это сочинение посвящено описанию жизни и деятельности владельца провинции Каи — Такэда Сингэна (1521—1573), главным образом его успехов в военной сфере. Однако в нем попутно содержится и множество разнообразнейших сведений, характеризующих некоторые стороны жизни японского общества в XVI в. Правда, относительно достоверности отдельных приведенных в сочинении фактов у японских историков существуют вполне обоснованные сомнения [см. 64, 87—88]. Но ценность этого сочинения заключается не столько в точности воспроизведения события, сколько в досто-

верности передачи духа эпохи. С этой точки зрения факты, изложенные в «Коё гункан», хорошо вписываются в общую социальную ситуацию XVI в.

Суть рассказа сводится к следующему. Один дубильщик кожи в сопровождении своего слуги совершал верхом путешествие по дорогам провинции Каи. Устав, он зашел в приглянувшийся ему придорожный кабачок, где оказался в обществе уже находившихся там трех посетителей. Заказав сакэ, он решил вступить в общий разговор. Во время беседы один из его собеседников случайно понял, что их новый знакомый — дубильщик кожи. Эта новость возмутила всех троих его собеседников, причем настолько, что они тут же жестоко избили его, а хозяину кабачка заявили гневный протест за создавшуюся по его вине оскорбительную для них ситуацию.

Возникший конфликт, потерпевшими в котором считали себя все три стороны (хозяин кабачка, трое посетителей и кожевник-сэммин), рассматривался местным судом, который вынес весьма красноречивое решение. Прежде всего было констатировано, что возмущение трех посетителей кабачка является вполне обоснованным и оправданным. Но и хозяин кабачка, продавая сакэ всем, кто за него платит, бесспорно, тоже прав. Осуждения же, по мнению суда, достоин лишь кожевник, проявивший необоснованное самодовольство и дерзость своим посещением «общего» кабачка. Следовательно, виновной стороной является только он. Далее дополнительно указывалось: если хинин, имея деньги, полагает, что он тем самым может нарушить обязательные для него нормы поведения, то он глубоко ошибается. На основе установленного выше было вынесено чрезвычайно любопытное решение и сделаны далеко идущие выводы, касавшиеся презируемых групп ряда провинций страны.

1. Избиение кожевника в создавшемся положении нельзя считать незаконным самосудом.

2. Хозяин кабачка допустил большую бестактность, выразившуюся в том, что он, получив с кожевника деньги за сакэ, не предупредил о его социальном статусе присутствовавших в зале «благородных» людей. Поэтому он должен принести свои извинения оскорбленным.

3. Кожевника можно на сей раз великодушно простить, за что он должен быть безгранично благодарен. Однако впредь он, как и все представители его сословия, отправляясь в путь, совершенно обязательно должен иметь на своей одежде опознавательный знак — специальную метку из кожи, — чтобы ни у кого из встречных не было никаких сомнений относительно его сословной принадлежности. Каждого нарушителя этого приказа будет ждать жестокая кара: он будет или распят, или заживо сварен в котле.

Таково решение суда, действие которого вскоре было распространено на презируемых, проживавших во всех районах Кан, Уэно и Синано, находившихся во владении упомянутого выше Такэда Сингэна [см. 64, 86—87; 65, 72—73].

Приведенные здесь рассказ и содержание решения местного суда позволяют сделать некоторые существенные выводы о положении париев в XVI в.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что кожевник-сэммин мог стать в то время достаточно состоятельным человеком: он путешествует верхом, хорошо одет и его сопровождает слуга. Далее, по своей одежде он ничем не отличается от «благородных». Следовательно, тогда еще не существовали какие-либо предписанные и обязательные различия в покрое, расцветке или иные отличительные особенности одежды для представителей низших социальных групп. Кожевник-сэммин практически имел возможность непосредственно общаться с самураями и торговцами, что специальными предписаниями, очевидно, еще не запрещалось.

Различные расцветки одежды сэммин объясняются тем обстоятельством, что ее крашением в основном занимались сами представители дискриминируемого меньшинства. А стремление к свободным контактам и к более высокому социальному положению было характерно для большинства богатеющих в то время торговцев и ремесленников, в том числе, естественно, и для жителей бураку.

Изложенные выше факты свидетельствуют о широко распространенном в XVI в. среди знати и «простого народа», особенно среди его состоятельной части, недовольстве «наглостью» отверженных, а также о стремлении поставить их в четкие рамки юридически зафик-

сированных ограничений. Они говорят и о том, что XVI век явился важной вехой на пути усиления дискриминации и сословных ограничений для отверженных.

Во второй половине XVI в. происходила определенная стабилизация положения отверженных, получившая, в частности, выражение и в юридическом фиксировании их сословного статуса. Ранее, на протяжении столетий, сословная структура париев была чрезвычайно многообразной и обладала в разных районах страны своими существенными особенностями [см. 58, 85—98]. Это подтверждается обилием названий отдельных групп отверженных (*сандзё-но тами*, *каварамону*, *тёри*, *хатия*, *эта*, *хинин*, *кавая*, *я-но моно* и т. д.). Однако на протяжении XVI—XVII вв. их социальная структура становилась все более единообразной и четкой и постепенно сводилась к двум основным юридически признанным категориям — *эта* и *хинин*, а остальные группы париев оказались включенными в состав этих объединений [см. 79, 114—117].

Закрепление за двумя основными группами париев именно этих наиболее презрительных и унижительных названий (как известно, *эта* букв. означает «много грязи», а *хинин* — «нечеловек») подтверждает факт усиления сегрегации отверженных и широкого признания их изоляции от «обычного» общества.

Сложившиеся в Японии указанные две группы отверженных были связаны в единое целое своей социальной общностью, хотя их положение характеризовалось и некоторыми существенными различиями. Основное различие определялось разницей комплексов доступных им видов деятельности. В группу *эта* входили отверженные, занятые главным образом физическим трудом: мясники, могильщики, кожевники, красильщики, мусорщики, ремесленники, изготавливавшие изделия из кожи, бамбука, соломы и т. д. *Хинин* в отличие от *эта* в основном не были связаны с производственной деятельностью. Среди них преобладали странствующие артисты, специализировавшиеся в самых различных жанрах, знахари, гадалки, нищие, бродяги и т. д.

Такое разделение сфер деятельности не было ни новым, ни неожиданным явлением в истории низших социальных групп Японии. Оно продолжало старую традицию, находившую в прошлом свое выражение, напри-

мер, в различиях между сандзё-но тами и каварамоно. Разница по сравнению с предыдущей эпохой заключалась в первую очередь в том, что разделение сфер деятельности *эта* и хинин уже закреплялось не только традицией, но и правовыми нормами.

Феодальные власти стремились прочно зафиксировать различия между *эта* и хинин, чтобы усилить противоречия даже внутри одного сословия. Так, *эта* в соответствии с традицией, практическими потребностями феодалов и юридическими нормами чаще всего селились на окраине или за пределами городов. Хинин же получили право проживать в городах. Например, в Нагоя улица хинин была расположена даже в центральном районе города [см. 64, 117].

Процесс противопоставления двух основных групп японских париев в будущем получил дальнейшее развитие и в известной мере стимулировался официальными актами властей. С XVII в. хинин в отличие от *эта* получили формальное право перехода в состав «простого народа» после выполнения некоторых общих условий и совершения обязательного обряда «очищения». В связи с этим улицы и кварталы, населенные хинин, перестали административно исключать из состава тех населенных пунктов, в которые они входили. Районы же, заселенные *эта*, и впоследствии официально не признавались частью города или деревни. Такое пренебрежительное отношение к кварталам париев не было пустой формальностью; практически оно означало, что указанные улицы и районы официально признавались чужеродными элементами в населенных пунктах и на них не распространялись проекты благоустройства, местные субсидии и даже некоторые юридические правила [см. 64, 115]. В этом находил выражение факт непризнания отверженных «обычными» гражданами и людьми, что в XVI в. в равной степени относилось и к *эта* и к хинин.

Несмотря на то что с точки зрения «обычного» общества *эта* и хинин были в одинаковой степени париями, между ними постепенно установилась прочная стена отчуждения. *Эта* не могли стать хинин, и, наоборот, хинин не имели права войти в состав *эта*, поскольку всевозможные социальные различия и граница между ними оказались такими же четкими, как между сэмми

Один из элементов ритуала казни: преступника провозят по улицам города. По приказу феодала казнь производили хинин

в целом и остальным населением страны [см. 79, 118]. Это отчуждение подкреплялось взаимным недоверием и презрением. Представители каждой из этих групп париев считали себя более достойными по своим нравственным качествам и по той роли, которую они играли в общественной жизни страны.

Японские парии существовали как особое социальное явление не только вследствие усилившейся сегрегации, но и в результате их собственных настроений и взглядов, вытекавших из вынужденного стремления к самоизоляции. Это стремление практически было защитной реакцией перед лицом внешнего, враждебного им социального мира. В такой форме внутри сословия отверженных воплощались основные социальные и этические принципы феодального общества.

Несмотря на определенные различия, для всего остального общества эта и хинин составляли единое сословное целое. Их единство нередко подчеркивалось официальными актами, фиксировавшими многие особенности статуса сэммин. Например, все отверженные

юридически были лишены возможности заниматься земледелием. Отдельные случаи их участия в сельскохозяйственном производстве, иногда даже в масштабах целых поселений были исключительным явлением. Поэтому, выполняя разнообразные трудовые и служебные повинности, *эта* и хинин часто оказывались на специальном продовольственном содержании, получая от феодальных властей необходимые пайки. Вместе с тем они вынуждены были прибегать и к различным дополнительным источникам дохода [см. 55, 59]. В связи с этим по-прежнему сохранялся предрассудок: представление о них как о паразитических элементах общества.

Кроме того, в XV и особенно в XVI в. власти стремились более широко использовать и *эта*, и хинин в качестве орудия подавления народа. Поэтому на них в одинаковой степени возлагались унижительные обязанности шпионов, доносчиков, конвоиров, полицейских, тюремщиков и палачей. Это создавало в народе представление о них как о злобных и бессердечных врагах, что еще более усиливало их изоляцию, в том числе и психологическую.

Преимущественное расположение поселений отверженных на окраинах или вблизи городов и деревень объясняется не только дискриминацией и презрением к париям, определенными военно-экономическими нуждами и соображениями гигиены, но и вполне конкретными политическими целями феодальных властей. Сэммин вменялось в обязанность обеспечивать общественное спокойствие и безопасность местной знати, а в случае восстания и нападения крестьян — первыми отбивать их натиск.

Ритуал публичной казни (нередко участника антифеодалного выступления) обычно состоял из трех актов: конвоирования, обезглавливания и публичной демонстрации отсеченной головы в целях устрашения и назидания. Все это обычно осуществлялось в пределах поселений сэммин, и для проведения казни привлекались сотни, а нередко и тысячи жителей бураку [65, 99].

Во второй половине XVI в. в Японию вместе с христианством проникли некоторые представления об избретенных служителями этой религии жестоких пытках и казнях, которые стали внедряться и в местную юриди-

ческую практику. Иногда стали применять новые пытки огнем, распятие, четвертование, распятие вниз головой и т. д. Усовершенствовались и традиционные японские методы наказания. Исполнителями всех этих жестоких способов дознания и казни были *эта*, а чаще всего хинин.

Обязанности палачей, возлагаемые феодальной администрацией на отверженных, логически и эмоционально воспринимались в японском обществе как простое расширение их специфического вида деятельности — от убоя скота до казни человека. При этом палач (как и тюремщик, конвоир, шпион и т. д.) из числа сэммин рассматривался не как доверенное лицо властей, а как бездушное орудие выполнения наказания. Кроме того, в соответствии с распространенной тогда системой идей и представлений совершать «оскверняющие» действия (пытку и убийство уже «оскверненного» преступлением правонарушителя) мог лишь сам «оскверненный». Именно поэтому подобные обязанности возлагались на отверженных.

Карательные обязанности сэммин предполагали также и возможность привлечения отверженных к участию в подавлении восстаний крестьян и горожан. Например, известно, что их использовали для подавления бунтовавших сторонников сект нитирэн¹⁹ и хоккэ²⁰ [см. 68, 214].

Таким образом, к концу XVI в. образовались новые поселения отверженных, сложились некоторые специфические формы их существования, которые стали характерными для последней модификации японских париев — буракумин — на протяжении всей их дальнейшей истории. К концу XVI в. результаты процесса развития низших социальных групп были закреплены юридически, и отверженные оказались официально выделенными в особую сословную группу.

В XV—XVI вв. в системе социальной идеологии японского феодального общества стали наблюдаться некоторые колебания. Ранее сословные взаимоотношения исходили по преимуществу из принципов, основанных на землевладении. Но в рассматриваемое время на формирование социальных оценок все большее воздействие начало оказывать наличие или отсутствие капитала, богатства, независимого от владения землей. А это, по

существо, было показателем ослабления всей сословной системы. Именно в этом кроется одна из причин постепенного усиления мер феодальных властей, направленных на закрепление сословных перегородок. Эти меры в отношении отверженных, в частности, выразились в том, что в XVI—XVII вв. в масштабе отдельных владений и всего вновь централизованного государства широко внедрялись юридические акты, имевшие своей целью локальное и профессиональное закрепощение сэммин: им запрещалось менять место жительства и вид занятий. Изоляция от «простого народа» закреплялась множеством бытовых ограничений, регламентирующих все стороны жизни париев.

Буракумин — новая модификация явления дискриминации отверженных и закономерный результат эволюции существовавших в стране социально-экономических отношений. Объединения буракумин стали очередным звеном в цепи развития явления дискриминации в Японии. И практически эта группа пополнялась не только разорившимися представителями более высоких сословий, туда попадали также бывшие каварамоно и потомки других категорий отверженных прошлого [см. 39, 59].

Но наследственная связь между сменявшими друг друга низшими социальными группами и в этом случае выражалась не только так непосредственно. Она проявлялась и в сохранении многих традиционных хозяйственных, правовых и идейных форм их существования. Например, создаваемые в XVI—XVII вв. поселения бураку были призваны удовлетворять определенные потребности в некоторых изделиях ремесла, особенно в военном снаряжении. Мы знаем, что в древней Японии уже имелись социально-профессиональные группы, перед которыми ставились те же задачи. Это — дзакко и томобэ. Юридические нормы и предрассудки, регламентировавшие жизнь буракумин, явились развитием правовых и социальных идей, определявших положение низших слоев японского общества еще в далеком прошлом (дзакко, томобэ, каварамоно, сандзё-но тами и др.).

Таким образом, рассматривая историю последовательно сменявших друг друга низших социальных групп Японии, мы тем самым проследили процесс развития одного общественного явления — дискриминации отвер-

женных. Мы убедились в том, что в обществе, где сохраняются и постоянно увеличиваются социально-экономическое неравенство, разобщенность и подавление отдельных его частей, неизбежно возникают и воспроизводятся группы, части общества, дискриминируемые по какому-либо «подходящему» признаку.

Возникновение в Японии низших социальных групп способствовало распространению соответствующей системы правовых и идейных воззрений. Сложившиеся и веками сохранявшиеся традиции и предрассудки были зафиксированы в юридической системе и регламентациях эпохи Токугава (1603—1868). Созданием объединений буракумин завершился определенный этап длительного и сложного процесса эволюции явления дискриминации отверженных в Японии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При рассмотрении одного из наименее изученных вертикальных срезов истории развития японского общества до XVII в. — истории дискриминации париев — мы убедились в том, что процесс увеличения экономического неравенства, сословного и классового антагонизма постепенно привел к преобразованию низших социальных групп в объединения «классических» париев. Линия раздела между ними и остальным населением определялась не только юридическими актами властей, но и прочно укоренившимися в народе традициями и предрассудками. Однако сама эта линия не имела четко выраженного идейного обоснования, хотя во все времена она воспринималась народом вполне отчетливо. Действительно, в Японии, как известно, никогда не существовали расовые, национальные, религиозные и даже значительные профессиональные различия между отверженными и остальным населением. Чем же определялась линия социального размежевания в средние века и что являлось тогда опознавательным признаком и идейной основой дискриминации?

В далекие времена реформ Тайка положение низших социальных групп (сэммин) было зафиксировано юридическими нормами, на основании которых и существовало жесткое деление общества. Восприятие и оценки такого деления населением были связаны прежде всего со сложившейся социальной иерархией.

В XII—XV вв. возможность и «обоснованность» дискриминации и презрения части населения базировались уже в значительной мере на буддийских представлениях об «осквернении» «грязью» смерти и крови. Но практически эти представления даже в период своего наибольшего распространения не могли быть отнесены ко всем париям, поскольку в категорию отверженных всегда входило большое число лиц, которых по роду их

деятельности нельзя отнести к «оскверненным», например строители, оружейники, паромщики, артисты, ремесленники, производившие изделия из бамбука, солом, и т. д. Многие отверженные занимались сельскохозяйственным производством, т. е. вполне почетной и достойной работой.

В случае же необходимости феодальные власти возлагали выполнение всех «грязных» дел (захоронение, убой скота, охрана и наказание преступников и т. д.) на представителей и этих категорий париев. Такое отношение к ним свидетельствует только о том, что дискриминация части населения вызывалась в первую очередь наследственной принадлежностью к низшей социальной группе, а не буддийскими представлениями об «осквернении», которые превратились скорее в традиционный предрассудок.

По нашему мнению, вывод о том, что дискриминация париев в Японии явилась результатом постепенной трансформации низших слоев общества в объединения «людей второго сорта», способствует пониманию сущности линии резкого социального размежевания и роли унижительных предрассудков в жизни общества. Граница между отверженными и остальным населением была проложена растущим социальным размежеванием, которое на протяжении истории закреплялось традициями, догмами и предрассудками сословного, национального, профессионального, религиозного и политического характера. На каком-то этапе развития явления дискриминации на передний план вышли презрительные представления-стереотипы, за которыми, однако, всегда стояла четкая социальная структура японского общества, и именно она определяла подлинные рамки дискриминируемых объединений.

Таким образом, для населения внешним признаком сегрегации париев стали возникшие на базе социального размежевания локальные ограничения и специфические повинности, подкрепленные менявшимися по своему содержанию идейными принципами. А с течением времени особое отношение к отверженным превратилось в устойчивую социальную традицию, для которой даже ее идейное обоснование перестало играть какую-то роль.

Здесь нам целесообразно отметить также некоторые весьма актуальные, по нашему мнению, задачи, без

решения которых дальнейшее изучение истории японских париев может оказаться чрезвычайно затрудненным. Они могут быть выражены такими вопросами. Почему низшие социальные группы Японии развивались в форме самостоятельного сословия? Почему в Японии «классический» тип дискриминации париев сложился лишь в результате длительного, многовекового процесса эволюции низших социальных групп? Почему этот долгий путь развития был столь запутанным и зигзагообразным, имел свои подъемы и спады?

Трудность решения этих задач (как и многих других проблем темы) определяется как особой сложностью самого явления дискриминации париев, так и сравнительной малоизученностью некоторых смежных с ним сторон жизни японского общества.

Затруднения, связанные с самой проблемой, выражаются в том, что японский вариант дискриминации париев обладает рядом таких специфических черт, которые, особенно в глазах европейского исследователя, могут представить его каким-то исключительным, характерным лишь для Японии явлением. Мы здесь имеем в виду не только отсутствие четких внешних отличий (расовых, национальных, религиозных и т. д.) дискриминируемого меньшинства от остальных японцев. Специфичным для Японии было также и постепенное исчезновение с ее исторической арены одних социальных групп, подвергавшихся особой дискриминации, и замена их другими объединениями париев. Существенно было и то, что объединения отверженных всегда относились к отдельному сословию, внутри которого, однако, никогда не было сословного единства, поскольку его части всегда были резко противопоставлены друг другу. На первый взгляд кажется парадоксальным: также и широкое привлечение париев к реализации важнейшей функции государственного аппарата: к участию в подавлении разнообразных, главным образом крестьянских, антифеодальных выступлений, к выполнению некоторых полицейских функций (соглядатаев, доносчиков, конвоиров, тюремщиков, палачей и т. д.).

Однако все это своеобразие не может как-то обособить японских париев от характерного для истории многих стран явления дискриминации отверженных. Отмеченные специфические черты были лишь формой во-

площения данного явления в Японии. Для изучения подлинных истоков их развития и правильной оценки зависимости между сущностью и формой сегрегации париев в Японии необходимо понимание основных общих закономерностей развития явления. К сожалению, до настоящего времени в общетеоретическом плане оно изучено довольно слабо, что, в частности, объясняется его необыкновенной сложностью. Пожалуй, в большей степени, чем многие другие исторические явления, дискриминация париев возникает и существует лишь в результате теснейшего взаимодействия комплекса самых разнообразных сил — социальных, экономических, политических и т. д. И хотя в разных странах относительная роль этих сил на протяжении истории менялась, все они всегда настолько переплетались, что при анализе явления дискриминации обычно бывает крайне трудно выделить в нем главное.

Проблема дискриминации отверженных, больше чем любая другая социальная проблема, в течение длительного времени во многих странах была объектом политических спекуляций и научных извращений. Подобные извращения становились возможными даже при сравнительно небольшом смещении акцентов, при котором в качестве основных выдвигались второстепенные аспекты явления, чаще всего — психологический. В связи с этим, по существу, оправдывались разнообразные предрассудки, всегда сопутствующие явлению сегрегации, и тем самым (например, в работах А. Гобино и Х. Чемберлена) обелялся тезис о «моральной обоснованности» и даже «неизбежности» дискриминации определенной части населения по расовому, национальному, религиозному или какому-либо иному чисто внешнему признаку [см. 77а, 82а].

Отмеченная сложность проблемы, имевшие место ее извращения и политическая заданность в подходе к ее изучению всегда мешали конкретному анализу и общетеоретическому осмыслению процесса сегрегации париев.

Затруднения в исследовании многих аспектов японского варианта дискриминации париев определяются также и тем, что из-за недостаточности и разрозненности имеющихся источников общую картину его истории мы все еще видим как в перевернутый бинокль — при-

близить и рассмотреть многие ее детали мы пока, к сожалению, не в состоянии.

Сложности в решении отмеченных выше задач находятся и за пределами круга проблем, которые составляют историю низших, презираемых объединений Японии. Так, например, задавшись целью ответить на вопрос о причинах развития низших социальных групп феодальной Японии в рамках особого сословия, мы сталкиваемся с довольно невысоким уровнем изученности сословий в целом. Специальных общих работ, посвященных этим проблемам, написано крайне мало. А история японских социальных низов, составлявших по существу особое сословие, под этим углом зрения почти не рассматривалась¹. Основные этапы истории сословия париев в общих чертах сводились к следующему. Во второй половине VII в. все население Японии официально было разбито на две неравные части: на сословие рё (достойные, полноправные граждане) и сословие сэн («подлые», лишенные прав). Впоследствии оба этих сословия постепенно претерпели значительные внутренние и внешние изменения, результаты которых были зафиксированы реформами XVI—XVII вв. Сословие рё распалось на четыре части: *си* (военная знать), *но* (крестьянство), *ко* (ремесленники) и *сё* (купечество). Наследники же бывших сэн вообще оказались исключенными из состава «простой народ» (хэймин) и «народ» (комин), а их социальный статус даже не был особо определен. Именно это явилось внешней канвой процесса превращения низших социальных групп в объединения «классических» париев, которые в период Токугава (1603—1868) практически составили незафиксированное пятое сословие страны.

Рассмотрение истории японских париев в таком ракурсе не должно изолироваться от исследования основных закономерностей социального, политического и экономического развития остальных сословий, поскольку отверженные являются неотъемлемой частью всего народа. Только такое широкое изучение проблемы может дать более полную картину истории сэммин.

Выяснить причины длительности формирования и крайне сложного пути развития явления дискриминации в Японии возможно лишь на базе изучения истории феодального крестьянства, поскольку особенности по-

ложения земледельцев и париев в каждую эпоху были в наибольшей степени связаны и взаимообусловлены. Однако во многих наших и зарубежных общих курсах истории Японии крестьянство представлено однородной массой с единой тенденцией развития — бесконечного усиления его закрепощения и социальной деградации.

На самом же деле история японского крестьянства не была однозначным и прямолинейным процессом, она имела свои подъемы и спады — от полного закрепощения в период надельной системы произошел постепенный переход к структуре сёэнов, когда ведущей в положении крестьянства стала тенденция децентрализации. Это привело к некоторому усилению части сельских хозяев в экономическом, политическом и военном отношении, что давало им возможность, опираясь на общинную организацию, в течение длительного времени оказывать упорное и эффективное сопротивление настойчивым попыткам феодалов вновь закабалить их. Именно поэтому основной задачей централизованного феодального государства, созданного в конце XVI в., стало обезоружение и новое закрепощение крестьян. Только на этом фоне особенности положения низших социальных групп Японии теряют свою исключительность и могут найти свое логическое объяснение.

В свою очередь отмеченные перемены в положении японского крестьянства на протяжении многих эпох нельзя понять без выяснения социальных, политических, экономических и юридических особенностей сменявших друг друга систем землевладения — надельной, сёэнов и владений даймё. Таким образом, затрагивая какой-либо один, на первый взгляд частный, вопрос темы, мы неизбежно сталкиваемся со множеством сложных взаимосвязанных проблем, относящихся к разным сферам истории японского общества, истории феодализма.

Достигнутый в Японии уровень изучения истории париев осветил почти неизвестные в прошлом грани общественного развития страны, позволил ответить на многие вопросы темы и значительно расширил наши общие представления о дискриминации отверженных. И вместе с тем перед исследователями проблемы встали новые сложные задачи, наметился еще один участок пути, который им надо преодолеть. Но в этом, в частности, и выражается прогресс любого исследования.

Предисловие

¹ Бураку (или токусю бураку) — поселок (специальный поселок); буракумин (жители бураку) — так называют дискриминируемую в настоящее время часть населения Японии.

² В полуофициальных кругах такое положение обычно объясняется тем «реальным» обстоятельством, что любой руководитель из числа буракумин якобы не может пользоваться доверием и уважением подчиненных, а это неизбежно наносит ущерб делу.

³ 1 тан равен 0,1 тё земли; 1 тё равно приблизительно 1 га.

⁴ Около 55% всех сельских хозяев Японии владеют в настоящее время участками земли от 0,5 до 3 тё [см. 33, 39].

Глава I

¹ Сёгун — полководец, генерал. Впервые этот титул был пожалован в VIII в. военачальнику, посланному на усмирение эбису. С XII в. — фактические правители Японии, действовавшие от имени императоров.

Эбису (букв. «варвары») — так называли всех аборигенов северной части Японских островов, главным образом айну.

Айну — племена, проживавшие на северо-востоке о-ва Хонсю, на о-ве Хоккайдо и окружавших их мелких островах.

² Фудоки — историческое и географическое описание провинций Японии.

³ «Кодзики» («Записи дел древности») — один из первых письменных памятников Японии (712 г.). Состоит из трех томов: первый том содержит мифы, легенды и предания; второй — рассказы о героях; в третьем изложена родословная императоров.

⁴ Сэммин (букв. «подлые», «презираемые») — юридически выделенное в VII в. особое социальное объединение в системе Тайка (645—650 гг.); впоследствии стало общим названием низших презираемых групп Японии.

⁵ Кудара (кор. Пэкчэ) — одно из древних корейских государств, покоренное японцами. Многие его выходцы поселились в районе провинции Сэтцу, расположенной в юго-западной части о-ва Хонсю (ныне район Осака).

⁶ Хоаси Банри занимался также экономикой, медициной, астрономией, физикой.

⁷ Бунго — владение, расположенное в северо-восточной части о-ва Кюсю.

⁸ «То сэн фу рон» (кит. «Цянь фу лунь») — политический трактат

критического содержания, изданный в древнем Китае. Автор — Ван фу (76—157).

⁹ Эдзо — старое название о-ва Хоккайдо; древнее название племен айну.

¹⁰ Кага — провинция, расположенная на западном побережье центральной части о-ва Хонсю.

¹¹ Сано Манабу — ученый, специалист в области политической экономии; в течение многих лет сотрудник частного университета Васэда в Токио.

¹² В 1940 г. распушена; в 1946 г. воссоздана под названием «Бураку кайхо дзэнкоку нинкай» («Национальный комитет освобождения бураку»); с 1955 г. — Бураку кайхо домэй (Союз освобождения бураку).

¹³ Такахаси Садааки (1905—1935) — активный деятель коммунистического движения, один из руководителей Дзэнкоку суйхэйся. В апреле 1929 г. был арестован, в тюрьме тяжело заболел; вскоре после освобождения из тюрьмы умер.

¹⁴ В какой-то мере это характерно для работы Такахаси Садааки — «Токусто бураку си» [см. 55].

¹⁵ В связи с этим еще задолго до войны возник существующий до настоящего времени термин *дова кёйку* (букв. «гармоническое воспитание»), определяющий одно из направлений движения за полное решение проблемы отверженных — уничтожение сегрегации путем правильного воспитания масс.

¹⁶ С такими утверждениями выступал, например, проф. Татикава Сэйдзиро. Этот тезис подверг критике Ватанабэ Хироси [см. 39; 6].

¹⁷ Здесь указаны лишь основные низшие социально-профессиональные объединения. Кроме них имелось множество менее значительных групп, анализ положения которых не входит в нашу задачу.

¹⁸ Это обстоятельство в известной мере отразилось даже на многих принятых в настоящее время специальных наименованиях: институтов — Бураку мондай кэнкюдзё, Бураку кайхо кэнкюдзё; журналов — «Бураку», «Бураку мондай кэнкю» и т. д. Таким образом, в Японии явление дискриминации чаще всего определяется термином «бураку мондай» («проблема бураку»).

¹⁹ Сэнгоку — период междоусобных войн (1467—1568 гг.).

²⁰ В журналах «Бураку» и «Бураку кайхо» часто печатаются художественные произведения, посвященные этой проблеме. В 1966 г. было опубликовано второе издание документальной повести Кобаяси Ая «Бураку-но дзёи» («Врач из бураку»). В 1969 г. на Шестом московском международном кинофестивале демонстрировался японский фильм «Река без моста», посвященный проблеме париев.

²¹ Например, о характере деления общества на две категории: «достойный» — «подлый» («good» — «base»), об особенностях положения *эта* и *хинин* и т. д. [см. 79, 120—121].

Глава II

¹ Это обстоятельство подчеркивают японские исследователи [см., например, 73, 15].

² Некоторые аспекты дискуссии по данной проблеме рассмотрены Уэда Масааки [см. 62].

³ Сборник старинных японских хроник из 30 книг; составлен в 720 г.

⁴ Китайские хроники периода династии Поздняя Хань (25—250 гг.), продолжение — «Хань шу» («История династии Хань»).

⁵ Китайские хроники династии Сун (420—479 гг.), состоящие из 100 книг. Написаны Шэн Юэ (502—557).

⁶ Официальное историографическое описание трех корейских государств — Силла, Пэкчэ и Когурё. Составлено придворным корейским историком Ким Бусиком в первой половине XII в.

⁷ Ва (или вэ) — название Японии и ее народа в древних китайских и корейских сочинениях.

⁸ Кумасо — древние обитатели северной части о-ва Кюсю, переселившиеся туда с островов Южных морей.

⁹ Обито и сэйко — это перевод на японский язык китайских терминов *тайжэнь* (букв. «большой человек») и *шэнкоу* («живая душа»).

¹⁰ Сусаноо — синтоистский бог бури, старший брат Аматэрасу. Аматэрасу (Аматэрасу омиками) — богиня солнца (и света). В национальной мифологии считается прародительницей японцев.

¹¹ См. стр. 21 и сноску 16 к первой главе данной книги.

¹² В то время в Японии еще не было своей письменности и для всех форм официального и хозяйственного делопроизводства использовался китайский язык. Именно поэтому для японской знати китайские писцы, юристы и учителя представляли большую ценность.

¹³ Бэ — объединения из крестьян, рыбаков и ремесленников, находившихся до реформы Тайка в зависимости от императорского двора и знати. Их чаще называли «бэ-но тами», т. е. «люди бэ», «народ бэ». Полные наименования этих объединений происходили от названий рода-господина, местности их расселения или же основной профессии.

¹⁴ Тайка («Великое добродетельное правление»; букв. «большие перемены») — девиз правления (645—650 гг.) императора Котоку. То же название получила и серия реформ, проведение которых было начато при императоре Котоку, а завершено при его потомках, 56 лет спустя, в 701 г. Общий свод этого законодательства получил название «Тайхо рицурё» (сокр. «Тайхорё») — «Кодекс (уголовный и гражданский) годов Тайхо» («Великое сокровище») — девиз правления (701—704 гг.) императора Момму.

¹⁵ Идэн — земли, распределявшиеся между представителями высокопоставленной знати. Их размеры зависели от ранга и составляли от 40 до 80 тё; от налогов не освобождались. Вначале их жаловали пожизненно, а с IX в., как правило, навечно.

Сикидэн — земли, которые по системе Тайхорё выдавались в пользование наиболее высокопоставленным государственным чиновникам: министрам, наместникам провинций и т. д. В случае лишения должности земли отбирались.

Сидэн — пожалованные земли. В VIII—IX вв. выдавались в пользование за особые заслуги в политической или военной сфере. Их размеры могли достигать нескольких сот тё. Они также явились основой создания сёэнов.

¹⁶ Комин (букв. «народ, находящийся в подчинении императора») — податное сословие, члены которого считались основными гражданами государства.

¹⁷ «Энги сики» («Уложения годов Энги») — собрание регламентаций, касающихся самых различных сторон общественной и политической жизни Японии. Состоит из 50 книг. Работа над сборником

велась в основном в годы Энги (901—923), откуда и название; завершилась в 927 г.

¹⁸ Эта теория критически рассмотрена Уэда Масааки [см. 62, 63—66].

¹⁹ Кинки — общее название нескольких провинций, расположенных между Киото и Осака.

Глава III

¹ Суть этих дискуссий, в частности, изложена в работе Ватапабэ Хироси [см. 39].

² Все вновь возникавшие впоследствии низшие дискриминируемые социальные группы Японии также часто назывались сэмин.

³ Мусаси — провинция, расположенная к северу от Эдо; Уэно — главный город провинции Ига, находившейся южнее оз. Бива; Кан — провинция, раскинувшаяся на западе от Эдо.

⁴ Бандитами, грабителями и бродягами власти называли беглецов, добывавших себе средства к существованию разными способами, часто разбоем.

⁵ Япония в этом отношении, естественно, не была исключением. Бегство крестьян и их жестокие преследования (вплоть до попыток поголовного истребления бродяг) — характерная черта многих средневековых феодальных государств [см. 17, 116].

⁶ Сёэн — в VIII—IX вв. владения, пожалованные императором своим приближенным. Их владельцы назывались «сёдзи». Они получали право только на продукты владений, земля же оставалась собственностью императора, хотя налогами и не облагалась. Постепенно, с ростом числа сёэнов усиливалась независимость сёдзи, и земля становилась их собственностью.

⁷ Мё дэн (букв. «именные земли») — участки целины, передававшиеся в личную собственность тем, кто ее обрабатывал. Их владельцы назывались мёдзи.

⁸ Центральная провинция древней Японии; главный город — Киото (Хэйан).

⁹ Гокинай — общее название пяти провинций (Ямасиро, Ямато, Кавати, Сэтцу и Идзуми), расположенных вблизи древней столицы Хэйан.

¹⁰ Дзито — до XII в. управляющий владением высокопоставленного государственного чиновника, затем — глава сёэна.

¹¹ Хатиман гу — храмы, посвященные богу войны.

¹² Это выразилось, в частности, в появлении новых презрительных названий жителей сандзё.

¹³ Сакэйки — слог «са» — сокращение от названия титула автора — Садайзин (левый министр), а «кэй» — от его имени. Это произведение представляет собой дневники политического деятеля эпохи Токугава — Минамото Цунэсэри (1645—1699), в которых, в частности, содержатся исторические материалы, относящиеся к XI в.

¹⁴ Амарибэ (или амарубэ) — так называемые избыточные поселения. Их статус был определен еще в VII в. Если в каком-либо поселении оказывалось более установленных нормой 50 дворов, они выделялись в амарибэ.

¹⁵ См. стр. 36—37 данной книги.

¹⁶ Полное название — «Вамё руйдзю сё»; составлялся в 931—937 гг.

¹⁷ Термин «табу» используется здесь условно, как аналогия тех магических запретов, которые существовали в первобытных общинах.

¹⁸ Полное название — «Кондзяку моногатари сю»; литературный сборник из 31 книги. Составлен в XII в. Включает 1040 индийских, китайских и японских буддийских и светских сказаний, в которых содержатся сведения по истории, этнографии и социальным отношениям.

¹⁹ В настоящее время, когда демократические силы Японии пытаются наметить наиболее эффективные меры борьбы против сохраняющейся в стране дискриминации отверженных, этот вопрос на первый взгляд второстепенный, несколько неожиданно превратился в чрезвычайный острый. Дело дошло до того, что в связи с разгоревшейся полемикой движение за освобождение жителей барака оказалось расколотым на два непримиримых лагеря. Сторонники одной точки зрения полагают, что дискриминация отверженных в современной Японии — это в основном пережиток прошлых эпох, который может быть преодолен терпеливым воспитанием всего населения, особенно подросткового поколения. Сторонники другой точки зрения утверждают, что явление дискриминации отверженных в нынешней Японии определяется не только традициями, но и существующими конкретными социально-экономическими и политическими условиями. Поэтому, полагают они, меры научного и честного воспитания почти ничего не дадут. По их мнению, необходимо такое радикальное переустройство общества, которое исключит из его жизни всякую материальную и идейную базу дискриминации отверженных.

Глава IV

¹ Гион-но ясиро — наиболее популярный храм в Киото, посвященный богу Сусаноо.

Энряку дзи — буддийский храм, построенный в годы Энряку (782—805). В 1571 г. по приказу Ода Нобунага (1534—1582) был сожжен. Восстановлен в период Токугава.

Тодай дзи — буддийский храм, воздвигнутый в 728 г. в Нара. В 746 г. в нем была установлена огромная статуя будды Вайрочаны (Дайбуцу).

Кофуку дзи — могущественный буддийский храм в Нара. Построен в VII в. Сохранил влияние до конца XVI в.

² Ко к у — мера емкости, равная 180,4 л; 1 коку риса весит около 150 кг.

³ Исэ — одна из провинций в Центральной Японии, на юго-восточном побережье о-ва Хонсю. Синтоистский храм провинции Исэ наиболее знаменит и почитаем в стране.

⁴ Букв. «Храм холма синей воды». Расположен на холме Киёмидзу к востоку от Киото. Построен в конце VIII в.

⁵ Хи б а т и — специальная жаровня, которая служит главным образом для обогрева помещения.

⁶ Г э т а — японская деревянная обувь.

⁷ В а р а д з и — соломенные сандалии.

⁸ Простой народ, или народ (комин, или хэймин) — широкая сословная социальная категория. Охватывала основную часть населения страны: крестьян, ремесленников и торговцев. Презирае-

мые социальные группы составили особое сословие, отделенное от «народа» широкой пропастью предрассудков и юридических норм.

⁹ Естественно, этот процесс не был исключительным, характерным лишь для истории цеховых объединений сэммин, он происходил в рамках всего общества и коснулся для разных слоев хэймин.

¹⁰ Мисо — густая масса из перебродивших соевых бобов. Используются для приготовления супов и в качестве приправы.

¹¹ Сёю — вид соевого соуса.

¹² Оми — провинция, расположенная в центральной части о-ва Хонсю, вокруг оз. Бива; главный город — Оцу.

¹³ Сэндзу мандзай (букв. «тысяча осеней, десять тысяч лет»). Начальные слова пожеланий, с которыми определенные группы сэммин обращались к соседям, обходя их дома в начале каждого нового года. При этом они разыгрывали и различные праздничные сценки. Так стали называть и исполнителей представлений.

¹⁴ Бива хоси (букв. «монахи с бива») — бродячие монахи-сказители, чаще всего слепые. Бива — разновидность четырехструнной лютни, завезенной в VIII в. из Китая.

¹⁵ Военно-феодалная эпопея о междоусобной войне конца XII в.

¹⁶ Описание событий годов Хэйдзи (1159—1160), состоящее из трех книг. Возможно, продолжение «Хогэн моногатари».

¹⁷ Повествование о военных событиях периода Хогэн (1156—1159), состоящее из трех книг; время создания — первая четверть XIII в.

¹⁸ Одно из самых значительных историко-литературных произведений средневековой Японии, созданное в XIV в. Повествует о междоусобных войнах в районе Киото и о наступившем после них мире (изложены события 1318—1368 гг.). Состоит из 40 книг. Автор — Кодзима.

¹⁹ Фуэ — разновидность флейты.

²⁰ Тэнно дзи — древнейший буддийский храм, построенный во второй половине VI в. Ныне находится в черте г. Осака.

²¹ Кусэмаи — представление с песнями и танцами типа дэнгаку.

²² Сямисэн — японский струнный музыкальный инструмент.

²³ Работа в этом направлении только начинается, детальный и научно обоснованный анализ социального аспекта развития японского театра еще предстоит. Поэтому в настоящее время можно констатировать лишь сам факт преемственности в процессе развития театрального искусства. Однако, как мы уже отмечали, о подлинном объеме участия сэммин в этом процессе пока говорить преждевременно.

²⁴ Имеющийся материал пока не дает достаточных оснований для широких обобщений такого плана. Однако поиск в этом направлении, бесспорно, необходим, поскольку он может в определенной степени способствовать анализу социальной истории Японии в целом.

Некоторые японские исследователи придают этой стороне проблемы дискриминации отверженных особое значение, полагая, очевидно, что установление положительного вклада сэммин в дело национального прогресса может явиться важным дополнительным аргументом против их сегрегации (сохраняющейся и в настоящее время). Эмоциональный фон такого отношения к исследованию вполне объясним. Но если подходить к делу логически, то следует

констатировать, что и полное отсутствие соответствующих сведений, естественно, не сделало бы дискриминацию отверженных более справедливым и оправданным общественным явлением.

С другой стороны, выяснение родословной артистов, художников, политических деятелей вызывает интерес и потому, что длительная история японских париев для нас почти не персонифицирована. Материалы прошлого сохранили крайне мало имен ее героев и творцов. Пожалуй, лишь изучение истории участия японских париев в развитии национальной культуры позволяет высказать более конкретные суждения в этом плане.

²⁵ Ряд творений выдающихся мастеров искусства сохранился до настоящего времени. Они стали достоянием общенациональной культуры. Например, драматургические произведения писателя Дзэ-ами, картины и стихи поэта Ноами, великолепный парк храма Гинкаку дзи.

²⁶ Гинкаку дзи — Храм серебряного павильона. В 1473 г. к востоку от Киото был построен павильон. К работам по его сооружению были привлечены наиболее выдающиеся мастера. В конце XV в. этот павильон был превращен в храм.

²⁷ Асигару (букв. «легконогий») — пехотинец, солдат-самурай низшего ранга в войске даймё.

²⁸ Такасима — крепость в провинции Синано, расположенной в центральной части о-ва Хонсю.

Глава V

¹ Самураи — воины. Сначала, с IX в., так называли тех людей (часто крестьян), которых привлекали к охране представителей знати; они получали за это определенные политические и экономические привилегии. Впоследствии это название стало общим для всей военно-служилой знати.

² Сюго сёку — созданная в конце XII в. административная должность, помощники кокуси (глав провинций). Ведали финансовыми, военными, юридическими и другими делами провинций. К концу XV в. из них стал формироваться высший слой феодальной знати — даймё.

³ Камакура — небольшой город, расположенный к юго-западу от Эдо. В 1192—1333 гг. (эпоха Камакура) был резиденцией сёгуна.

Муромати — район Киото, в котором была расположена резиденция сёгунов Асикага. Период Муромати — 1392—1490 гг.

⁴ Японские исследователи проблемы дискриминации несколько преувеличивают значение этого явления в своем стремлении доказать, что даже представители сэммин иногда добивались довольно высокого социального и политического положения и играли, следовательно, весьма видную роль в общественной жизни страны. Такие факты рассматриваются ими обычно также и как дополнительный аргумент против обоснованности дискриминации париев.

⁵ Буси — воин.

⁶ Текст указа см. [84, 402—403].

⁷ Гонингуми — объединения из пяти соседних дворов. Низшая административная единица в населенных пунктах Японии, члены которой были связаны круговой порукой. На основе старых образцов система пятидворок была повсеместно введена в Японии в XV—XVII вв.

⁸ Впечатляющую картину педантичной регламентации всех сторон жизни миллионов людей в феодальной Японии (эпохи Токугава) дают материалы, помещенные в сборнике «Документы по истории японской деревни» [см. 12].

⁹ Миура Кэйити приводит таблицу, содержащую некоторые сведения о купле-продаже земли сэммин в XVI в. по отдельным районам страны [см. 50, 79].

¹⁰ *Кава-та* — одна из групп жителей особых поселений. Имеются и другие названия — *кавая*, *кавасаку* и т. д. Этот термин стал употребляться с XVI в.

¹¹ Мацудзака — крепость в провинции Исэ, построенная в 1570 г.

¹² Канадзава — главный город провинции Кага.

¹³ Однако это вовсе не означает, что таким образом оказались зафиксированными все возникшие в то время поселения отверженных. В действительности их, несомненно, было значительно больше.

¹⁴ *Ха-ори* — верхнее короткое кимоно; принадлежность японского парадного, выходного костюма.

¹⁵ Названия этих книг: «*Arte da Lingoa de Japan*» («Искусство японского языка»), «*Vocabulario da Lingoa de Japan*» («Словарь японского языка»).

¹⁶ *Са-са-ра сэ-ккё* — исполнители сентиментальных песен.

¹⁷ *Тё-ри* — глава административного управления в храмах, начальник. Наполненное презрительным, ироническим содержанием, это слово примсылось и для определения групп париев.

¹⁸ Написано Косака Дандзё (1526—1578) — воином из дружины Такэда Сингэна.

Коё — название южной части провинции Каи.

¹⁹ *Нитирэн* (или *нитирэн сю*) — буддийская секта, основанная монахом Нитирэн (1222—1282). Первоначальное название — *хоккэ сю* (секта *хоккэ*, т. е. секта сутры лотоса). Ее последователи отличались наибольшим религиозным фанатизмом.

²⁰ *Хоккэ кё* — название буддийской сутры, которая явилась основой одного из ответвлений секты *нитирэн* — *хоккэ*. Идейные разногласия внутри секты *нитирэн* привели к XVI в. к ожесточенным столкновениям: в 1536 г. тысячи представителей секты *хоккэ* напали в Киото на сторонников учения *нитирэн* и разгромили их храмы.

Заключение

¹ Правда, в последнее время японские исследователи стали обращать внимание и на эту сторону проблемы [см., например, 62, 64].

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

1. Маркс К., Критика политической экономии (Формы, предшествующие капиталистическому производству),— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 46, ч. I.
2. Ленин В. И., Реакция начинает вооруженную борьбу,— Полное собрание сочинений, т. 13.
3. Ленин В. И., Законопроект о национальном равноправии,— Полное собрание сочинений, т. 25.
4. Ленин В. И., Национальное равноправие,— Полное собрание сочинений, т. 25.
5. Ленин В. И., О праве наций на самоопределение,— Полное собрание сочинений, т. 25.

ИСТОЧНИКИ

На восточных языках

6. Бураку си-ни кан-суру соготэки кэнкю (Комплексное изучение истории бураку), т. I, 1955; т. II, 1956; т. III, 1962; т. IV, 1965, Токио.
7. Кодзики (Записи дел древности), с комм. Такэда Юкити, Токио, 1952.
8. Морохаси Тэцудзи, Дай кан ва дзитэн (Большой китайско-японский словарь), Токио, 1960.
9. Нихон си дзитэн (Словарь по истории Японии), изд-во «Цубогава сётэн», Токио, 1966.
10. Сун шу (История династии Сун),— в серии «Сы бу бэй яо» («Полное собрание важнейших сочинений четырех разделов»), т. 60, ч. II, Шанхай, 1936.
11. Хоу Хань шу (История династии Поздняя Хань),— в серии «Сы бу бэй яо», т. 55, ч. II.

На русском языке

12. Документы по истории японской деревни, пер., предисл. и прил. О. С. Николаевой, ч. I, М., 1966.
13. Идзумо фудоки (Описание земли и нравов провинции Идзумо), пер. К. А. Попова, М., 1966.
14. Ким Бусик, Самкук саги (Исторические записи о трех государствах), пер., вступит. статья и комм. М. Н. Пака, М., 1959.
15. Современная Япония. Справочник, М., 1968.

16. Papinot E., History and Geography of Japan [Справочник]. Tokyo — Yokohama, 1909.

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

17. Авербух М. С., Законы народонаселения докапиталистических формаций, М., 1968.
18. Арутюнов С. А., Древний восточноазиатский и айнский компоненты в этногенезе японцев (автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. истор. наук), М., 1962.
19. Арутюнов С. А., Этническая история Японии на рубеже нашей эры, — «Труды Института этнографии. Восточноазиатский этнографический сборник», М., 1961, стр. 137—175.
20. Арутюнов С. А., Светлов Г. С., Старые и новые боги Японии, М., 1968.
21. Воробьев М. В., Древняя Япония, М., 1966.
22. Гальперин А. Л., Очерки социально-политической истории Японии, М., 1963.
23. Жуков Е. М., Земельный кадастр Хидзёси как мера реставрации крепостничества в Японии в конце XVI столетия, — в сб. «Доклады советской делегации на XVIII конгрессе востоковедов», М., 1954, стр. 41—54.
24. Искандеров А. А., Некоторые проблемы изучения японского феодального города, — «Ученые записки ИВ АН СССР. Япония. Вопросы истории», т. XXIII, М., 1959, стр. 5—21.
25. Искандеров А. А., Феодальный город Японии, М., 1961.
26. Катаяма Сэн, Движение эта — мощный фактор революционной борьбы японского пролетариата, — «Коммунистический Интернационал», 1923, № 28/29, стр. 7801—7814.
27. Конрад Н. И., Лекции по истории Японии (Древняя история), ч. I, М., 1937.
28. Конрад Н. И., Японский театр, — в сб. «Восточный театр», Л., 1929.
29. Культовая поэзия древней Японии (VI—VIII вв.), пер., вступит. статья и прим. Н. А. Невского, — в сб. «Восток. Литература Китая и Японии», ред. и вступит. статья Н. И. Конрада, М., 1935, стр. 15—30.
30. Лапина З. Г., К вопросу о традициях в экономических учениях китайского средневековья, — «Народы Азии и Африки», М., 1969, № 4, стр. 58—67.
31. Норман Г., Возникновение современного государства в Японии, М., 1961.
- 31а. Поршнев Б. Ф., Социальная психология и история, М., 1962.
32. Против расизма. Сборник статей, М., 1961.
33. Современная японская деревня. Сборник статей, М., 1964.
- 33а. Фукуда Токудзо, Общественное и экономическое развитие Японии, пер. с нем. яз. Н. И. Фельдман, Л., 1926.
34. Хани Горо, История японского народа, М., 1957.
35. Ханин З. Я., Из истории происхождения дискриминации в Японии, — «Страны и народы Востока», вып. VI, М., 1968, стр. 125—132.

36. Х а н и н З. Я., Проблема сэммин и ее изучение,— в сб. «История, культура, языки народов Востока», М., 1970, стр. 95—102.

На японском языке

37. А р а и К о д з и р о, Кэгарэ-но табу то Кинсэй Нихон сэммин ти-
цудзё (Табу грязи и система сэммин Японии в эпоху Кинсэй),—
«Сюкё кэнкю», 1966, июнь (№ 188), стр. 81—105.
38. Бураку мондай сэмина (Семинар по проблемам бураку. [Сборник
статей]), т. I, 1967; т. II, 1969, Киото.
39. В а т а н а б э Х и р о с и, Микайхо бураку-но ситэки кэнкю (Ис-
следование истории неосвобожденных поселков), Токио, 1963.
40. Дзусэцу Нихон сэмин сэйкацу си (Иллюстрированная история
японского народа), т. II, III, Токио, 1961.
41. Ё к о и К и ё с и, Кэнкю-но сия-о хирагаё (Расширим сферу ис-
следований),— «Бураку», 1962, № 3, стр. 15—20.
42. И н о у э К и ё с и, Бураку мондай-но кэнкю (Исследование про-
блем бураку), Киото, 1965.
43. И н о у э К и ё с и, Бураку мондай то родося кайкю (Проблемы
бураку и рабочий класс),— в сб. «Бураку мондай сэмина», т. I,
стр. 21—44.
44. И н о у э К и ё с и, К и т а х а р а Т а й с а к у, Бураку-но рэкиси
(История бураку), Токио, 1960.
45. К и т а я м а М о ф у, Бураку-но рэкиси то кайхо ундо (История
и освободительное движение бураку),— в сб. «Бураку мондай
сэмина», т. II, стр. 72—121.
46. К и т а я м а М о ф у, Н а р а м о т о Т а ц у я, Фудзитани
Тосио, Хаясия Тацусабуро, Иноуэ Киёси, Бура-
ку-но рэкиси то кайхо ундо (История и освободительное движе-
ние бураку), Киото, 1956.
47. Коннитти-но бураку мондай (Современные проблемы бураку),
Токио, 1969.
48. М и ё с и И х э й д з и, Дова мондай-но рэкиситэки кэнкю (Ис-
следование истории проблемы гармонизации),— «Бураку мондай
сирё бункэн сосё» («Собрание материалов по проблемам бура-
ку»), т. VI, Токио, 1968.
49. Миндзоку то рэкиси (Народ и история), 1918, июль,— «Бураку
мондай сирё бункэн сосё», т. V, Токио, 1968.
50. М и у р а К э й и т и, Дзюго — дзюроку сэйки-то дзиммин тосо.
Микайхо бураку сэйрицу си то-но канкэй-ни оитэ (Народная
борьба в XV—XVI вв. В связи с историей создания неосвобож-
жденных поселков),— «Рэкиси хёрон», 1969, № 11 (231),
стр. 76—100.
51. Н а к а н и с и Г и ю, Бураку кайхо ундо-но гэндзё (Современ-
ное движение за освобождение бураку),— «Бураку мондай кэн-
кю», 1963, № 14, стр. 7—17.
52. Н а р а м о т о Т а ц у я, Микайхо бураку-но рэкиси то сякай
(История и общество неосвобожденных поселков), Токио, 1968.
53. Нингэн мина кёдай (Все люди — братья. [Сборник статей]), Киото,
1965.
54. С а к о т а Ё с и к а д з у, Дзинкэн-но рэкиси (История прав че-
ловека), Киото, 1965.
55. Т а к а х а с и С а д а а к и, Токусю бураку си (История особых
поселков), Киото, 1926.

56. Тодзё Такаси, Бураку си-но кадай (Проблемы истории бураку), — в сб. «Бураку мондай сэмина», т. II, стр. 8—30.
57. Тоси бураку. Соно рэкиси то гэндзё (Городские бураку. Их история и современное положение), Киото, 1964.
58. Уэда Кунио, Бураку сангё-но сякайтэки сэйкаку (Социальный характер производства в бураку), — в сб. «Бураку мондай сэмина», т. I, стр. 85—98.
59. Уэда Масааки, Бураку си кэнкю-но гэндзё то кадай (Уровень и задачи изучения истории бураку), — «Бураку мондай кэнкю», 1963, № 14, стр. 18—28.
60. Уэда Масааки, Бураку си кэнкю-но сайкэнто (Обзор исследований истории бураку), — «Бураку», 1963, № 3 (154), стр. 16—25.
61. Уэда Масааки, Бураку хассэй си (История развития бураку), — в сб. «Бураку мондай сэмина», т. II, стр. 31—41.
62. Уэда Масааки, Иваюру дзинруй кигэн сэцу-но сайкэнто (Обзор так называемых антропологических теорий происхождения), — в сб. «Бураку мондай сэмина», т. II, стр. 56—71.
63. Уэда Масааки, Нихон кодай кокка сэйрицу си-по кэнкю (Изучение истории создания японского государства в древности), Токио, 1966.
64. Уэда Масааки, Харада Томохико, Бураку-но рэкиси (История бураку), т. I, Киото, 1960.
65. Уэда Масааки, Харада Томохико, Фудзитани Тосио, Наканиси Ёсио, Бураку-но рэкиси то кайхо ундо (История и освободительное движение бураку), Киото, 1965.
66. Фудзитани Тосио, Бураку си-ни окэру киндай то кодай (Современность и древность в истории бураку), — в сб. «Бураку мондай сэмина», т. II, стр. 122—142.
67. Фудзитани Тосио, Рэкиси сякай-ни окэру мибун сэй-ни кан-суру обозаки (Заметки о сословной системе в историческом обществе), — в сб. «Бураку мондай сэмина», т. I, стр. 77—84.
68. Харада Томохико, Нихон хокэн тоси кэнкю (Изучение феодального города Японии), Токио, 1957.
69. Харада Томохико, Сэкигахара госэн дзэнго. Хокэн-ни окэру нингэн-но кэнкю (До и после битвы при Сэкигахара. Изучение человека в феодальном обществе), Киото, 1965.
70. Хаясия Тацусабуро, Бураку мондай. Соно рэкиси-о тюсин-ни (Проблемы бураку. Главное — их история), — «Бураку», 1965, № 1 (184), стр. 4—19.
71. Хаясия Тацусабуро, Кинсэй-но тайдо (Зарождение эпохи Кинсэй), Токио, 1959.
72. Хаясия Тацусабуро, Кодай кокка-но кайдай (Распад государства эпохи Кодай), Токио, 1957.
73. Хаясия Тацусабуро, Ёкои Киёси, Рэкисигаку ва бураку мондай то до торикундэ кита ка? (Как историография рассматривала проблемы бураку?), — «Бураку», 1964, № 5 (174), стр. 13—18.
74. Хигасиками Такаси, Махара Тэцудзан, Ясасий бураку-но рэкиси (Элементарный курс истории бураку), Киото, 1966.
75. Ямамото Нобору, Бураку сабэцу-но сякай гакутэки кэнкю (Социологическое исследование дискриминации бураку), Киото, 1966.

76. Asakawa Kan'ichi, *Land and Society in medieval Japan*, Tokyo, 1965.
77. Ashly Montagu, *Man's most dangerous myth. The fallacy of race*, New York, 1946.
- 77a. Chamberlain H., *Gesammelte Hauptwerke*, München, 1923.
78. Chitoshi Tanaga, *Transition from military to bourgeois (chonin) society in Japan*, London, 1955.
79. Cornell John B., «Caste» in Japanese Social Stratification: A Theory and Case,—«*Monumenta Nipponica*», vol. XXV, 1970, стр. 107—135.
80. Cornell John B., *From Caste Patron to Entrepreneur and Political Ideologue*,—«*Modern Japanese Leadership. Transition and change*», 1963, стр. 51—77.
81. Dingwall E. I., *Racial Pride and Prejudice*, London, 1946.
82. Duus Peter, *Feudalism in Japan*, New York, 1969.
- 82a. Gobineau A., *Essai sur l'inegalite des races humaines*, 1—4, Paris, 1853—1855.
83. *National character and national stereotypes*, University of Amsterdam (North Holland publishing company), 1960.
84. Takekoshi Iosaburo, *The Economic Aspects of History of the Civilization of Japan*, vol. I, London, 1930.

УКАЗАТЕЛЬ ЯПОНСКИХ ТЕРМИНОВ,
СОБСТВЕННЫХ ИМЕН, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ,
НАЗВАНИЙ ОРГАНИЗАЦИЙ, БУДДИЙСКИХ СЕКТ,
ХРАМОВ, ПЛЕМЕН
И ДРЕВНИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Агути 168
Айну 31, 83, 186
Амарибэ 83, 189
Аматэрасу 112, 188
Араи Кодзиро 164
Араи Хакусэки 11
Арутюнов С. А. 33
Асигару 127, 192
Асида 162

Бакуфу 160
Бива 121, 191
Бива хоси 121, 191
Бунго 12, 186
Бураку 3—7, 12—14, 16, 17, 22,
23, 30, 54, 137, 138, 145, 158,
159, 161—163, 178, 186
Буракумин 4, 5, 7, 9, 14—16, 22,
23, 28—30, 37, 44, 53, 54, 137,
178, 186
Бураку кайхо кэнкюдзё 16
Бураку мондай кэнкюдзё 16
Буси 151, 192
Бэ (бэ-но тами) 22, 29, 39, 40—
44, 58, 59, 61, 62, 91, 108, 188

Ва (вэ) 33, 38, 188
Вамёсё 88, 92, 190
Варадзи 110, 190
Ватанабэ 160
Ватанабэ Хироси 17

Гамо Удзисато 159
Гинкаку дзи 125, 126, 192
Гион 79, 103, 104, 106, 107, 112,
115, 122, 129, 130, 155, 163, 190
Гобино А. 183
Гокинай 72, 189

Гонингуми 153, 192
Горбатов Б. Л. 26
Гэями 126
Гэкокудзё 147
Гэта 110, 190

Дадзё ин 155
Даймё 140, 141, 145, 149, 151,
157, 158, 162, 185
Даймиат 140, 141
Дайтоку дзи 166
Дза 79, 108—110, 112—115, 119,
120, 122, 145, 146
Дзакко 22, 29, 50, 54—57, 59,
61, 63, 72—74, 78, 81, 91, 94,
104, 108, 127, 178
Дзама 160
Дзёрури 123—125
Дзито 75, 140, 189
Дзэами 125
Дзори 162
Дзэнкоку суйхэйся 14
Дзэнъями 125
Доикки 130
Доногью Дж. 26
Дэнгаку 122—124, 169

Ёкои 26

Идзу 159
Идзумо 154
Идэн 49, 188
Имагава 158
Инаба 168
Иноуэ 169, 170
Иноуэ Киёси 17
Исэ 105, 121, 190
Ито Цунэтари 12

Кавара 77, 88, 104, 107, 113, 123, 127
Каварамоно (кавара-но моно) 22, 29, 63, 77, 80—84, 89, 92, 95, 100—105, 113, 114, 117, 119, 120, 126, 127, 134, 155, 168—170, 173, 174, 178
Кавата 156, 159, 193
Кавая 168, 169, 173
Кага 13, 188
Кан 68, 170—172
Какибэ 40, 42, 43, 55
Камакура 79, 146, 192
Канадзава 159, 193
Канко 50, 51, 74
Канутико-хякусё 56
Канъами 125
Канэтатаки 121
Катаяма Сэн 26
Като Киёмаса 147
Кёгэн 124, 125
Киёмидзу сака дэра 107
Кинай 71
Кинки 61, 189
Киото 16, 65, 79, 82, 103—107, 109, 112, 120—122, 129—132, 134, 142, 155, 160, 168, 189
Кита Синкити 14
Китай 21, 34, 37—40, 42, 57, 59, 60
Китано 132
Китахара Тасаку 17
Китаяма Мофу 17
Ко 184
Кобэ 160
Кодзики 11, 32, 36, 38, 186
Кодзима 125
Коё 170, 193
Коё гункал 170, 171
Коку 103, 190
Комии 50, 51, 115, 184, 188, 190
Кондзяку моногатари 92, 190
Кониси Юкинага 147
Конрад Н. И. 36, 40, 44
Конфуций 60
Корея 12, 21, 37—40, 42, 57
Корнелл Дж. Б. 26, 84
Кофуку дзи 103, 104, 106, 120, 124, 155, 190
Котоку 46
Ксавье Франсиско 151
Кугонин 116
Кугуцу 121
Кудара (Пэкчэ) 12, 186

Кумасо (хято) 33, 188
Ку нухи 50, 51
Курокава Дою 11
Курумакаси 113, 134
Кусэмай 124, 191
Кэнин 50, 51
Кюсю 61, 166

Макаси 113, 130, 131, 134,
Мацудзака 26, 159, 193
Мёдэн 71, 189
Мисси Ихэйдзи 15
Минамото Цунэёри 83
Мисо 112, 191
Миура Кэйити 156, 193
Миз 159
Монодзиро 168
Моногатарисо 121
Мононобэ 40
Мори 169, 170
Морита Ёсинори 17
Морохаси Тэцудзи 34
Мотоори Норинага 11
Мотоори Утидо 11
Муромати 146, 192
Мусаси 68, 189
Мэн цзы 60

Нагасаки 169
Нагоя 159, 160, 174
Накатомибэ 40
Нара 65, 71, 79, 84, 103, 104, 122, 124, 131, 159
Нарамото Тацуя 17
Нитирэн 177, 193
Нихон сёки (Нихонги) 32, 38, 44
Но 123—125
Но 184
Ноами 125
Норито 32, 36

Обито 33, 188
Овернь 97
Огю Сорай 11
Ода Нобунага 146
Одавара 159
Оми 116, 130, 131, 191
Осака 16, 123, 151, 160
Оцу 130

Пассин Г. 26
Португалия 161, 169
Пэкчэ (Кудара) 39

Рё (рёмин) 47, 51, 55, 56, 184
Рёко 50, 51, 53, 74

Сайто Досан 147
Сакаи 144, 151, 168
Сакума Моримаса 159
Сакэ 106, 112, 171
Сакэйки 82, 189
Самкук саги 32
Самурай 140, 141, 192
Сандзё 77—81, 89, 92, 107, 111—
113, 115, 123, 127, 129, 132,
160
Сандзё-но тамы 22, 29, 63, 77,
78, 80—84, 95, 100—102, 112,
134, 155, 173, 174, 176
Сано Манабу 14
Саругаку 122—124, 169
Сасара сэккё 169, 193
Сато 83
Сё 184
Сёгун 10, 128, 140, 186
Сёдзи 75, 78, 81, 139, 145
Сёмин 84
Сёмондзи 120, 131, 156
Сёэн 70, 71, 75—78, 81, 101, 114,
128, 132, 139—141, 154, 156,
185, 189
Сёю 112, 191
Си 184
Сидэн 49, 188
Сикидэн 49, 188
Симадзаки Тосон 26
Синано 130, 172
Си нухи 50—52
Смит Р. 26
Соами 125
Согабэ 40, 46
Сун шу 32
Суруга 158
Сусаноо 35, 188
Сэйко 33—35, 44, 61, 188
Сэммин см. сэн
Сэн (сэммин) 11, 22, 29, 47, 50—
56, 59, 61, 63, 64, 72—76, 78,
81—85, 89, 90, 94, 95, 102, 103,
105—107, 109, 111, 113—117,
119, 120, 122, 124—126, 128,
154—160, 162—167, 169, 170,
172, 174—177, 180, 184, 186
Сэнгоку 23, 187
Сэндзу мандзай 120, 191
Сэн фу рон 186
Сэтта 162

Сэтцу 121
Сюго секу 140, 192
Сюнь цзы 60
Сямисэн 124, 191

Таби 162
Тайка 40—48, 59, 63—65, 70, 75,
92, 94—96, 104, 180, 188
Тайхорё 64, 66, 91, 188
Тайхэйки 121, 125
Такасима 130, 192
Такахаси Садааки 14, 187
Такэда Сингэн 170, 172
Такэно Дзёо 168
Тан 5, 114, 186
Тё 186
Тёри 169, 173, 193
Тёся 79
Тнаки Фудзинацу 12, 13
Тодай дзи 103, 106, 114, 190
Тодзи 79, 112, 115, 129
Тодзико 12
Тоётоми Хидэёси 146, 147, 151,
160
Токайдо 144
Токио 14
Токугава 30, 83, 102, 179, 181
Токугава Иэясу 147
Токусю бураку 22, 157, 186
Томо-но мянцуко 43
Томобэ 22, 29, 40, 42, 43, 54—
57, 61, 63, 72—74, 78, 81, 91,
94, 108, 127, 178
Торнканбэ 44
То сэн фу рон 12
Тэнно дзи 123, 191

У 39
Уэда Масааки 17, 23, 25
Уэно 68, 172

Франция 97
Фудзитани Тосио 17
Фудоки 10
Фукусима Масано 147
Фусими 156
Фусю 84
Фуэ 122, 191

Хань шу 34
Хаори 162, 193
Харада Томохико 17
Хатиман гу 79, 166, 189
Хатия 173
Хаясия Тацусабуро 17, 34

Хибати 110, 162, 190
Хикохатио 158
Хинин 22, 28, 29, 37, 54, 93, 95,
100, 120, 160, 161, 169, 171,
173—177
Хиросима 5
Хаоси Банри 12, 186
Хогэн моногатари 121, 191
Ходзё Соун 147
Хоккэ 177, 193
Хонсю 48, 154, 168
Хоу Хань шу 32—35
Хэйан 65, 71
Хэйдзи моногатари 121
Хэйкэ моногатари 121
Хэймин 33, 41, 56, 184, 190

Цуру 104

Цурумэсо 103—107, 115, 129,
130, 134, 154, 168

Чемберлен Х. 183

Шан Ян 60

Эбису 33, 181

Эдзо 12, 33, 66, 187

Эдо 160

Энги сики 56, 87, 164, 188

Эта 22, 26, 28, 29, 37, 54, 90—
93, 95, 100, 161, 173—177

Этга 169

Этори 91, 92

Ямамото Нобору 146

Ямасиро 71, 79, 150, 181

Я-но моно 173

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Глава I. Изучение истории дискриминации отверженных в Японии	10
Глава II. Об истоках дискриминации отверженных	28
Низшие социальные объединения до середины VII в.	30
Низшие социальные объединения после реформ Тайка	45
О некоторых особенностях формирования явления «отверженности» в Японии	58
Глава III. Трансформация низших социальных групп в VIII—XI вв.	63
Кризис и распад социальной и политической структуры периода Тайка	64
Формирование новых групп сэммин	75
О механизме трансформации низших социальных объединений в группы отверженных	84
О некоторых проблемах, связанных с процессом трансформации групп париев	94
Глава IV. Положение японских париев в XII—XV вв.	100
О некоторых общих тенденциях в эволюции различных групп париев	100
Цеховые объединения японских париев	107
Участие отверженных в развитии национальной культуры	117
Соппротивление париев гнету и дискриминации	126
О некоторых общих особенностях положения дискриминируемых групп	132
Глава V. Образование бураку (XV—XVI вв.)	137
Общие социально-экономические и политические условия создания бураку	138
Положение париев	154
Заключение	180
Примечания	186
Библиография	194
Указатель терминов, собственных имен, географических названий, названий организаций, буддийских сект, храмов, племен и древних литературных произведений	199

Зиновий Яковлевич Ханин
СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ ЯПОНСКИХ ПАРИЕВ

(очерк истории до XVII в.)

*

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

* *

Редактор *Л. М. Манелли*
Младший редактор *Р. Г. Селиванова*
Художник *Е. В. Бекетов*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Л. Ш. Береславская*
Корректор *В. В. Воловик*

*

Сдано в набор 28/XI 1972 г.
Подписано к печати 7/III 1973 г.
А-06656. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бум. № 2
Печ. л. 6,375. Усл. п. л. 10,71
Уч.-изд. л. 11,09. Тираж 2000 экз.
Изд. № 3080. Зак. № 1270
Цена 1 р. 08 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4